

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

Март — Апрель

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

А. П. Окладников, Д. Л. Бродянский

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОЧАГ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

На всем протяжении своей истории дальневосточные племена образывали особый, резко своеобразный мир. Уже в неолите они не только создали свою оригинальную технику, материальную и духовную культуру, но и свое особенное хозяйство. Это был мир оседлых людей, живших в прочных постоянных жилищах типа полуземлянок.

На севере, в низовьях Амура экономической основой оседлости было рыболовство, специфическое для рек Тихоокеанского бассейна, с массовым ходом морской рыбы. Одна неделя такой рыболовной «страды» могла обеспечить пищевыми запасами на всю зиму.

Иной характер имела экономика племен, обитавших в Южном Приморье, на Уссури и по берегам Среднего Амура, выше Хабаровска. Здесь еще в неолите, не позднее III тысячелетия до н. э., развивается земледелие¹.

В Южном Приморье, в ходе работ Дальневосточной археологической экспедиции, были подвергнуты широким раскопкам поселения эпохи неолита, бронзы и раннего железа (III — I тысячелетия до н. э.). Результаты этих раскопок² позволяют во многом по-новому, с надежными данными стратиграфии, подойти к проблеме древнего земледелия в этом районе земного шара. Особенно ценны материалы Майхинского комплекса — целой группы многослойных и однослойных поселений в районе р. Майхэ и оз. Топауза, раскопанных в 1960—1967 гг. Дальневосточной экспедицией совместно с Дальневосточным университетом.

Полностью раскопано поселение Майхэ I со следующей стратиграфией: 1) мезолит; 2) неолит — культура типа Гладкая I; 3) культура Сидеми, майхинский ее вариант; 4) культура Чапигоу. Два средних горизонта Майхэ I дали материалы по земледелию. Такова же стратиграфия Майхэ II (без культуры Чапигоу). Что же касается Майхэ III (Майхэ-парники), то оно представляет собой однослойное неолитическое поселение, старшее по отношению к неолитическому горизонту Майхэ I — II. Отсюда происходят древнейшие в Приморье формы мотыг и зернотерок. Следует отметить еще Кировское — двухслойный памятник, нижний горизонт которого коррелируется с Майхэ III, а к верхнему

¹ А. П. Окладников, Основные проблемы древней истории Дальнего Востока, Тезисы докладов и сообщений III Дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии, Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 3—11; его же, Возникновение земледелия на Дальнем Востоке, Тезисы докладов и сообщений II Научной конференции по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, Владивосток, 1960, стр. 6—7; его же, Древнее поселение у известкового завода вблизи с. Екатерининского (долина р. Сучан), Сибирский археологический сборник, «Древняя Сибирь», вып. 2, Новосибирск, 1966, стр. 131—147.

² А. П. Окладников, Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края, Владивосток, 1959; его же, Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. Материалы к древней истории Дальнего Востока, Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), 112, М.—Л., 1963; «История Сибири», т. I, Л., 1968.

относится полуземлянка, где найдены зерна проса, датированные по С¹⁴ 2197±60 лет до н. э.³ Здесь же найдены многочисленные зернотерки и архаичный («яншаоский») нож. Кроме этого майхинский комплекс дал новые сборы по классическому варианту культуры Сидеми: Майхэ — мельница, Артем ГРЭС, мыс Черепаха. Ранее раскапывались поселения на п-ове Песчаном, Гладкая I, Чапигоу, Харинская, Известковый завод у с. Екатерининского и др., а в последние годы — на островах Петрова и Путятин, в долине Чапигоу.

Таким образом, известно несколько групп оседлых поселений, относящихся к эпохам неолита, бронзы и раннего железа.

Группа ранних памятников невелика: Майхэ III и неолитический горизонт Кировского. Для поселений выбраны невысокие террасы в непосредственной близости от реки или озера. При современных наводнениях вода подходит к месту древнего поселка вплотную, но не затопляет его. Почвы здесь мягкие, песчаные, с большим количеством гумуса.

Следующая по времени группа неолитических поселений включает стоянки Майхэ I и II, Гладкая I, Тетюхе-пристань, Сенькина Шапка, Синий Гай. Вся эта группа памятников относится ко времени не позднее III тысячелетия до н. э.

Поселение Майхэ I занимало мысовидный холм в пойме р. Майхэ. На гребне холма и на искусственных террасах по его склону в неолитическое время располагалось более 30 домов-полуземлянок. Общая площадь поселка превышала 2500 м². Дома прямоугольные, с округлыми углами, иногда почти овальные, площадь отдельных жилищ от 8 до 45 м².

Такие дома часто вплотную примыкали друг к другу. Крышу поддерживали 1—2 ряда деревянных столбов, очаг представлял собой простое углубление в полу. Вдоль стен и у очага размещались сосуды, некоторые из них упали с какого-то возвышения или нар. Наряду с обычными для неолита Южного Приморья плоскодонными сосудами баночной формы, чашами, миниатюрными сосудиками здесь встречены высокие вазы с плавно профилированным туловом и слегка суженной шейкой. Одна такая ваза (высота 40 см, диаметр тулова 22 см) находилась в специально вырытой в полу землянки круглой яме.

Посуда украшена тонким зубчатым штамповым или прочерченным орнаментом, наиболее характерный его мотив — вертикальный зигзаг. Наряду с этим встречается меандровый узор, нанесенный отступающей лопаточкой, пояски из косых вдавлений, пересекающиеся прочерченные ногтем штрихи, изредка — сложные спиральные завитки, заполненные ямками-наколами. Донышки сосудов украшались резным рисунком в виде жилок древесного листа. Такая же керамика характерна для ряда неолитических памятников Северной Кореи, с которыми поселения типа Майхэ I — Гладкая I, несомненно, находятся в ближайшем родстве.

Шлифованные рубящие орудия (овальные в сечении топоры и односторонне выпуклые тесла) изготавливались из зеленых пород вулканического происхождения; ретушированные орудия (ножи, проколки, наконечники) — преимущественно из обсидиана. Ножи и наконечники стрел изготавливались также из шифера, при этом применялась как малопригодная для такого материала ретушь, так и шлифовка. Найдены многочисленные отбойники, терочники, лощила, камни для добывания огня, глиняные пряслица. Встречаются также рыболовецкие грузила из мелких галек.

Наряду с этими предметами на полу неолитических полуземлянок Майхэ I найдены плиты и куранты зернотерок, каменные мотыги. На-

³ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова, С. И. Руденко, Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста, в сб.: «Работы лаборатории ИА АН СССР», М., 1961, стр. 22.

ходка *in situ* плечиковых мотыг позволила надежно датировать всю группу таких орудий из южноприморских поселений.

Древнейшие в Приморье каменные мотыги появляются в Майхэ III. Это маленькие трапециевидные орудия из серого сланца, грубо оббитые, односторонне выпуклые, длина их 9—12 см, ширина 4—5 см. Такие же мотыжки встречаются в Новопетровской культуре пластин на Среднем Амуре, но не сопровождаются там зернотерками. В Майхэ III собрана большая серия таких мотыжек.

Следующий этап в развитии приморских каменных мотыг представлен крупными изделиями с хорошо выраженной рабочей частью, узким верхом и слабо намеченными плечиками или просто сужением посередине. Длина их 17—21 см, ширина 5—9 см. Изготавливались они преимущественно из сланца, обработаны крупными сколами, причем частично сохраняется естественная корка по длинной оси орудия. Такие мотыжки найдены в неолитических горизонтах Майхэ I—II, на о. Петрова, на о. Путятин, в нижнем слое Чапигоу.

Третий тип — мотыги с хорошо выраженными плечиками и узким черенком («плечиковые»). Такие мотыжки найдены в Тетюхе, Кировском, на о. Путятин. На о. Петрова на небольшой площади собрано несколько десятков мотыг второго и третьего типа. Известно, что плечиковые мотыжки найдены на месте неолитических поселений Маньчжурии⁴ и Северной Кореи⁵. Есть они и в неолите Японии, в позднем дзёмоне⁶, где соответственно должны быть датированы III тысячелетием до н. э.⁷ Неолитические мотыги первого и второго типа сближаются с мотыгами из Хассуны (Северный Ирак, VI тысячелетие до н. э.)⁸, но здесь не может идти речь о заимствовании: форма каменной мотыги вырабатывалась на Дальнем Востоке постепенно и конвергентно.

Мотыги более близкого по времени и расстоянию земледельческого центра в Северном Китае — культуры Яншао — заметно отличаются от приморских. Мотыги из Баньпо⁹ или из яншаоского слоя Мяодигоу¹⁰ представляют собой продолговатые приостренные гальки, оббитые по краю, с боковыми выемками-перехватами для крепления к рукояти. Вместе с тем в Баньпо одна из мотыжек отдаленно напоминает мотыжку Майхэ III¹¹.

В нижнем, неолитическом слое поселения на р. Чапигоу и на о. Путятин найдены землеройные орудия еще одного типа — трапециевидные, лопатообразные. Широкие и тяжелые, они изготовлены из зеленого сланца, длина их составляет 18—20 см, ширина — 9—10 см. Возможно, что такое орудие применялось как тяжелая мотыга при снятии дернины, но вероятнее предположить, что этой цели служили палки-копалки, такие же как у лапуасов берега Маклая. Мотыги первых трех типов могли применяться на мягких наносных почвах типа гумусированных

⁴ Лян Сы-юн, Неолитические каменные орудия и керамика из сборов в Чабуганьяо, Линьси, Шуандин, Чифэн и др. местонахождениях, пров. Жэхэ, в кн.: «Сб. статей Лян Сы-юна», Пекин, 1959 (на кит. яз.), стр. 142, рис. 25, 1 (мотыга из Чифэна); В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии, в кн.: «Археологический сб.», I, Улан-Удэ, 1959, стр. 40—48, табл. I, 1, табл. IV, 3.

⁵ «Отчет о раскопках первобытной стоянки на острове Чходо, уезд Начжин», Пхеньян, 1956 (на кор. яз.), табл. XLIV, 1; Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон, уезд Херен, «Доклады о раскопках», вып. 7, АН КНДР, Пхеньян, 1960 (на кор. яз.), табл. XLIX, I, II.

⁶ Sugihara, Shell-mounds in Ichikawa city, «Kokogaku Syukan», vol. 2, № 2, Tokyo, 1963, pl. 33, 12; G. J. Groot, The Prehistory of Japan, New York, 1951, pl. XL.

⁷ F. I k a w a, The Continuity of Non-Ceramic to Ceramic Cultures in Japan, «Arctic Anthropology», vol. 2, № 2, 1964, pp. 112—113 (Иваяма в долине Канто датирована 2563 г. до н. э., 2596 г. до н. э.).

⁸ Г. Ч ай л д, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, рис. 56.

⁹ «Стоянка Баньпо у г. Сиань», Пекин, 1963 (на кит. яз.), рис. 59—62.

¹⁰ «Мяодигоу и Саньлиаю», Пекин, 1959 (на кит. яз.), стр. 59, рис. 39, 1—4.

¹¹ «Стоянка Баньпо...», рис. 61, 3.

песков в долине Майхэ, а также при обработке уже поднятой дернины. Для выкапывания съедобных корней, клубней, луковиц они непригодны. В отдельных случаях мотыги могли быть использованы при рытье котлованов под землянки и хозяйственных ям, но в Майхэ I грунт не всегда поддается даже железной лопате. Скорее здесь применяли кирки из рога оленя, такие кирки найдены в неолитическом поселении Гунсан в Северной Корее¹² (на этом же поселении есть каменные мотыги второго типа)¹³.

В поселениях, где появляются первые подражания в камне бронзовым изделиям, весь облик инвентаря резко меняется и каменные мотыги исчезают. Получают распространение новые приемы обработки земли, меняется сам облик хозяйства: наряду с мотыжным земледелием, по-видимому, появляется и пашенное.

На сопке Харинской в районе оз. Ханка, в дикой и живописной местности, среди гор, покрытых густыми зарослями первобытного леса, уцелели остатки поселения, состоявшего из нескольких десятков жилищ полуподземного типа. Все эти жилища были сооружены по одному плану. В рыхлых отложениях супеси на плоской вершине холма сначала выкапывалось углубление с почти отвесными стенками, в виде прямоугольника со скругленными углами, иногда почти овала. В центре располагалась очажная яма, в двух случаях очаг был выложен каменными плитами. По краям котлована, как обычно на Дальнем Востоке, ставились с небольшими интервалами столбы, служившие опорой для стен. Вместе с каменными топорами, овальными и прямоугольными в поперечном сечении, а также шлифованными листовидными наконечниками стрел в Харинской найдены каменный клинок, имитирующий бронзовый наконечник копья сейминско-турбинского типа, и вырезанная из камня копия полусферовидной бронзовой бляшки. Такая же каменная бляшка найдена в многослойном поселении Одон (провинция Сев. Хамгён, Корея)¹⁴. С Одоном Харинскую сближают и шесть зооморфных фигурок из глины. В Одоне найдена большая серия таких же фигурок из камня¹⁵, есть они и в Конгвири¹⁶. Это «мяблихень», или «соколиные клювы», как их называют корейские археологи.

Копии бронзовых вещей позволяют датировать культуру Харинской концом II тысячелетия до н. э. Сочетание в инвентаре черт, характерных как для неолита, так и для раннего железа, вполне согласуется с такой датировкой. Племена Приморья уже хорошо были знакомы с металлом и имели контакты с теми, у кого металл прочно вошел в быт. Это была уже культура бронзового века, хотя в Приморье металл все еще был редкостью.

Древний поселок на сопке Харинской не случайно, по-видимому, оказался в глухом и труднодоступном месте, на вершине изолированного холма. Это, тем не менее, не спасло древний поселок от горькой судьбы. Он погиб внезапно, в огне пожара. На полу и вдоль стен жилищ груды лежали чаши-пиалы, рядом находились совершенно целые, глубоко врытые в землю, большие узкогорлые сосуды для хранения запасов продовольствия. Рядом с жилищами находились плоские плиты зерно-терок, ладьевидные куранты к ним, шиферные полулунные ножи и ножи с черешком. И, наконец, здесь же был найден предмет, возможно, являвшийся каменным лемехом плуга.

¹² «Отчет о раскопках первобытной стоянки в Гунсане», «Исследования Института археологии и этнографии АН КНДР». вып. 2, Пхеньян, 1957 (на кор. яз.), табл. 29.

¹³ Там же, табл. 16, 9.

¹⁴ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон...», табл. СХХ, 9.

¹⁵ Там же, табл. LXXII—LXXIV.

¹⁶ Ким Ен Ган, Отчет о раскопках первобытной стоянки в Конгвири у г. Кангё, «Доклады о раскопках», вып. 6, АН КНДР, Пхеньян, 1959 (на кор. яз.), стр. 81, табл. XLV, 2, 3, XLVI, 4—6.

В археологической литературе уже давно стали известны эти оригинальные каменные изделия. Впервые описал и определил их как земледельческие орудия известный исследователь неолита Северного Китая Э. Лисан¹⁷. Затем такие же каменные предметы были найдены в Маньчжурии и Внутренней Монголии, в долине р. Ляохэ, в горном районе Жэхэ и других местах¹⁸. В Хуншаньхоу, у г. Чифэн, на втором поселении четыре таких изделия были обнаружены *in situ* в культурном слое с крашеной керамикой и неолитическими орудиями типа Линьси, т. е. в слое первой доисторической культуры Чифэна, которую японские археологи датировали 3000—1500 гг. до н. э.¹⁹

Эти орудия имеют устойчивую и характерную форму. Они обладают широким параболическим или узким острым лезвием и суженным или косо срезанным насадом. Поверхность в одних случаях оббита, в других сплошь заполирована, возможно, в результате длительного употребления. Э. Лисан отметил на них характерные для лемеха следы работы. Длина изделий 30—45 см, ширина 15—18 см. Судя по весу и исключительно большим размерам, они не могли служить мотыгами.

В 1956 г. корейские археологи нашли 30 таких лемехов на поселении Дитапли, у г. Саривон в провинции Хванхэ. Длина их в большинстве случаев равна 30 см при ширине 15 см, но есть и лемехи длиной до 65 см. В Дитапли найдены также зернотерки, каменные серпы, а также обугленные зерна двух видов²⁰, хранившиеся в горшке с характерным гребенчато-елочным узором.

Обломок лемеха, подобный описанному Лисаном, А. П. Окладников обнаружил в 1951 г. в Агинских степях вместе с неолитическими изделиями из камня. Можно вслед за Лисаном предполагать, что на обширных пространствах Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северной Кореи и Южного Приморья, отчасти Забайкалья уже в неолитическое время и в начале бронзового века могла существовать обработка земли плугом. Интересно в связи с этим отметить, что в древнейшей земледельческой культуре Китая — Яншао — нет никаких следов применения плуга. Первые следы пахоты можно, по-видимому, обнаружить лишь в так называемом «хэнаньском Луншане» — культуре, занимающей промежуточное положение между Яншао и Инь, причем единственным свидетельством такого рода является небольшой каменный сошник со стоянки Эрланган в западной Хэнани²¹. Сошник грушевидной формы, размеры его 18×12×1,2 см, т. е. он примерно вдвое меньше каменных лемехов Маньчжурии и Кореи. Показательно, что наряду с этим одиночным свидетельством пахоты на всех луншаньских поселениях в тех же слоях найдено большое количество мотыг: прямоугольных или трапециевидных, с выпуклым или скошенным острым лезвием, прекрасно отшлифованных, с отверстием для крепления рукояти или без него. Следователь-

¹⁷ C. Licent et P. Teilhard de Chardin, Note sur deux instruments agricoles du Néolithique de Chine, «L'Anthropologie», XXXV, 1925.

¹⁸ E. Licent, Les collections néolithiques du Musée Hoagho Paiho de Tientsin, No. 14, Tientsin, 1931, pl. 63; J. Yawata, Contribution to the Prehistoric Archaeology of Northern Jehol, Report of the first Scientific Exped. to Manchoukuo, sect. VI, part III, «Anthropology», 1940, pl. XVI, p. 42; «Hung-Shan-Hou, Chin-Feng», «Archaeologia Orientalis», ser. A, vol. VI, Tokyo, 1938, pp. 5—7, pl. XLI, 27—32; А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, в сб. «Древний мир». М., 1962, стр. 426—431, рис. 54, 1—3; В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэя..., стр. 40—59, табл. IV, рис. 5, 8; Сунь Чан-сюй, Возникновение и развитие лэй и сы, Шанхай, 1959 (на кит. яз.), стр. 36, рис. 14.

¹⁹ «Hung-Shan-Hou, Chin-Feng», pp. 5—7.

²⁰ То Ю Хо, Хван Ги Док, Предварительный отчет о раскопках первобытных памятников в селе Дитапли, «Мунхва Юсан», 1957, № 5; А. П. Окладников, Ким Ен Нам, Новые работы по каменному веку Кореи, «Сов. археология», 1958, № 4, стр. 232—236.

²¹ «Неолитическая стоянка Эрланган в уезде Наньчао, пров. Хэнань», «Вэньбу», 1959, 7, стр. 55—59.

но, в бассейне Хуанхэ в доиньское время преобладала ручная обработка земли, а появление пахоты, если оно и имело место, произошло не без влияния племен северо-востока.

Если на Дальнем Востоке и в соседних районах земледелие сначала имело в своей основе употребление каменных орудий, то дальнейшее развитие обработки почвы на этой территории связано с появлением железа, ранним и своеобразным. Широко известны находки литых чугуновых кельтов с прямоугольной втулкой. Ареал их распространения охватывает Приморье, Средний Амур, Маньчжурию и Корею. Они могли использоваться как наконечники сельскохозяйственных орудий. В Приморье такие кельты найдены в поселениях культуры Сидеми, на п-ове Песчаном²² и на сопке М. Подушечка²³.

Еще более архаичные железные орудия найдены в жилищах сидеминского горизонта Майхэ I. Всего таких жилищ в Майхэ I более 20, они возникли на месте неолитического поселка и прорезают заплывшие котлованы неолитических землянок. По ряду признаков майхинский вариант культуры Сидеми старше поселения на п-ове Песчаном. Железных предметов найдено шесть, все они однотипны и представляют собой удлиненную трапециевидную пластину с двумя продольными бортиками-закраинами. Бортики образуют кельтовидный насад и, если приварить к бортикам вторую такую же пластину, получится длинный узкий кельт с прямоугольной втулкой. В трех случаях аналогичное железное орудие найдено рядом с жатвенным шиферным ножом. Точно такие же по форме и размерам железные орудия найдены на Амуре, на о. Урил, в урильской культуре. Ближайшую аналогию эти орудия нашли в корейском этнографическом материале. В XIX в. корейские крестьяне пользовались деревянными заступами, на которые насаживали железный наконечник той же формы, но значительно больших размеров²⁴. Можно допустить, что железные изделия из Майхэ I использовались как наконечники двузубых мотыг или заступов и насаживались на деревянное основание.

Наряду с орудиями обработки почвы широко представлены зернотерки. На материале приморских памятников удалось проследить эволюцию этих орудий и время их появления. Плиты и куранты-бегунки изготовлены из местных гранитов и эффузивных базальтов. Поверхность их обрабатывалась точечной оббивкой, рабочие плоскости подвергались дополнительной «проковке» и зашлифовывались в процессе использования. На рабочих поверхностях плит и курантов заметны узкие параллельные борозды, что придает этим поверхностям характерную шероховатость.

Плиты зернотерок массивные, овальные или прямоугольные, со сглаженными углами, длина их около 40 см, ширина 20—25 см при толщине 5—7 см. По характеру рабочей поверхности можно выделить в Приморье два вида зернотерок: ступенчатые и «тарелкообразные».

Ступенчатые зернотерки найдены в Майхэ I. На полу неолитических жилищ № 24, 26, 29, 30-«а» лежали рабочей поверхностью вниз четыре совершенно целые плиты. На рабочей поверхности их заметен хорошо выраженный уступ-ступенька, причем нижняя из двух площадок — вогнутая, а верхняя — плоская; следы использования сильнее выражены на нижней.

Другой тип — «тарелкообразные» зернотерки, с плоской или вогнутой рабочей поверхностью и выпуклой противоположной стороной. Такие плиты есть в неолитических поселениях (Тетюхе, нижний слой Чапигоу), в памятниках эпохи бронзы (верхний слой Кировского, Харин-

²² А. П. Окладников, Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.

²³ Ж. В. Андреева, Памятники железного века в Приморье, «Записки Приморского филиала Географического общества СССР», т. XXV, Владивосток, 1966, стр. 136.

²⁴ M. Heydrich, Koreanische Landwirtschaft, Leipzig, 1931, рис. 7.

ская) и раннего железа, в сидеминских землянках Майхэ I и II, о. Путьтин, Песчаного. Иногда встречаются плиты с приподнятыми над рабочей поверхностью узкими сторонами, что придает им ладьевидные очертания. Это сильно сработанные «тарелкообразные» зернотерки.

Большее разнообразие обнаруживают куранты от зернотерок. Можно выделить следующие типы курантов.

1. Трапециевидные, короткие и узкие (длина не более 14 см, высота до 8 см, ширина рабочей части 2,5—4 см). Рабочая поверхность выпуклая или скошенная. Эти архаичные куранты появляются в Майхэ III одновременно с мотыжками первого типа. Есть, наряду с другими, трапециевидные куранты и в неолите Майхэ I и II.

2. Сегментовидные, длинные (23—30 см) и узкие (2—6 см), высотой 6—12 см. Рабочая поверхность их характерным образом скошена, растирание таким курантом производилось при движении от себя. Сегментовидные куранты есть в неолитических и сидеминских жилищах Майхэ I—II, в Кировском (верхний слой), Екатерининском.

3. Сегментовидные, широкие, с дугообразно выпуклой спинкой и плоской или скошенной рабочей поверхностью. По одному такому изделию найдено в Тетюхэ и Майхэ II, подобные же куранты найдены на поздненеолитических стоянках Южной Гоби около Сайн-Шанда и на р. Шара-Мурен.

4. Ладьевидные. Ранние находки представлены одиночными экземплярами из неолита Гладкой I и Майхэ I. Ладьевидные куранты характерны для Харинской и сидеминских поселений типа Песчаного. Производительность труда при ладьевидных курантах была наибольшей.

Таким образом, можно проследить эволюцию курантов: от архаичных коротких трапециевидных к длинным сегментовидным и далее к ладьевидным, с выступающими краями. Весь этот процесс развития укладывается, как и у мотыг, в рамках неолита, но узкие сегментовидные куранты доживают до раннего железа (майхинский вариант културы Сидеми).

Зернотерки и куранты, хорошо знакомые нам по Приморью,—одна из самых распространенных находок в Корее и Маньчжурии, есть они и в Монголии. В Северной Корее, в Гунсане, есть ладьевидные плиты и куранты второго и четвертого типов²⁵. Ладьевидные куранты и плиты найдены в Одоне²⁶. Всего в провинции Сев. Хамгён обнаружено несколько сот зернотерок и курантов, причем только в поселении Нонфори найдено их около 60; некоторые из зернотерок и курантов сопровождались оббитыми изделиями из кремня²⁷. В Маньчжурии В. В. Поносов обнаружил ладьевидные зернотерки в нижнем течении р. Муданьцзян, возле оз. Цзинбоху²⁸. Лян Сы-юн нашел ладьевидный курант в неолитическом комплексе Линьси²⁹. Два архаичных куранта найдены в районе Ананци³⁰. Наибольшее число находок в Маньчжурии сделано на юге, на Ляодунском полуострове, в долине р. Ляохэ, в горном районе Жэхэ и в соседних районах Внутренней Монголии³¹. В Чифэне на первом поселении найдены классические ладьевидные зернотерки и своеобразная крупорушка: массивная плита с правильным круглым углублением в виде чаши с плоским дном и пест-терочник с плоской рабочей поверх-

²⁵ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в Гунсане...», табл. 14, 4, 5, табл. 15, 1—8.

²⁶ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в с. Одон...», табл. LIII—LVII.

²⁷ А. П. Окладников, Ким Ен Нам, Новые работы по каменному веку Кореи, «Сов. археология», 1958, № 4, стр. 234—235.

²⁸ V. V. Ponomov, Prehistoric Culture of the Eastern Manchuria, «Bull. of the Institute of Scientific Research, Manchoukuo», vol. 2, No. 3, Hsinking, 1938.

²⁹ Лян Сы-юн, Неолитические каменные орудия..., стр. 132, рис. 17.

³⁰ В. Е. Ларичев, Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура (Ананци, Дунбэй, МИА, 86, М.—Л., 1960, рис. 16, 5, стр. 123.

³¹ В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэй..., стр. 40—59.

ностью (песту придана форма фаллоса). Такая же крупорушка найдена на Среднем Амуре, на Осиновом озере, здесь же найдены сегментовидные куранты, аналогичные приморским³². Ладьевидные зернотерки Дальнего Востока находят себе и другие аналогии. Именно такие зернотерки, предшествующие позднейшим ручным мельницам с вращающимися вокруг своей оси круглыми жерновами, постоянно встречаются в древнейших земледельческих культурах земного шара³³.

Своеобразны дальневосточные орудия для сбора урожая: жатвенные ножи и серпы. Здесь неизвестны вкладышевые ножи-серпы, обычные для древнейших земледельческих культур Средиземноморья и Средней Азии. В неолите на Амуре и в Приморье употреблялись широкие плоские ножи, иногда со слегка искривленным концом, по очертаниям напоминающие общеизвестные мустерские острия с краевой ретушью. Вероятно, эти специфические для Дальнего Востока инструменты служили рыболовам Амура и Приморья для разделывания добычи, для приготовления юколы и для снятия с больших рыб шкур, из которых они, подобно нанайцам и ульчам, шили одежду и обувь. Вместе с тем в неолитических слоях Майхэ I — II, Кировского и Майхэ III есть ретушированные шиферные ножи и широкие шиферные пластины с острым краем. В слоях, относящихся к III — началу II тысячелетия до н. э., появляются ножи другого типа: шлифованные, преимущественно из шифера, полулунные, трапиевидные, прямоугольные, с отверстием для крепления или без него. Лезвие этих ножей бывает прямым, скошенным, выпуклым, реже вогнутым. Такие или близкие к ним формы ножей бытуют в течение длительного времени по всей Восточной Азии и широко известны в литературе как жатвенные ножи или ножи-серпы³⁴. Впервые их сельскохозяйственное назначение установил И. Г. Андерсон, он же сопоставил их с железными ножами из Шаньдуна, Чжили (Хэбэя) и Жэхэ³⁵.

В Корее и Маньчжурии железные ножи, копирующие форму каменных прототипов, сохранили свое прямое назначение как серпы и жатвенные ножи³⁶. Трапиевидные железные ножи с прямым лезвием, к которым при помощи двух отверстий крепилось приспособление для держания орудия, применялись крестьянами некоторых уездов Южной Маньчжурии и Северного Китая для срезания метелок гаоляна.

Древнейшей формой жатвенных ножей И. Г. Андерсон и китайские исследователи считают ножи без отверстия, с боковыми выемками для крепления рукоятки. По форме они бывают полулунными, трапиевидными или прямоугольными, но все имеют прямое лезвие. Один такой полулунный нож найден в Кировском. В Китае ножи с боковыми выемками найдены в слоях культуры Яншао³⁷. В Баньпо они сочетаются с полулунными ножами, имеющими серпообразно вогнутое лезвие, и трапиевидными (все ножи без отверстий, с односторонней заточкой, оббиты и лишь частично отшлифованы)³⁸. Нож с боковыми выемками найден в знаменитом гроте Шагоутун³⁹.

³² «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 149—150.

³³ J. Storck. W. Darwin, A History of Milling, Flour for Man's Bread, Teagus, 1952.

³⁴ Ань Чжи-мин, Каменные ножи китайской древности, «Каогу сюэбао», 1955, № 10, стр. 27—51.

³⁵ J. G. Andersson, An early Chinese culture, «Bulletin of the Geological Survey of China», No 5, p. 1, Peking, 1923, p. 44; его же, Researches into the Prehistory of Chinese, «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», No. 15, Stockholm, 1943, pl. 24, 1—3, pl. 25, 1.

³⁶ М. Heydrich, Koreanische Landwirtschaft, рис. 9—11; В. С. Стариков, Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967, стр. 158, рис. 59, 60.

³⁷ «Мяодигоу и Саньлицяо...», табл. XLVIII, 1, 2.

³⁸ «Стоянка Баньпо у г. Сиань...», рис. 64—1—5.

³⁹ J. G. Andersson, Children of the Yellow Earth, London, 1934, p. 202, fig. 90.

В луншаньских слоях Северного и Восточного Китая появляются собственно серпы или «асимметричные ножи», как их называл И. Г. Андерсон⁴⁰.

В это же время широко распространяются и ножи с отверстиями.

В приморских памятниках полулунные, а несколько позднее, по-видимому, трапезиевидные и прямоугольные ножи с одним отверстием и ножи с черенком появляются вместе с каменными копиями бронзовых вещей. В Харинской есть полулунные ножи с прямым лезвием и группа ножей с черенком, в том числе один настоящий серп, узкий, с характерно выгнутой спинкой и вогнутым лезвием. Видно, что серп перетачивали. В сидеминских жилищах на п-ове Песчаном, в Майхэ I и других памятниках есть полулунные, трапезиевидные и прямоугольные сверленные ножи. Это обычная находка и в уже знакомых нам поселениях Северной Кореи⁴¹ и Маньчжурии⁴².

Налицо, таким образом, целый комплекс сельскохозяйственных орудий, бытовавших в Приморье, Корее и Маньчжурии, все необходимое для земледельческого труда. Но этими находками не исчерпываются свидетельства древнего земледелия. Еще в прошлом веке Ф. Ф. Буссе, раскапывая землянку в с. Ивановка в Приморье, обнаружил раздавленные камнями большие горшки, в которых уцелели остатки «обугленного содержания». Как сообщается в отчете о раскопках Буссе, опубликованном в 1893 г., это «обугленное содержание» сосудов представляло собою хлебные зерна. В той же землянке оказались «скребки из обсидиана»⁴³.

Выше мы уже упомянули о зернах двух видов проса, найденных корейскими археологами в Дитапли. Еще одна находка зерна (по-видимому, проса) сделана в Одоне⁴⁴. В Майхэ I, на полу сидеминского жилища, также найдены обугленные зерна. У пос. Кировского, в помещении, относившемся к верхнему слою и служившем кладовой, найдены целые глиняные сосуды, в одном из которых сохранились обугленные зерна. Это зерно чумизы, итальянского проса (*Setaria italica*). Зерна чумизы оказались и в слое поселения у известкового завода, вблизи села Екатерининского⁴⁵.

Для хранения зерна использовались узкогорлые большие сосуды, врытым в пол. В одном из сидеминских домов Майхэ II обнаружена кладовая: прямоугольное помещение, вдоль стен которого помещались 14 ям с впущенными в них сосудами. В глиняных корчагах и кувшинах с глиняными крышками хранят зерно корейские крестьяне, сберегая его от порчи и грызунов⁴⁶, и так же хранили зерно едва ли не во всех древних земледельческих культурах мира.

Что же касается природной среды, существенно важной для возникновения земледелия, то по количеству видов полезных растений, по

⁴⁰ Li Chi, Liang Ssü-Jung, Wu Chin-Ting, Cheng-Tzu-Yai. The black pottery culture site at Lung-Shan-Chen in Li-Cheng-Hsien, Shantung province, New Haven, 1956; J. G. Andersson, Researches..., pp. 65—66; Л ю Д у н ь - ю а н ь, Обследование луншаньской стоянки у пос. Лянчэнжэнь, уезд Жичжао, «Каогу сюэбао», 1958, I, стр. 25—42.

⁴¹ «Отчет о раскопках первобытной стоянки на о. Чходо...», табл. XLV, XLVI; «Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон...», табл. CII, 1—5, XLVII, 2, 4, 5, 8, 10—12; Ким Ен Ган, Отчет о раскопках первобытной стоянки в Конгвире у г. Кангё, «Доклады о раскопках», вып. 6, Пхеньян, 1959 (на кор. яз.), табл. XXX, XXXI.

⁴² «Mu-Yang-Ching», «Archaeologie Orientalis», vol. II, Tokyo, Kyoto, 1931, fig. 5, 5—7; «Hung-Shan-Hou, Chin-Feng», pl. XXVI, 25, 26; В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэя..., табл. VIII, 13, 18, 20, 25.

⁴³ «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 142.

⁴⁴ «Отчет о раскопках стоянки в с. Одон...», табл. CXXVI, 2.

⁴⁵ А. П. Окладников, Древнее поселение у с. Екатерининского... стр. 132; В. Н. Лысов, Чумиза и просо в условиях Приморского края, «Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь», вып. 2, Новосибирск, 1966, стр. 148—150.

⁴⁶ В. Т. Зайчиков, Корея. М., 1951, стр. 196—197.

их разнообразию и ценности флора Приморья равноценна или почти равноценна флоре Закавказья и Средней Азии⁴⁷, т. е. районов древнейшего земледелия на территории СССР, примыкающих вплотную к Персидской Азии, первой колыбели мирового земледелия.

Одним из вероятных предков чумизы В. Л. Комаров называет зеленый мышей (*Setaria viridis*). На Дальнем Востоке он представлен многочисленными формами, причем нередко их крайне трудно отличить от одичавших и потерявших лопастность соцветий особей чумизы⁴⁸. «Таким образом, происхождение итальянского проса (чумизы) с Дальнего Востока от нескольких разновидностей зеленого мыша, дающего гомологический ряд изменений, параллельных изменениям проса, более чем вероятно»⁴⁹.

В. Л. Комаров рассмотрел вопрос о происхождении такого несомненно дальневосточного растения, как соя. По наблюдениям В. Л. Комарова и Б. В. Скворцова, дикая соя очень распространена в Маньчжурии, на Амуре и в Уссурийском крае, заходит она и в Северный Китай⁵⁰. В. Л. Комаров полагал, что есть все основания считать уссурийскую сою одним из родоначальников культурной и выдвинул три гипотезы происхождения культурной сои: 1) прямое происхождение культурного растения от дикой уссурийской; 2) происхождение этого растения от помесей между уссурийской дикой и войлочной соей Северного Китая и Южной Маньчжурии; 3) происхождение культурной сои от исчезнувших диких предков при участии уссурийской сои⁵¹.

Можно отметить еще несколько видов дикорастущих растений, которые могли быть в этом районе объектами развитого собирательства — необходимой предпосылки земледелия. На Дальнем Востоке растет до шести видов манника. Все они — водно-болотные растения, образующие небольшие заросли по берегам озер и речных стариц, в понижениях почвы, периодически заполняемых водой во время наводнений, и на заливных лугах (р. Суйфун). Чаше других встречается манник колосковый, манник трехцветковый и манник уссурийский. Манник наплывающий — старинный пищевой продукт, под именем «манны» хорошо известный населению лесных районов Швеции, Польши, Венгрии и Северо-Запада СССР. Зерна манника содержат около 75% крахмала и сахара, 9,7% белка, 0,4% жира⁵².

В долине р. Усури и в пределах Суйфуно-Ханкайской низменности, в сзерах, старицах, в тихих протоках и заливах растет цицания широколиственная, или маньчжурский дикий водяной рис. Близкий к ней вид, цицания водяная, была одним из популярных зерновых растений у североамериканских индейцев. Как известно, в Северном и Южном Китае водяной рис разводится как культурное растение. В пищу идут зерна, из которых делают лепешки, варят кашу. В голодные годы в Китае едят корневища цицании в печеном виде или сушат и приготавливают из них род муки. В пищу идут и сладкие молодые побеги и основания стеблей⁵³.

В Приморье растет восемь видов дикой вики, ее бобы напоминают плоды гороха. В урожайный год с одного крупного куста уссурийской вики можно собрать до 250 г очищенных от стручков горошин⁵⁴. В Япо-

⁴⁷ Б. П. Колесников, Полезные растения Приморского края, перспективы их использования и задачи дальнейшего изучения. Состояние и перспективы изучения растительных ресурсов СССР, М.—Л., 1958, стр. 193.

⁴⁸ В. Л. Комаров, Происхождение культурных растений, М.—Л., 1931, стр. 112.

⁴⁹ Там же, стр. 116.

⁵⁰ Там же, стр. 177.

⁵¹ Там же, стр. 179—180.

⁵² Б. П. Колесников, Дикое съедобные растения, Владивосток, 1943, стр. 9.

⁵³ Там же, стр. 8.

⁵⁴ Там же, стр. 18.

нии, Корею, Китай культивируются растущие у нас в диком виде водяной орех, стрелолист, лопух и др.⁵⁵

Первые пробы спорово-пыльцевого анализа, взятые из неолитического слоя погребенной почвы в поселении на р. Чапигоу, позволяют предположить, что растительность неолитического времени близка к современной⁵⁶. Мы вправе говорить о благоприятном геоботаническом фоне и наличии дикорастущих, пригодных для культивации, т. е. о наличии в Приморье и на соседних территориях необходимейшего условия для перехода к земледелию.

Естественно возникает вопрос о взаимоотношениях этого дальневосточного очага земледелия с соседними областями (Китаем, Монголией, Японией) и более отдаленными районами, в том числе с островным миром Тихого океана и Юго-Восточной Азии.

После открытий Й. Г. Андерсона и китайских археологов признанным центром древнего земледелия является бассейн р. Хуанхэ и ее притоков.

Раскопки последних лет в бассейне Янцзы открыли группу неолитических культур, сложные взаимосвязи которых далеко еще не ясны. Культура крашеной керамики Цюйцзялин территориально соприкасается с культурой Яншао, но резко отлична от нее. Единственный вид злаков на стоянках Цюйцзялин — рис, тогда как в культуре Яншао рис практически неизвестен. Таким образом, на территории собственно Китая сейчас известны по крайней мере два независимых очага неолитического земледелия: северный с возделыванием чумизы и южный — с древнейшим рисосеянием⁵⁷.

Северокитайский и дальневосточный земледельческие очаги сближает возделывание чумизы, использование каменных мотыг и шлифованных каменных ножей-серпов. Вместе с тем явственно проступают черты глубокого своеобразия дальневосточного очага: в Приморье, на севере Кореи и в Маньчжурии нет шлифованных мотыг Яншао и Луншань, здесь раньше и шире на смену мотыжному приходит плужное земледелие с каменными лемехами плугов. В Китае до сих пор не найдены мезолитические культуры, техника шлифованных орудий появляется неожиданно. В то же самое время к северо-востоку и северу за гранью, так четко обозначенной впоследствии Великой китайской стеной, лежит мир ретушированных орудий, в Приморье и в Северной Корее — преимущественно обсидиановых. И на востоке этого мира, в области богатейшей уссурийской флоры и на стыке степей и плодородных речных долин, а также в горных долинах мотыги и зернотерки появляются уже в III тысячелетии до н. э., т. е. одновременно с культурой Яншао. Появляются также первые шиферные изделия, часто еще ретушированные. Возделывается просо (чумиза), одомашнены свинья и собака.

Вне зависимости от решения вопроса о приоритете одного из этих двух центров (если такое решение вообще возможно) мы приходим к выводу о длительном синхронном развитии двух земледельческих культурных провинций Восточной Азии. Южная Маньчжурия, Жэхэ и восточная часть Внутренней Монголии были той зоной контактов, через которую осуществлялись связи и взаимодействие двух миров. В этом взаимодействии дальневосточный земледельческий очаг не был только последователем своего юго-западного соседа, но обогащал его новыми элементами. Один из таких элементов — плуг с каменным лемехом — вероятнее всего проник в культуру Луншань с северо-востока. Возможно, отсюда же пришли в Китай просо (чумиза) и конструкция прямоугольного полуподземного дома.

⁵⁵ Там же, стр. 4.

⁵⁶ Определение О. В. Шугаевской и Т. П. Бутылиной.

⁵⁷ М. В. Крюков, У истоков древних культур Восточной Азии, «Народы Азии и Африки», 1964, № 6, стр. 85—88, 95—96.

Другое направление связей — западное — ведет в Монголию и Забайкалье. Отсюда на Дальний Восток попадают бронзовые орудия. Следы земледелия, главным образом находки зернотерок, восходят здесь к неолиту. В Монголии нет такого богатства видов дикорастущих возможных предков культурных растений, какое наблюдается в маньчжурской флоре, но, очевидно, здесь в первую очередь была одомашнена лошадь.

Определенные связи между неолитом Приморья и Кореи, с одной стороны, и Японии — с другой должны были привести и привели к проникновению земледелия в Японию еще в период дзёмон⁵⁸, но настоящий расцвет японского земледелия приходит с культурой яёй, проникновение которой в Японию связывают с Кореей⁵⁹.

Еще более удивительные и далекие связи приводят нас в Полинезию и Юго-Восточную Азию. На юг, в страны, где издавна имелись высокие, плоскодонные корзины с естественно образовавшимся орнаментом из параллельных рядов вертикального зигзага, ведут нас и одинаковые по форме и узору неолитические сосуды, и такая деталь материальной культуры, как шиферные наконечники стрел. Чуждые таежным культурам, они связаны в своем истоке с древней бамбуковой культурой юга Азии, где шиферные острия и наконечники появились вместе с такими же изделиями из расщепленного бамбука и взамен их. Отдаленные связи культуры Сидеми приводят нас к юго-восточному побережью Китая, Тайваня и Индонезии. Тем интереснее поистине сенсационное сообщение о том, что «на Тайване древность земледелия простирается на 11 тыс. лет назад»⁶⁰.

SUMMARY

The article provides detailed characteristics of the Far-Eastern centre of ancient agriculture brought to light in the course of recent excavations in Primorye Territory. Archaeological sites unearthed there belong to three periods of neolithic, bronze and early iron ages (III—I mill. B. C.). The results of the investigations of Maiho site are the most important.

The main regularities in the development of agricultural tools specific for that region are established. The authors come to the conclusion that stone hoes which underwent an evolution represented by four subsequent types were replaced by the end of the 2-nd millenium B. C. with ploughshares made also of stone. The innovations in the shape of harvesting knives are described as well.

The Far-Eastern agricultural centre being not isolated from other ancient civilizations of Eastern Asia and Pacific area, the article deals with the problem of the interrelations between the population of these regions also.

⁵⁸ На о р а Н о б у о, История развития сельского хозяйства Японии в древний период, Токио, 1956 (на японск. яз.), стр. 46—50.

⁵⁹ Там же, карта на табл. 6.

⁶⁰ Ч е с т е р С. Ч а р д, Некоторые проблемы доисторической хронологии на Севере Востоке Азии, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 94.

М. Г. Рабинович

ДРЕВНИЙ ЛАНДШАФТ И ЖИЛИЩЕ

(О ДВУХ ТИПАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЖИЛИЩА
В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ)

Трудно представить себе конкретную историю страны, не зная реальных условий народной жизни, не имея, в частности, понятия о том, в каких домах жило ее население в ту или иную эпоху.

Жилище, как важный элемент народной материальной культуры, привлекает внимание всякого, кто хочет изучить этническую, социально-экономическую, культурную или даже политическую историю народа.

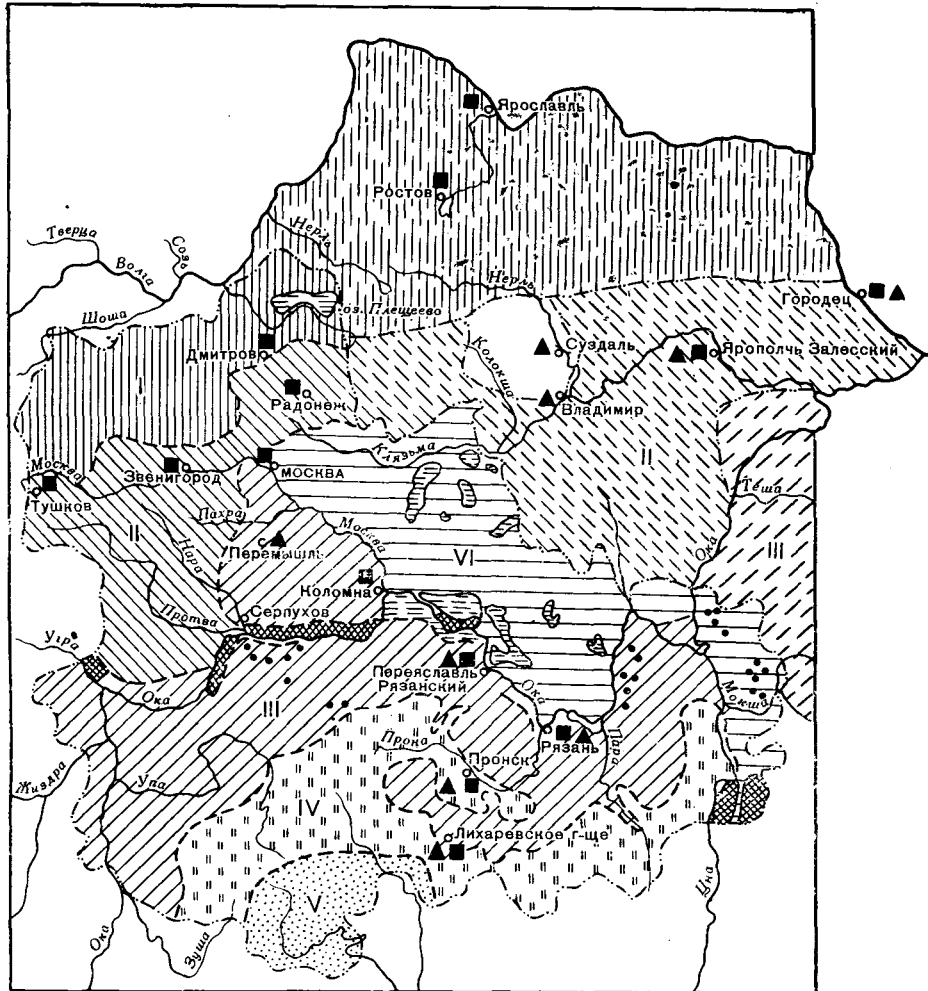
Строительные материалы и техника, внешняя и внутренняя планировка, отделка и меблировка жилища зависят (хотя, конечно, в разной степени) от природных условий края, его экономики, от социального положения владельцев и их этнической принадлежности. Следовательно, по некоторым особенностям традиционного жилища можно судить, например, о том, какому народу и какой социальной группе данное жилище принадлежало. Это обстоятельство особенно важно при изучении отдаленных эпох, для которых вещественные остатки материальной культуры являются одним из главных исторических источников.

Исследование древнерусского жилища ведется уже около полутора столетий. За это время удалось выявить и общие черты русского народного жилища раннего и позднего средневековья, и главнейшие его социальные и областные особенности, удалось также в основном проследить и пути развития жилища.

И все же остается еще много вопросов, которые пока что недостаточно разработаны нашей наукой и ждут своего решения. Какие факторы оказываются наиболее значительными для сложения и развития типов народного жилища? Природные, социальные, этнические? На какие черты жилища каждый из этих факторов влияет больше, на какие — меньше? Какие элементы самого жилища являются в процессе его развития наиболее активными? Какие — более «консервативны»? Является ли относительное многообразие типов народного жилища второй половины прошлого — начала нынешнего столетия результатом развития сравнительно небольшого числа древних типов жилища или, напротив, результатом слияния еще более разнообразных форм? Или эти типы русского крестьянского жилища вообще сложились сравнительно недавно и с древними формами прямой связи не имеют?

Чтобы решить хотя бы некоторые, важнейшие из этих вопросов, необходимо изучение древнего и современного жилища в широких масштабах.

Большое значение на современном этапе развития науки приобретает метод картографирования типов жилища, распространенных в тех или иных областях в различные исторические периоды. Наложение на карту различных факторов развития жилища поможет яснее представить и многообразные аспекты влияния их на этот процесс. Картографирова-

Геоботанические районы (подзоны) по В.В.Алехину

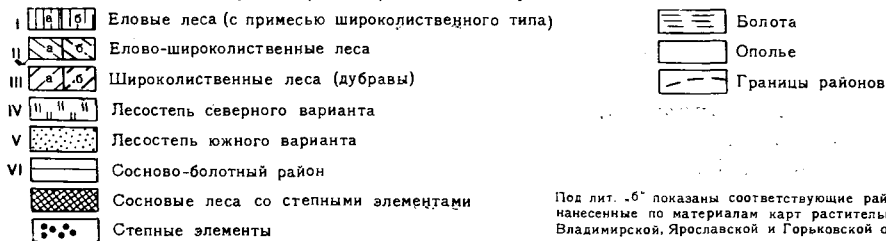

Схема распространения типов древнерусского жилища в геоботанических районах (треугольниками показаны полуземлянки, квадратами — наземные дома)

ние как метод научного исследования применяется в нашей науке все шире, но если для XIX в. удалось составить подробные карты русского жилища¹, определив его основные типы и характерные комплексы, то для более ранних периодов (и уж, конечно, для средневековья) накопленный материал еще недостаточен. И, как мы увидим ниже, составить сколько-нибудь подробные обобщающие карты древнерусского жилища

¹ «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX—начало XX века)», под редакцией В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера (ответственный редактор), М. Г. Рабиновича, М., 1967, карты № 18—37, стр. 131—193.

в настоящее время невозможно. На очереди стоит разработка карт отдельных районов, которые в будущем смогут лечь в основу такой сводной карты. Одному из таких районов и посвящена настоящая статья.

Типы крестьянского жилища XIX в. выделены этнографами на основании совокупности многих признаков, которые порой невозможно бывает проследить в древних домах и усадьбах, открываемых раскопками. Поэтому в основу типологии жилища приходится класть кардинальные различия, дающие возможность выделить лишь немногие типы.

Так, исследователи различают в древнерусском народном жилище два основных типа. Первый из них — «полуземлянки» — углубленные в землю (по большей части с земляным полом) и с каркасными стенами. Второй тип — дома наземные или на подклете, срубные, обычно с деревянным полом. По всей вероятности, именно из этих типов жилища развились впоследствии характерные для восточных славян «хата» и «изба». Первый тип жилища был распространен на юге древней Руси, второй — на севере².

Это, разумеется, относится только к жилищам рядового населения. Дома богатых людей повсюду были преимущественно срубными.

Прежде предполагалось, что граница между зонами распространения первого и второго типов жилища примерно совпадала с границей ландшафтных зон — леса и лесостепи, пересекающей Восточно-Европейскую равнину в направлении с юго-запада на северо-восток. Это мнение, высказанное нами 16 лет назад, повторено затем в нескольких работах³.

Однако накопленные с тех пор материалы показывают, что совпадение границы типов жилища с границей ландшафтных зон леса и лесостепи намечается лишь в общих чертах.

Прежде всего, граница типов жилища не была стабильной. Можно думать, что в более отдаленные времена в лесной полосе были полуземлянки. Археологические находки показывают, что рядом с Великим Новгородом, где преобладали наземные срубные дома, в XII—XV вв. находился поселок Перынь, в котором было множество полуземлянок⁴.

В XII—XIV вв. срубное жилище, по-видимому, начало распространяться на юго-восток, и некоторые области, где ранее господствовали полуземлянки, вошли в зону наземных домов. Так, в Галицко-Волынской земле на окраине г. Черновцы в 1967 г. было открыто поселение второй половины XII—XIII вв. с наземными, вероятно, срубными домами⁵.

На распространение того или иного типа жилища оказывали влияние и микроландшафт, и иные факторы. Например, в Суздале, находящемся в лесной зоне, до XII—XIII вв. бытовали полуземлянки, в дальнейшем вытесненные наземными срубными домами⁶. В древности здесь сыграл роль микроландшафт суздальского Ополя, где не было хорошего строе-

² Н. Н. Воронин, Жилище. История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 108. Преемственность типов древнерусского и позднейшего крестьянского жилища впоследствии была подвергнута некоторыми авторами сомнению. См.: Г. Г. Громов. История крестьянского жилища Владимирского края в XI—XIX вв., автореферат канд. дисс., М., 1954; его же, Альбом Мейерберга, как источник по истории русского крестьянского жилища, «Сов. этнография», 1955, № 1; его же, Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. по письменным источникам, Вестник МГУ, 1965, истор. серия № 6.

³ М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 72; Л. П. Гуссакowski, Древнерусское жилище VIII—XIII вв., автореферат канд. дисс., М., 1956, стр. 7, 13; А. Л. Монгайт, Рязанская земля, М., 1961, стр. 127; И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища, М., 1962, стр. 29—30; А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», «Доклады Географического общества СССР», вып. 3, 1967, стр. 51, 52.

⁴ В. В. Седов, Поселение XII — начала XV в. в Перыни, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (далее: КСИИМК), вып. 62, 1956.

⁵ М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимошук, Раскопки Ленковского поселения, сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 242.

⁶ А. Ф. Дубынин, Археологические исследования Суздаля, КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 94.

вого леса, а позже могло сказаться возросшее экономическое благосостояние горожан.

Для сколько-нибудь полной разработки вопроса о границах распространения типов древнерусского жилища необходимо, разумеется, сплошное археологическое исследование городских и сельских поселений, по крайней мере в широкой зоне вдоль границы леса и лесостепи. В наше время такие работы ведутся лишь в весьма ограниченных масштабах, например в Рязанской и Владимирской областях. Однако и здесь пока нельзя еще говорить о сплошном исследовании памятников, поскольку лишь в редких случаях археологу удастся раскопать поселение целиком, со всеми жилищами. В лучшем случае оказывается изученным десяток—другой домов, а во многих довольно крупных городах до сих пор раскопано лишь одно-два жилища. При этом города изучены археологически все же лучше, чем сельские поселения, не менее важные для решения интересующего нас вопроса. Во время раскопок многих городов основное внимание исследователей привлекали их детинцы и главные сооружения: соборы, княжеские дворцы. Достаточно сказать, что во Владимире, где так блестяще исследованы оборонительные сооружения, раскопано всего одно жилище. Поэтому трудно судить о количественном соотношении домов различных типов, и проставленные на прилагаемой карте значки фиксируют лишь факт наличия в изученной части поселков срубных наземных жилищ или полуземлянок, или тех и других.

Однако даже такая карта представляет интерес, так как позволяет суммировать и те отрывочные сведения, которыми мы располагаем по отдельным ограниченному району; сопоставление же подобных материалов позволит в дальнейшем уточнить территорию распространения главных типов древнерусского жилища и выявить их локальные варианты.

Междуречье Оки и Волги является областью, пограничной как в отношении ландшафтных зон, так и в отношениях этническом и историко-политическом. Здесь можно проследить и оба типа жилища, о которых было сказано выше.

В восточной части этого края, насколько удалось пока установить, на каждом отдельном поселении были либо полуземлянки, либо оба типа домов.

Кроме уже упомянутого Суздаля, полуземлянка была открыта во Владимире, а во Владимирской области обнаружены жилища обоих типов. Например, к востоку от Владимира на Пировом городище (древний Ярополчъ-Залесский) раскопаны преимущественно полуземлянки, а на Пировом селище — наземные срубные дома. Еще дальше к востоку, в Городце, открыто несколько полуземлянок и срубных домов ⁷.

Рязанская земля также знала оба типа жилища и, по-видимому, можно говорить лишь о преобладании одного из них в том или ином районе, но не о безраздельном господстве. В крупнейших городах этой земли — Рязани, Переяславле-Рязанском, Пронске, а также на Лихаревском городище в домонгольских слоях встречены и полуземлянки, и срубные наземные дома ⁸. В более поздний период в Переяславле-Рязанском, кажется, стали строить в основном срубные жилища.

Иную картину можно наблюдать в северной и западной частях Волго-Окского междуречья.

Московский край издавна был районом преобладания срубных домов. В самой Москве раскопками не обнаружено ни одного жилища-по-

⁷ В. В. Седов, Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее: МИА), № 92, 1960, стр. 99; М. В. Седов а, Археологические работы во Владимирской области в 1962 г., «Краткие сообщения Ин-та археологии» (далее: КСИА), вып. 104, 1965, стр. 108; А. Ф. Медведев, Первые раскопки в Городце на Волге, КСИА, вып. 110, 1967, стр. 78.

⁸ А. Л. Монгайт, Указ. раб., стр. 126.

луземлянки, а срубных домов открыто до двух десятков⁹. К северу от Москвы срубные дома открыты в Дмитрове (XII—XIII вв.) и более позднее — в Радонеже¹⁰. Дальше на северо-восток Переславль-Залесский, Ростов и Ярославль раскапывались Н. Н. Ворониным. В Переславле жилищ не встречено, в Ростове прослежены остатки двух срубных построек, в Ярославле раскопано углубленное в землю сооружение, которое по мнению исследователя является не жилищем, а каким-то хозяйственным помещением¹¹, может быть подполлом. Нам же кажется, что в последнем случае можно скорее говорить о бытовании в Ярославле срубных домов с подпольем.

К западу от Москвы на поселениях XI—XIII вв. открыты только срубные наземные жилища. В Звенигороде Б. А. Рыбаков отмечает дом из сосновых бревен¹².

В верховьях Москвы-реки, на городище Тушков городок, в слое XI—XIII вв. нами открыт такой же дом с деревянным полом¹³. А еще западнее, в бассейне Днепра, на Бородинском городище, жилые дома, по мнению В. В. Седова, были наземными и имели подполья. Отсутствие находок глиняной обмазки исследователь объясняет тем, что и подпольные ямы были облицованы деревом¹⁴. И хотя раскопанный памятник — феодальный замок, нет оснований думать, что тип его построек существенно отличался от жилищ рядового населения тех мест. В целом постройки этого прилегающего к Волго-Окскому междуречью района Смоленщины представляют вариант второго, северного типа жилища; к тому же типу принадлежат и дома верховьев Москвы-реки.

Таким образом, к северу и западу от Москвы простирается зона преобладания срубного жилища.

К юго-востоку от Москвы, в Коломне, жилища XII—XIII вв., судя по опубликованным данным раскопок, также представляли собой срубные дома с деревянными полами и глинобитными печами¹⁵.

Но ближе к Москве, в районе Подольска, в исследованном нами Перемышле-Московском — городке, который основал в середине XII в. на берегу р. Мочи Юрий Долгорукий, — рядовое население, по крайней мере в начальный период существования города, вероятно, жило в полуземлянках. В тех местах, где сохранился культурный слой, он изобилует углубленными в материк на 1,1—1,3 м небольшими, почти квадратными в плане помещениями жилого, производственного и хозяйственного назначения. Некоторые полуземлянки были одновременно и жилищем, и мастерской ремесленника, как это нередко наблюдалось и в других древнерусских городах. В одной из них, например, были найдены бытовые предметы — обломки стеклянных браслетов, нож, нательный крест, сделанное из стенки глиняного сосуда пряслице. Однако там же удалось обнаружить и крицу, а печь (глинобитная, с толстыми стенками и сводом высотой 0,6 м) была, очевидно, приспособлена и для производственных нужд. Более поздних жилищ в Перемышле-Московском не найдено, но по характеру других построек можно предположить, что в

⁹ М. Г. Рабинович, О древней Москве, М., 1964, стр. 225, 236.

¹⁰ Н. П. Милонов, Дмитровское городище, «Сов. археология», 1937, № 4; его же. Археологические разведки в Радонеже, «Историко-археологический сборник», М., 1948, стр. 67.

¹¹ Н. Н. Воронин, Отчет о раскопках в Ростове-Ярославском, Архив Ин-та археологии, ф. 1, № Д1109, стр. 26; его же, Раскопки в Ярославле, МИА, № 11, 1949, стр. 185.

¹² Б. А. Рыбаков, Раскопки в Звенигороде, МИА, № 12, 1949, стр. 132.

¹³ М. Г. Рабинович, Крепость и город Тушков, «Сов. археология», XXIX—XXX, 1959, стр. 273.

¹⁴ В. В. Седов, Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, стр. 97, 98.

¹⁵ Н. П. Милонов, Историко-археологический очерк Коломны, указ. сборник, стр. 82, 89.

XIV—XVI вв. дома в этом городе были наземными (они возводились на основаниях из мелкого камня, несколько возвышавшихся над поверхностью земли, и имели срубную конструкцию стен, как это можно наблюдать в близлежащих деревнях и по настоящее время)¹⁶.

К сожалению, в районе Перемышля не проводилось исследований других поселений эпохи феодализма, так что определить, каков был ареал распространения полуземлянок в этих местах в домонгольское время, не представляется возможным.

Бытование полуземлянок в окружении поселений со срубными домами может быть объяснено двояко. Нам уже приходилось высказывать мнение, что городское жилище в начальный период существования города обычно бывает того же типа, что и сельское жилище в данной местности¹⁷. Ведущая роль городского жилища по отношению к сельскому определяется, как правило, лишь в дальнейшем процессе развития. Но в тех случаях, когда город возникал не из какого-то другого местного поселения, а строился заново каким-нибудь феодалом, он мог быть заселен людьми, переведенными из других владений того же феодала, где была принята другая строительная техника, другой тип жилища. В результате оказалось возможным появление городов с домами, не характерными для данной природной зоны (к условиям которой впоследствии городские дома все же приспосабливаются).

То же, разумеется, можно сказать и об аналогичным образом возникавших сельских поселениях и (хотя в меньшей степени) о поселениях, появившихся в процессе свободной колонизации.

Возможно, что в городок Перемышль, основанный князем, были переселены жители из каких-то лесостепных земель. Подобный же случай предполагает, по-видимому, и В. В. Седов, объясняя различие типов жилищ Ярополча-Залесского и Пирова селища¹⁸.

Но, признавая такую возможность, мы все же далеки от высказанной А. Л. Монгайтом мысли, что тип жилища (точнее, его конструкция, о которой сейчас идет речь) связан с племенной принадлежностью хозяев¹⁹. Против такой точки зрения говорит хотя бы сходство жилищ кривичского Суздаля и вятичского Перемышля или различие типов жилищ вятичских Перемышля, Москвы и Бородинского городища²⁰. Здесь, видимо, большую роль играли природные и экономические факторы.

Итак, в Волго-Окском междуречье встречаются оба типа древнерусского жилища. Наземные срубные дома преобладают в западной и северной частях этой территории, а полуземлянки — как будто лишь в нескольких замкнутых ареалах, точные границы которых еще следует определить; в южных и юго-восточных районах этой территории на одних и тех же поселениях встречаются по большей части и полуземлянки, и срубные дома.

Между тем, почти вся территория Волго-Окского междуречья лежит в зоне лесов. Однако важно обратить внимание на то обстоятельство, что северные и западные части ее находятся в подзонах еловых и елово-широколиственных лесов, а южные и восточные — в подзонах широколиственных лесов и сосново-болотной. Только южнее Рязани начинается лесостепь.

¹⁶ М. Г. Рабинович, Отчет о раскопках Перемышля-Московского в 1955 г., Архив Ин-та археологии, ф. 1, № 1092, стр. 44, 40, 15.

¹⁷ М. Г. Рабинович, Некоторые проблемы этнографического изучения русского феодального города, М., 1964, стр. 5.

¹⁸ В. В. Седов, Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, стр. 99, прим. 146.

¹⁹ А. Л. Монгайт, Указ. раб., стр. 125—128. Наши возражения против подобной точки зрения приведены в рецензии на эту книгу (см. «Сов. этнография», 1962, № 5, стр. 161).

²⁰ На Бородинском городище, в Перемышле и Московском Кремле найдены семилопастные височные кольца, а кривичские украшения отсутствуют.

Если внимательно рассмотреть особенности ландшафта в районах Перемышля, где были полуземлянки, и Коломны, в которой были срубные дома, то окажется, что Перемышль находился в подзоне широколиственных лесов, где сосна и ель составляют лишь 4—7% леса, причем крупный еловый массив от этого городка не ближе среднего течения р. Лопасни. Коломна же находилась в сосново-болотной подзоне, в которой сосна и ель составляют 49% леса²¹.

Не сыграло ли это обстоятельство определенной роли в сложении типов жилища упомянутых городов?

Для строительства в древней Руси употреблялись разные породы деревьев, но преимущественно сосна, ель и дуб.

Е. Э. Бломквист отмечает, что в XIX в. зажиточные крестьяне старались строить дома из хвойного леса, даже если его приходилось везти издалека²².

Не явилась ли относительная сложность возведения домов из дуба, неровные стволы которого требуют более сложной подгонки, тщательного законопачивания щелей или обмазки здания, одной из причин того, что в подзоне широколиственных лесов срубные жилища вплоть до XIII в. не вытеснили полуземлянок? Ведь упомянутые выше города, в которых сосуществовали оба типа жилищ, находились как раз в этой подзоне.

Что же касается ограниченных ареалов бытования одного типа жилища в зоне, для которой в целом характерен другой тип или смешение типов, то здесь могли действовать разные обстоятельства. Так, в отношении Перемышля-Московского, например, можно предположить следующее. В настоящее время городище Городок (таково теперь его название) стоит на опушке дубового леса; к северу от него начинается безлесая равнина. Трудно сказать, как распределялись в этих местах леса 800 лет тому назад, но есть основания думать, что тогда лес был не так близко. Некоторые археологические наблюдения наводят на мысль, что в те времена, когда строился Городок, здесь не только не было обилия леса, но ощущался даже недостаток его. Так, укрепления Перемышля были той же конструкции, что и второй (по времени) вал Московского Кремля, возведенный в середине XII в. Однако они отличались тем, что жесткая кольцевая подошва, мешавшая насыпи вала оползать, в Перемышле была не из бревен с крюками, как в Москве, а из обожженной глины²³. Такой конструктивный прием представляется вынужденным, связанным с нехваткой строевого леса. А недостаток леса, в свою очередь, может быть связан с тогдашними особенностями микроландшафта, например, с тем, что городок стоял на крутом берегу р. Мочи там, где его защищали еще и два больших оврага (заметим, кстати, что само образование таких оврагов обычно не для лесистой местности), в удалении от лесов, на своеобразном «ополье», и доставлять туда бревна было неудобно. Это обстоятельство могло сказаться и на конструкции жилищ.

Прилагаемая карта является попыткой совместить данные археологических раскопок с тем, что нам известно о древней растительности края. К сожалению, не все в ней в равной степени надежно. Если для юго-западной части современной Московской, Тульской и Рязанской областей имеется составленная В. В. Алехиным подробная карта восстановленного растительного покрова, то для северо-восточной части Волго-Окского междуречья соответствующих по масштабу и нагрузке

²¹ В. В. А л е х и н, Растительность и геоботанические зоны Московской и сопредельных областей, М., 1947, стр. 28, 51.

²² Е. Э. Б л о м к в и с т, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 71.

²³ М. Г. Р а б и н о в и ч, К истории русской фортификации, сб. «Культура древней Руси», М., 1966, стр. 213.

карт нет. Поэтому мы были вынуждены схематично нанести растительный покров, пользуясь имеющимися картами (разных, преимущественно более крупных масштабов) Владимирской, Ярославской и Горьковской областей²⁴.

Эта карта-схема не претендует на полноту. Она лишь фиксирует положение некоторых городищ и селищ с разными типами жилища относительно геоботанических зон²⁵.

Кроме того, даже на такой схематической карте обращает на себя внимание то обстоятельство, что не только в лесостепной зоне, но и в лесной зоне, в подзоне широколиственных лесов (а на опольях и в подзоне елово-широколиственных лесов) на одном поселении зачастую встречаются оба типа древнерусского жилища — и срубные дома, и полуземлянки. Значит в сделанное нами ранее предположение о совпадении границы основных типов жилища с границей лесостепи необходимо теперь внести существенную поправку.

В пределах лесной зоны, в подзоне широколиственных (преимущественно дубовых) лесов, в X—XIII вв. бытовали оба типа древнерусского жилища. Безусловное господство срубных домов в этот период, по-видимому, имело место только в подзонах хвойных лесов и в значительной части подзоны елово-широколиственных лесов. На опольях строили полуземлянки, в сосново-болотном районе были срубные дома, а на некоторых участках, особенности которых не вполне ясны (Городец, Яропольч-Залесский), встречались оба типа жилища.

Выше уже говорилось, что первоклассным материалом для строительства срубного дома еще в XIX в. признавали только хвойные деревья — сосну и ель. Наверное, так было и в древности. Дуб, обладающий гораздо большей твердостью и механической прочностью, охотно использовали для строительства крепостей и для хозяйственных построек, которые не конопатили. Дома же из дуба, видимо, не строили потому, что и в те времена было трудно найти деревья с длинным, ровным, прямым стволом. Да и пользу смолистого воздуха в жилой комнате, наверное, давно заметили. Недаром впоследствии так неохотно переходили к каменному жилью, и еще в XIX в. русские аристократы, вроде Шереметьевых, предпочитали жить в деревянных домах, всячески маскируя их под каменные.

Разумеется, это наше предположение о зависимости типа домов (по строительному материалу и технике постройки) прежде всего от географических условий следует проверить на других районах, где встречаются различные геоботанические зоны. Но уже сейчас представляется правоммерным поставить вопрос о том, что для формирования такого важного признака типа жилища, каким является строительный материал, природные условия имели, по-видимому, решающее значение. Большую роль играло имущественное положение хозяина (так как феодал или вообще богатый человек мог привезти сосновые бревна издалека). Что же касается этнической и культурной традиции, то ее влияние было, очевидно, небольшим (сомнительно, чтобы, поселившись в безлесной

²⁴ «Карта современного растительного покрова б. Нижегородской губернии», под ред. В. В. Алехина, Л., 1935; «Карта растительности Ярославской области», Атлас Ярославской области, М., 1964; В. К. Богачев, Зональное положение и ботаническое районирование Ярославского Поволжья, «Ботанический журнал», т. 49, 1964, № 12.

²⁵ В то время, когда эта статья была уже написана и сдана в редакцию, появилась работа А. В. Успенской «Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ», в которой имеется и карта распространения наземных и полуземляночных крестьянских жилищ, выполненная, однако, без учета геоботанических зон (сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 195). Публикация эта носит предварительный характер, в ней нет названий селищ, а масштаб карты настолько мелок, что не представляется возможным воспользоваться ею для нашей темы. Все же, насколько можно судить, полуземлянки в подзонах еловых и елово-широколиственных лесов отмечены А. В. Успенской лишь в двух-трех пунктах, а в подзоне широколиственных лесов — в 15 пунктах.

местности, средний горожанин, а тем более крестьянин, мог позволить себе постройку срубного дома).

Это не значит, что жилище не является этнографическим комплексом. Ошибочным является также утверждение А. А. Шенникова, что «при изучении крестьянской материальной культуры изучать жилище — методически неверно»²⁶.

Напротив, мы считаем, что тип жилища чрезвычайно важен для этнографической характеристики народа в целом и отдельных его этнических групп.

Но следует заметить, что из элементов, составляющих тип жилища, материал постройки является, пожалуй, наименее устойчивым. Он довольно легко меняется в зависимости от обстоятельств.

Гораздо более устойчива, традиционна (если угодно, консервативна) внутренняя планировка жилища, зависящая прежде всего от характера производственной деятельности, общественного и семейного уклада, а также от этнической принадлежности хозяев. Общеизвестно, например, что народы, привыкшие к круглым в плане жилищам, с трудом привыкают к четырехугольным комнатам.

Поэтому, нам кажется, что поиски этнического своеобразия жилища должны вестись прежде всего в области его внутренней планировки. Для русского жилища это, в первую очередь, характер печи и положение ее по отношению ко входу, расположение «красного угла», «бабьего кута» и т. п. Во вторую очередь, это орнамент, резные и расписные украшения интерьера, фасада, конька кровли.

Но это особая тема, заслуживающая специальных исследований.

SUMMARY

Two types of ancient Russian dwellings have been ascertained within the cities of the Volga — Oka watershed areas: the half-underground earthen dwelling and the surface log house. It is from these two types that the later Russian *khata* and *izba* evolved. Comparison of the map of their distribution with a map of vegetation and of reconstructed ancient geobotanical zones shows that in the leaf-bearing forest zone both types co-existed, while surface log houses prevailed in regions with large tract of pine — the best building material. In the XIII—XV centuries the area of surface log houses expanded somewhat, presumably owing to the development of economy and transport. The two types of dwelling belong not to ethnic but rather to social-economic characteristics. The ethnic affiliation of the owner was mainly manifested in the interior planning and decoration of the dwelling.

²⁶ А. А. Шенников, Указ. раб., стр. 44.

П. А. Трояков

ПРОМЫСЛОВАЯ И МАГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СКАЗЫВАНИЯ СКАЗОК У ХАКАСОВ

У многих народов мы встречаем очень интересный обычай рассказывать сказки на охоте. Такой обычай был и у хакасов, что засвидетельствовано в этнографической литературе¹. Старики-охотники еще и сейчас помнят об этом обычае, особо выделяя его в комплексе охотничьих поверий. Некоторые не могут объяснить, почему и для каких целей рассказывались сказки, другие говорят, что если сказку не рассказывать, удача не будет, третьи более ясно определяют назначение сказки. Охотники П. В. Кужаков из Анжуля и М. В. Топоев из с. Кубайка (Таштыпского района) сообщили автору, что перед тем, как рассказывать сказку, охотники прямо обращались к «хозяину»: «Ты (хозяин), послушай, да больше нам зверя давай, а мы тебе больше сказок будем рассказывать». Они же сообщают, что раньше даже отмечались особые праздники сказки (нартпах, ныхмах той)².

Этот обычай вошел и в сюжет охотничьей сказки. Два брата отправились в тайгу. Три дня охотились, ничего не увидели. Один из них, не дождавшись второго, уезжает. Оставшийся «сидел-сидел и поставил около себя палку, воткнувши в землю. На эту палку он надел свою шапку. Теперь, будучи один, он сидит и наигрывает. Вот он наигрывал до полуночи. Когда он наигрывал, пришел к нему один русский человек. Он просит наигрывать и рассказывать сказки, охотник отказывается. Тот ушел.

На следующий день он снова пришел и снова просит: «Теперь ты наигрывай — вчера ты не наигрывал, сказывай сказку», — говорит он. Охотник боится и думает про себя: «Я умру от этого человека», и давай наигрывать. Так он наигрывал всю ночь. «Хорошо я послушал твоего наигрывания, теперь пойдем ко мне в гости». Когда охотник шел обратно к себе в шалаш, звери попадались ему несметными массами. Настреляв зверей, он несет к шалашу одно бремя. Тот человек снова пришел к нему, теперь вместе с женщинами и девицами и снова просит рассказывать. Охотник всю ночь рассказывал, затем они ушли. На утро этот человек опять пришел и принес маленький мешок, из которого стал давать зверолову звериные шкуры. Зверолов только успевал складывать их возле себя. Образовалась большая куча, а мешок не убывал. Наложив сколько нужно, этот человек отвез охотника домой³.

¹ W. Radloff, *Aus Sibirien*, B. I, Leipzig, 1884, S. 384; Н. Ф. Катанов, *Образцы народной литературы тюркских племен*, СПб., 1907, стр. 211; В. Серебряков, *К вопросу о праязиатских элементах культуры у хакасов*, журн. «Этнографическое исследование», 1928, № 2—3, стр. 34.

² Записи автора. Прокопий Васильевич Кужаков (1876 г. рождения) охотник, живет в Анжуле Таштыпского района, убил более 200 медведей, продолжает охотиться и в настоящее время. Владимир Михайлович Топоев (1890 г. рождения) охотник, живет в Кубайке Таштыпского района, промышляет и в настоящее время.

³ Н. Ф. Катанов, *Указ. раб.*, стр. 475.

Старики-охотники рассказывают, как они брали с собой на промысел сказочника, которому полагалась равная доля из общей добычи охотников и рыбаков⁴.

Подобный обычай связывается с воображаемыми хозяевами стихий, у хакасов — с хозяином горы (таз ээз!), которому прежде всего и предназначается сказка. По словам Н. П. Дыренковой, сагайцы (этнографическая группа хакасов) верили, что, когда на промысле рассказывают сказки, то в первую или во вторую ночь к охотникам является хозяин тайги, сообщает, что он удовлетворен и назначает охотникам определенную добычу. Сколько он при этом назначит, столько и убьют⁵.

Обычай сказывания сказок на охоте широко распространен и у других тюрко-монгольских народов Сибири, близких хакасам этнически и связанных с ними общностью хозяйственной деятельности. По мнению старых шорцев, хозяева тайги любят слушать сказки и игру на хомысе (кобыс) и приходят к охотникам в образе людей, чаще — девушек. Заслушавшись сказок, они оставляют без внимания свой скот (зверей своей тайги), который и становится добычей охотников. Поэтому обычно и брали на промысел сказочника, получавшего равную долю из общей добычи⁶. У кумандинцев (этнографическая группа алтайцев) рассказывание сказок также было обычным явлением в период звероловного промысла. Артель охотно включала в свой состав сказочника. Иногда тот или другой охотник срывал сухой стебель борщевика или дягиля и, сделав из него дудку *шор*, играл на ней. Считалось, что духи хозяев в награду за сказку и за игру посылают артели зверей своей тайги⁷.

Обычай угождать хозяину тайги исполнением сказок зафиксирован почти у всех алтайских народов⁸.

Однако подобные воззрения и обряды обнаружены этнографами также у этнических общностей, живущих далеко от алтайских народов и не имевших когда-либо с ними контактов. Так, большими привилегиями в среде охотников пользовались сказочники у нанайцев. В качестве сказочников у них выступали и шаманы⁹. По поверьям, распространенным среди мордвы, богиня леса Вирява, охраняющая зверей от охотников, была в то же время страстной любительницей сказок¹⁰.

Из всего сказанного следует, что у очень многих народов сказки были предназначены прежде всего «хозяину» гор, тайги и зверей. В свете этого не совсем верно, видимо, утверждение И. А. Вчерашней, что тувинцы рассказывали сказки, чтобы «поднять дух охотников», «помочь им стать более храбрыми»¹¹. Более прав, вероятно, Н. Г. Потанин, связывая обычай сказывания сказок у тувинцев с хозяином Оран-тегелей¹².

⁴ В Ширинском районе Хакасии, где особенно много рыбных озер, сказители приезжали к рыбакам рассказывать сказки. См. Т. Г. Тачеева, Хакасский хайджи С. П. Кадышев, «Уч. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка и литературы» (далее: Уч. зап. ХакНИИЯЛИ), № 11, Абакан, 1965, стр. 195, 186, 213.

⁵ Из рукописных материалов Н. П. Дыренковой. См. Д. К. Зеленин, Религиозно-магическая функция фольклорных сказок, сб. в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934, стр. 234.

⁶ Н. П. Дыренкова, Шорский фольклор, М.—Л., 1940, стр. 263, 265, 401.

⁷ Н. П. Дыренкова, Охотничьи легенды кумандинцев, Сб. МАЭ, т. XI, М.—Л., 1949, стр. 111.

⁸ Л. П. Потапов, Охотничьи поверья и обряды алтайских турков, «Культура и письменность Востока», кн. V, Баку, 1929, стр. 124.

⁹ И. А. Лопатин, Гольды Амурские, Уссурийские, Сунгарийские. Опыт этнографического исследования, Владивосток, 1922, стр. 249.

¹⁰ А. Маскаев, Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, стр. 10—11.

¹¹ И. А. Вчерашняя, Тувинские народные сказки, автореферат, канд. дисс., М., 1955, стр. 6, цит. по Р. Я. Вийдалепп, Исполнение народных сказок как производственно-магический обряд, М., 1964, стр. 3.

¹² Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, ч. IV, СПб., 1883, стр. 391.

У таежных охотников-бурят существует поверье, что если во время охоты хорошо рассказывать сказку, то будет обильная добыча¹³, и что без хорошего певца в артели невозможна удачная охота¹⁴. Бурятские охотники в лесу вечером на досуге обычно рассказывают сказки, поют песни, играют на балалайках и самодельных скрипках, чтобы Хангай, дух-хозяин леса, дал больше соболя и белки¹⁵. Что же касается эвенков, то их охотники рассказывали сказки при совершении магических обрядов «Шингкэн»¹⁶.

Существование у различных народов обычая рассказывать сказки «хозяевам» — явление не случайное и, конечно, не заимствованное. Оно имело место у народов, для которых охота была основным средством к существованию.

Лесные хозяева представлялись любителями сказок, поэтому охотники для их развлечения, усыпления, отвлечения (в зависимости от нрава, каким наделяет их каждый народ) рассказывали им сказки. Так было, вероятно, в ту далекую эпоху, когда у хакасских племен господствовали примитивные представления. Со временем сказывание сказок приобретает самостоятельное значение, но его магические истоки прослеживаются достаточно отчетливо.

* * *

Этот обычай, распространенный у многих охотничьих племен и генетически связанный с древним магическим обрядом¹⁷, на наш взгляд, проливает свет на происхождение сказочного эпоса, а если брать шире, на ту общественную среду, в которой он возник, на функции словесного мифа. В легендах и различных запретах, связанных с рассказыванием, сохранилась память о религиозно-магической функции сказок, которые должны были воздействовать в желательном направлении на «хозяев»¹⁸.

Первоначально какие-то словесные формулы и заклинания могли предназначаться, видимо, для животных, которым древние (и не только древние) охотники приписывали понимание человеческого языка¹⁹. В фольклорных и этнографических источниках различных народов имеется множество примеров этому. «Не исключена возможность, — пишет Д. К. Зеленин, — что одним из прототипов повествовательных фольклорных произведений была пантомима, которую маскированные, нарядившись в виде животных или птиц, охотники совершали перед стадом диких животных, чтоб возбудить их любопытство, приблизить их к себе, отвлечь их внимание от грозящей опасности и потом поймать или убить»²⁰. Факт привлечения животных музыкальными звуками отражен в фольклоре многих народов. Сирена мифического Орфея, укрощавшая диких зверей, птиц, — не единственный пример из фольклора и из охотничьего быта²¹. В алтайском эпосе рассказывается, что, когда

¹³ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. II, Улан-Удэ, 1959, стр. 53.

¹⁴ Г. Д. Санжеев, Эпос северных бурят, в кн.: «Алымжи-Мерген — Бурятский эпос», М., 1936, стр. IX.

¹⁵ Е. Косыгина, Обычай тункинских бурят при отправлении на охоту, журн. «Живая старина», 1915, № 1/2, стр. 24.

¹⁶ А. Ф. Анисимов, Представления эвенков о шингкэнах и проблема происхождения первобытной религии, Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 181.

¹⁷ В сказке под названием «Халдама», записанной от С. П. Кадышева, говорится, как перед охотой на огненно-рыжую лису сказочники рассказывали сказки, пели песни, устраивали борьбу (Рукописный фонд ХАКНИИЯЛИ — 4498). Во всем этом видны обрывки ранее существовавшего обряда.

¹⁸ Д. К. Зеленин, Указ. раб.; Р. Я. Вийдалепп, Указ. раб.

¹⁹ Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть I. Запреты на охоте и иных промыслах, Сб. МАЭ, т. VIII, Л., 1929, стр. 13; Л. П. Потопов, Указ. раб., стр. 125.

²⁰ Д. К. Зеленин, Религиозно-магическая функция фольклорных сказок, стр. 216.

²¹ Замечательный образец в этом отношении представляет руна 41 из «Калевалы», где рассказывается, как взял Вайнямейнен кантеле и стал играть и как все звери сбежались послушать игру. См. «Калевала», М., 1956, стр. 226.

Келер-Куш заиграл на своей дудке, «все птицы солнечного Алтая за ним полетели, все звери за ним побежали»; или, когда другой богатырь свирель к губам приложил, «лунокрылые птицы кормить птенцов перестали, дикие звери к детенышам подойти забыли — звонкую свирель слушают»²².

В живой охотничьей практике также известны примитивные звуко-подражательные инструменты для привлечения промысловых зверей. У сайгачев, белятиров, качинцев, кызыльцев (этнографические группы хакасов) для этой цели использовалась своеобразная выдолбленная из дерева трубочка с тонкими стенками — «пыргы». Подражая с помощью этого инструмента голосу самки марала, вызывали самца. У качинцев, как описывает П. Островских, для той же цели используется «сымыс-хы» — кусочек бересты, сложенной вдвое: взяв его в рот, охотник подражает крику козленка, вызывая самку²³. У шорцев звукоподражательный инструмент назывался «шор»; его применяли при заманивании маралов, горных коз, косуль. Иногда на охоту брали специального человека (шорчы), который играл на шоре. Характерно, что шорчы как сказочный персонаж вошел и в сюжет охотничьей сказки²⁴.

Естественно, во всех этих звуковых подражаниях не следует видеть отражения культовых явлений, в них звукоподражание просто используется для привлечения животных.

Словесные формулы, заговоры и заклинания, обращенные к животным, также сохранились в живой охотничьей практике. Так, обращение к медведю или маралу перед стрельбой, безусловно, представляет часть этой словесной формулы. Кужаков рассказывал нам, что перед стрельбой по медведю охотник говорит: «У меня пуля большого человека, сейчас его пуля сделалась вином, выпей его. Пей до конца. Некому за тобой ухаживать, полную чашку даю»²⁵. Такие формы своеобразного заклинания или заговора встречаются также при стрельбе по белке, маралу²⁶. Эти довольно яркие, хотя и немногочисленные, образцы словесного воздействия на животных позволяют с известной долей вероятности предположить, что в охотничьей практике хакасов и других народов когда-то существовало много магических формул «заговоров», заклинаний, направленных на животных²⁷. Более того, заговорные формулы органически входили в мифы как составное и, возможно, главное звено их конечной части. В свою очередь, сами мифы, имевшие также практическую цель, органически вошли в охотничий обряд, а затем и в сказочные сюжеты, связанные с тотемными животными или с «хозяевами».

Центральной частью этих церемоний, видимо, были словесно-магические формулы, могущие приблизить душу зверя. В состав церемоний входило рассказывание мифа о животном, о делах родовых предков, о близости данного рода к классу определенных животных, считавшихся их покровителями.

²² В. М. Жирмунский, Народный героический эпос, М.—Л., 1962, стр. 366—367.

²³ П. Островских, Этнографические заметки о тюрках Минусинского края, журн. «Живая старина», вып. III, IV, год пятый, СПб., 1895, стр. 331.

²⁴ Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 126; Н. П. Дыренкова, Охотничьи легенды кумандинцев, стр. 111.

²⁵ Записано автором в ноябре 1965 г. со слов охотника П. В. Кужакова.

²⁶ Записано автором в ноябре 1965 г. со слов охотника Е. В. Сагалакова, пос. Застава Таштыпского района.

²⁷ Н. Попов, Поверья и некоторые обычаи качинских татар, Изв. РГО, т. XX, 1884, стр. 649. В этой работе автор приводит своеобразное поверье хакасов: если охотник, стреляющий ворона, перед спуском курка не скажет «от мини», у ворона исчезнет желчь, которая считается ценным лекарством при ожогах. Здесь видны далекие этзвуки какого-то заклинания, имевшего магическое воздействие. Приводя этот пример, Д. К. Зеленин пишет, что у качинцев исчезновение ценной желчи ворона объясняется не нарушением запрета, а отсутствием заклинания, т. е. здесь явная связь с магической силой слова: Д. К. Зеленин, Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии II. Запреты в домашней жизни, Сб. МАЭ, т. IX, Л., 1930, стр. 4.

Подобно тому, как в магических рисунках животных, по воззрению первобытных людей, охотники улавливали душу тотемных зверей, эти мифы и заклинания также способствовали установлению общности людей и животных. Таким образом, в своей первичной функции миф, с одной стороны, и рисунок на камне или фетишизированные фигурки животных — с другой, имели много общего и, возможно, входили в один магически-производственный обряд, исполняемый для обеспечения успеха охоты, приплода скота и т. д.²⁸

Древние формулы заклинания, направленные первоначально непосредственно на животных, в период, когда сложилось цельное представление о хозяевах стихий, стали после соответствующей трансформации обращаться к ним. Такие обращения к «хозяину» горы, тайги и пр. вошли в тексты сказок. С целью умиловления «хозяев» хакасские охотники совершали небольшие церемонии во время выхода на промысел и по дороге к месту охоты. Так, по пути на промысел охотники останавливались на перевалах или в других приметных местах и разбрызгивали абыртхы (напиток) или вино, обращаясь при этом к тем горам и рекам (по существу к их хозяевам), через которые они проходили, с такими примерно словами: «Пропустите нас, не мешайте нам быстрее добраться до своего места. Мы вас не забудем, вы нас тоже не забывайте. Дайте нам хорошей дороги, не насылайте на нас ветра и бурана».

Приехав в тайгу, где им предстояло промыслить, охотники выбирали место. Приступая к устройству шалаша (отаф, одаф), старший из охотников обращался к «хозяину»: «Мы выбрали здесь место одафа, нам здесь хорошо, мы здесь располагаемся, не возражайте и дайте нам разрешение». Приступая к охоте, старший из охотников произносил: «Реки, горы, тайга (их название). Мы прибыли к вам с просьбой, не пожалейте, не поскупитесь. Этого мы не забудем никогда».

П. Кужаков в нашей беседе привел такие слова: «Сон Сорт! нмес белый тасхыл в непробиваемой броне, от тебя мы просим зверей. Поросшую кустарником твою спину, раздвигая, будем дорогу делать, не сердись (название горы), траву, что на тебе растет, не будем топтать, ты не сердись»²⁹.

Подобные обращения включаются в бытующие сказки. Приведем развернутое заклинание и просьбу из сказки «Кюль тайга»: «С черными ручьями лысые горы, с белыми макушками белые горы, зверей своих с раздвоенными копытами пятипалчатых зверей своих перед нами выставляйте, серокрылых птиц своих на нижние ветки деревьев для нас подсаживайте. Перед выходом зверя пусть горы поднимаются выше, когда мы пойдем, пусть опускаются ниже. Богатая пихта с развесистой верхушкой, на ветвях твоих птицы выют гнезда, у подножья твоего солнечный человек приют находит»³⁰.

По содержанию эти формулы, безусловно, восходят к магическим обрядам с более развернутым ритуалом, чем те, которые мы можем воссоздать по памяти стариков. По этим обрывкам словесных формул, вкрапленных в сказку, мы можем с большей или меньшей уверенностью сказать, что словесные рассказы, сопровождавшие охотничьи обряды,

²⁸ С. А. Токарев, Ранние формы религии, М., 1964, стр. 65; Л. П. Потапов, Следы тотемистических представлений у алтайцев, «Сов. этнография», 1935, № 4—5, стр. 134; К. В. Вяткина, Шалаболинские наскальные изображения, Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 420; А. Н. Бернштам, Наскальные изображения Саймаля, «Сов. этнография», 1952, № 2; Л. Р. Кызласов, Сырский чаатас, «Сов. археология», т. XXIV, 1955, стр. 237; А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, сб. МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 382; Д. Г. Савинов, Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири, Вестник ЛГУ, 20, серия историческая, вып. 4, Л., 1964, стр. 140.

²⁹ Записано автором от П. Кужакова в ноябре 1965 г. Выражение «Сон Сорт! нмес» информатор не мог объяснить.

³⁰ «Хакас чоннынъ кип-чоохтары, нымахтары» (легенды, сказки хакасов на хакасском языке), составители П. А. Трояков, Т. Г. Тачеева, Абакан, 1960, стр. 83. Л. П. Потапов рассказывал, что подобные обращения имеются и у шорцев.

представляли собой целые мифические сюжеты о каком-то животном, о предке, о родовых событиях. Они преследовали цель еще раз напомнить хозяину зверей и горы об общности родового коллектива и животного мира, о памятных случаях дружбы. Скорее всего, эти мифы составляли центральную часть церемоний древних магических обрядов.

В сказке, записанной от сказителя А. В. Кайлагашева, рассказывается, как три брата ходили на охоту. Два старших брата были хорошими стрелками. Младший не умел стрелять, и два брата отделились от него. Он спустился по лощине и построил шалаш. На второй день вечером стал сказывать сказку «Хара хан» и сказывал ее до утра, поставив перед собой час оола (что-то вроде головешки или какого-то изображения). Когда он кончил сказывать, кто-то на улице сказал: «Ох, хорошо я слушал», — и ушел³¹. Оказывается, охотник рассказывал сказку, имя героя которой (Хара хан) совпадает с эпонимом хозяина горы, и как бы общался с «хозяином». Сюжет получения дара за услуги — результат сказочной трансформации живых представлений, закрепленных в сказочном творчестве.

Магическое назначение сказывания сказок непосредственно связано с промыслом, но мечта об удачной охоте облекается в сказочную форму и магическое содержание «скрывается» в сказочном сюжете. Так, рассказывают о случае с группой охотников в тайге. Охота шла неудачно. Один из охотников умел играть на хомысе и рассказывать сказки. Он сделал хомыс и стал вечером рассказывать сказку. Все охотники слушали с удовольствием. Один из охотников кор'гчи (всевидающий) увидал, что сказку пришли слушать горный дух и хозяева. На утро охотники пошли промысливать и убили много зверей³². Или: в тайгу пришли три охотника. Охота шла удачно. Было добыто много мелких зверей. Не попался только крупный зверь. Охотники собрались назавтра уезжать домой. Они говорили о том, что не удалось убить крупного зверя, и один из них стал играть на хомысе и рассказывать сказку. Попив абыртху (молочный напиток), они угостили им духов. Утром один из охотников пошел к речке за водой. Видит, у озера стоит пестрая корова (марал). Он взял ружье и убил³³.

В большинстве хакаских сказок вознаграждение охотника объясняется тем, что хозяева якобы благодарят его за полученное ими удовольствие. В некоторых же сказках удача на охоте объясняется несколько иначе: охотники отвлекают сказками хозяина от его дел, в результате чего звери разбегаются, и охотники могут легко убить или поймать их.

Потомственный охотник и сказитель С. П. Кадышев рассказал одну легенду такого содержания. Охотились два охотника и не могли убить зверя. Один из них взял хомыс и стал рассказывать сказки. Вдруг что-то зашумело и пришли горные люди слушать сказку; их привел старик. Они долго, всю ночь слушали сказку. Затем старик поднялся и сказал своим: «Кажется, пропал наш жеребец». Горные люди ушли, а назавтра охотники нашли в ловушке оленя³⁴.

В некоторых легендах обращают на себя внимание образы рассказчика и «всевидающего», один из которых рассказывал, а другой наблюдал приход горных духов. Древний образ охотника-мага, идеализированного сказочной фантастикой, как бы раздваивался. В этом раздвоении мы можем уловить далеких предков сказителя и шамана, функции которых при всей их несовместимости преломились в указанных сказочных образах.

³¹ Записал В. И. Доможаков у Г. В. Боргоякова (1892 г. рожд.) в У-Чуле, Рукописный фонд Хакасского НИИЯЛИ, д. № 44, инв. № 4554, стр. 130.

³² Записал В. И. Доможаков у Г. В. Боргоякова.

³³ Эту и предыдущую легенду приводит К. М. Патачаков в рукописной статье «Некоторые замечания об охоте хакасов», Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ.

³⁴ Из рассказа С. П. Кадышева, услышанного мною в ноябре 1965 г.

По наблюдениям Н. П. Дыренковой, шорские шаманы на Алтае проводят некоторую параллель между камланием и рассказыванием сказок: во время рассказывания такой сказки шаман, по его словам, также путешествует по тем подземным и иным отдаленным местам, о которых он говорит³⁵. Следует, однако, сказать, что в процессе живого бытования сказительство и обряд приобрели совершенно противоположное общественное значение.

Наиболее отчетливо магические функции обряда рассказывания выражены в сказках и легендах алтайцев, где мудрец и сказочник действуют как братья. Жили два брата «Кöсмöкч!» — ясновидец, «Кайчы» — сказочник. Они были богатыми, потому что имели всегда удачную охоту: им благоволили «хозяева» тайги. Однажды, когда братья охотились, Кайчы рассказывал ночью сказку о горных духах, к ним на стан пришел горный хозяин и, оставаясь невидимым, слушал. Он ушел лишь тогда, когда Кайчы произнес последние слова сказки, и сказал: «Как я заслушался сказку, и теперь мой жеребец убит». Брат Кöсмöкч! — ясновидец, наблюдавший и слышавший это, не понял лишь одного, какой жеребец может быть у горного хозяина. С наступлением утра братья пошли осматривать свои самострелы. Они нашли убитых ценных зверей. А в одном находился убитый дятел Кара-тас, который и был жеребцом³⁶.

В шорской легенде добавляется новый элемент. Шоорчы заиграл на дудке, сказочник аккомпанировал себе на балалайке с волосяными струнами, ясновидец слушал. Вскоре он увидел, как к шорчы подошли два горных «хозяина». Один из них уселся ему на переносицу и спустил ноги под нос, второй сел на плечи и так они стали слушать его игру. Ясновидцу это показалось смешным, он рассмеялся вслух, от чего горные «хозяева», рассердившись, ушли. Шоорчы перестал играть, думая, что ясновидец смеется над ним. При уходе один из горных «хозяев» сказал: «У нас есть лошадь со стертой спиной, надо отдать ее этому человеку» — и показал на шоорчы. Утром в его петле оказался сохатый³⁷.

Если на основе этих материалов рассмотреть содержание сказок, то нетрудно установить, что рассказывание сказки входило в комплекс драматических действий, направленных вначале на животный мир, на тотемного животного, а затем уже на «хозяина» горы. Видимо, первоначально сказки рассказывали два-три человека, совершавшие магический промысловый обряд с целью увеличения добычи. Впоследствии право совершать магические церемонии переходит к старшему в роде и затем к шаману, а рассказывание сказок обособляется и приобретает самостоятельное значение, сохранив за собою промысловую цель.

Следовательно, сказывание органически сливалось со всеми промысловыми представлениями, церемониями и обрядами магического характера³⁸. Хакасы перед отправкой на охоту заставляли шамана камлать, сказочника — рассказывать сказки. Шаман угадывал пути-дороги охотников³⁹, сказитель-мудрец рассказывал сказки с целью расположить «хозяина».

У орочей зафиксирован такой обычай. Отправляясь на охоту, они расчищают огнище, выравнивают пепел, опрокидывают котел и затем, сев вокруг, слушают сказки. После этого они высказывают пожелание обильной добычи, снимают котел и на пепле находят следы зверей, по которым предугадывают количество и род добычи⁴⁰.

³⁵ Устное сообщение Н. П. Дыренковой Д. К. Зеленину, сб. в честь С. Ф. Ольденбурга, М.—Л., 1934, стр. 234.

³⁶ Л. П. Потапов, Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков, стр. 127.

³⁷ Там же.

³⁸ Н. П. Дыренкова, Охотничьи легенды кумандинцев, стр. 111.

³⁹ Н. Тенешев, Сказка «Хустай алып» (рукописный фонд института, без номера).

⁴⁰ Г. Н. Потанин, Указ. раб., стр. 697.

У хакасов такого обряда не сохранилось. Но старики рассказывают, что прежде на пепле и котле люди гадали о делах своего рода. Интересно в этой связи отметить, что на Боярской писанице, помимо жилища, животных и зверей, в немалом количестве имеются котлы⁴¹. Сомнительно, чтобы нагромождение такого количества котлов вызывалось задачами реалистического воспроизведения бытовых деталей в облике древнего селения. Мы склонны видеть в этом атрибуты обрядово-магических представлений.

Если всякое важное событие древнего охотника обставлялось магически-имитативным обрядом, представлявшим синкретическое единство мифа и имитации каких-то охотничьих сцен, то и предметы гадания могли быть включены во все эти драматические сцены, обряды и наскальные изображения. Из всего этого следует, что древнейшая народная поэзия была тесно связана с магическим обрядом, с помощью которого родовой коллектив стремился обеспечить себе благополучие в войне, охоте или коллективных трудовых процессах⁴². Хакасские материалы не являются в этом отношении исключением, более того, в них особенно отчетливо отражены эти древние черты⁴³.

Во время обрядов магически-производственного характера изображались звери, сцены охоты, рассчитанные на привлечение душ животных, родового покровителя и затем хозяина⁴⁴. Неслучайно вплоть до последнего времени хакасы устраивали около писаных скал тайыгы, посвященные хозяину горы или самой горе⁴⁵.

Впоследствии сказывание сказки приобретает священное значение и в других случаях. И это опять-таки связано с представлением о «хозяевах» и духах, но уже не имеющих отношения к охотничьему промыслу. Г. Н. Потанин вспоминает, как урянхаец (тувинец) отказался досказать сказку, потому что плохо знал ее конец, а плохое рассказывание сказок не любит Оран-телегей, который всегда слушает, когда их сказывают⁴⁶.

Как и любой обряд, сказывание сказок требовало предельной осторожности, чтобы неправильными или недозволенными словами не обидеть хозяина. Пережитки этих представлений сохранились в различных запретах на сказывание. У хакасов существуют поверия о запрете рассказывать сказки в определенное время года или дня. Так, днем вообще запрещалось рассказывать сказки. Н. Ф. Катанов пишет, что абаканцы рассказывают сказки с вечера до утра, иногда одну сказку, если она велика, подряд три ночи⁴⁷. У сагайцев ночью в шалаше рассказывают сказки, а днем запрещают, нельзя — ослепнешь⁴⁸. Летом также не ре-

⁴¹ М. П. Грязнов, Боярская писаница, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8, стр. 45; М. А. Дэвлет, Большая Боярская писаница, «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 70.

⁴² В. М. Жирмунский, Легенда о призвании певца, в кн. «Исследования по истории культуры народов Востока», М.—Л., 1960, стр. 188.

⁴³ С магическим значением сказывания связываются и сюжеты сказок о волшебном музыкальном инструменте «чатыгане».

⁴⁴ К. В. Вяткина, Указ. раб., стр. 421; Д. Г. Савинов, Указ. раб., стр. 140.

⁴⁵ Так, у Сулейской писаной горы, согласно рассказу О. Янгүлова из с. Половинка Ширинского района, жители устраивали «тайыгы» для сохранности и увеличения приплода скота. У писаной горы Оглахты качинцы также устраивали тайыгы. Об этом же интересном обычае почитания писаных гор и устройстве празднеств около них пишет М. А. Кастрен в ряде своих писем, в отчетах, путевых заметках.

⁴⁶ Г. Н. Потанин, Указ. раб., стр. 697. Любопытно, что в другое время и в другом месте зафиксировано нечто аналогичное. Собирая фольклорный материал среди кызыльцев в 1947 г., В. И. Доможиков стал свидетелем такого интересного случая. Сказитель наотрез отказался досказывать сказку. И собиратель, не добившись ничего, вынужден был сделать такую приписку к недосказанной сказке. «И уже больше ничто: ни уговоры, ни мольба, ни денежная оплата не помогли. Сказывать не стал». Рукописный фонд ХАННИИЯЛИ — 4498.

⁴⁷ Н. Ф. Катанов, Указ. раб., стр. 211.

⁴⁸ В. Серебряков, Указ. раб., стр. 34.

комендуется рассказывать сказки. Рассказывали ночью и в зимнее время.

Вполне естественно, что уже давно забыто, почему нельзя рассказывать сказки в неположенное время. Соблазнительно видеть причину этих запретов в том, что в рабочее время сказки рассказывать некогда. Но сказочники отказывались рассказывать днем даже если и имели досуг. Психологическая основа запрета, очевидно, заключается опять-таки в «хозяевах-духах». Днем справляются все хозяйственные дела, и приход «хозяев», которые могут навредить домашним животным и человеку, нежелателен. Летом плодятся скот, и присутствие «хозяев» стихий здесь также может принести вред.

О том, что запреты сказывания связаны с духами, говорят и другие факты. Простые и забавные сказки можно рассказывать всегда, а богатые и такие, где упоминаются духи,—нельзя. Некоторые сказки можно рассказывать только раз в три года⁴⁹. Особенно запретными были в охотничьих сказках концовки, в которых содержались обращения, формулы заклинания и заговоры. И нам понятно удивление Г. Н. Потанина по поводу того, что урянхаец отказался досказывать конец сказки⁵⁰.

В настоящее время вряд ли кто из сказителей-хакасов осознает, что сказывание сказки было когда-то связано с определенными представлениями и с некоторыми обрядами. Но следы этой связи мы обнаруживаем и сейчас. Так, хакасы на похороны приглашали сказителя, который должен был сказывать сказки о родовых предках, о прошлом, о богатых и т. д. Думается, что этот обычай вошел в обиход не случайно, а связан с тем же кругом представлений. В этой связи становятся понятными и такие мотивы сказок, когда за умение рассказывать сказки герой добивался победы над чудовищем и добывал огонь, это священное пламя человеческой жизни (этот мотив в хакасском фольклоре очень хорошо разработан в сказке «Шестьдесят небылиц»⁵¹).

Известно, что в фольклоре многих народов в сказочные сюжеты включаются отдельные предания, поверья о чудесном даре певцов и сказителей. В. М. Жирмунский в указанной выше статье приводит легенду о Кэдмоне, сохранившую дохристианское представление о чудесном внушении или наитии как источнике поэтического дара сказителя⁵². Подобные представления о призвании сказителя встречаются в различных видоизменениях у узбеков⁵³, казахов⁵⁴, бурят⁵⁵. О божественном призвании сказителя говорит в ряде мест в своей работе Б. Я. Владимирцев⁵⁶.

Но у хакасов и бурят представления о получении дара, как, впрочем, и о магических целях сказительства, сохранили, на наш взгляд, более

⁴⁹ Устное сообщение С. П. Кадышева.

⁵⁰ Своеобразное преломление представлений о священном значении конца сказки мы находим даже в бытовой сказке. Три богатых брата рассказывают сказки. Зашел старик. Он застал «хвост» сказки. И за это братья привязали его к койке. Затем идет бытовой сюжет об остроумных загадках. См. «Хакас чоннын кип-чоохтары, ныхмахтары», стр. 126.

⁵¹ В сказочном творчестве хакасов значительное распространение получил мотив состязания на сказывание сказки. Любопытно, что за умением «выдумывать» небылицы в сказке кроется умение рассказывать правду, раскрывать людям глаза на происходящие сказочные события (сказочник С. П. Кадышев «Чобагылыг Алтын Арыгдаңар», Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ).

⁵² В. М. Жирмунский, Легенда о призвании певца, стр. 186.

⁵³ В. М. Жирмунский и Зарифов, Узбекский героический эпос, М., 1947, стр. 26.

⁵⁴ М. Ауэзов, Киргизский героический эпос «Манас», Мысли разных лет, Алма-Ата, 1959, стр. 486.

⁵⁵ Г. Д. Санжеев, Эпос северных бурят, стр. IX.

⁵⁶ Б. Я. Владимирцев, Монголо-ойратский героический эпос, М., 1923, стр. 25, 38.

арханческие черты. Не с богом, не с небесными существами связано это призвание сказителя, а с хозяевами стихий, с духами гор и лесов.

Ойраты, по словам Б. Я. Владимирцева, считают, что «разные сверхъестественные силы, духи внушают певцам во время экстаза эти образы, картины, эти звучные строфы, даруют им силы выдержать страшное напряжение»⁵⁷. У бурят пение улигера по сообщению Г. Д. Санжеева, имело когда-то обрядовый характер, связанный с охотничьим промыслом. Буряты, выезжая на охоту, должны были одеваться в свои лучшие одеяния, ибо они выезжали не бить зверей, а гостить у них и просить их, чтобы они сами подбежали к охотникам. И, чтобы охота была удачной, певец всю ночь распевал свою эпопею⁵⁸.

Нечто подобное имеется и у хакасов.

Певец-сказитель получал священный дар от хозяина-духа. В одном кип-чоохе, сообщенном мне А. Субраковым, рассказывается как когда-то один пастух уснул в степи, и во сне явился к нему человек и сказал, что он должен петь. И с тех пор появилась у него способность слагать песни. Пел он всюду и никто не мог одержать над ним победу. Слишком уж хорошо он пел. Но затем, нарушив какой-то запрет, он лишился этой силы и умер⁵⁹.

В хакасских преданиях можно обнаружить отголоски этих древних поверий о связи сказительства с духами-хозяевами. Среди старых людей еще сохраняется поверье о том, что большие сказители были связаны с духами. По словам известного хайджи С. П. Кадышева, прежде можно было встретить именно таких сказителей. Эти большие сказители иногда получали от своего «хозяина» задание «сказывать в год столько-то сказок, а иногда и столько-то дней «говорить подряд». Старики рассказывают кип-чоохы о состязании сказителя с «хозяином» горы. В легенде о хайджи Самсоне⁶⁰ сказитель сказывал сказку людям; в это время пришли к нему два черных человека и пригласили его к самому главному «хозяину» рассказывать сказки. После этого сказитель не смог продолжать сказку. Люди говорят, что надо было перед тем, как снова начать рассказ побрызгать духам, попросить их благословения и уже потом продолжать сказку... Он так и не мог досказать сказку, а ночью не мог уснуть... Решил уехать. Когда ехал, по дороге сзади все слышался голос: «Стой Самсон». Он не останавливался. Тогда этот черный человек (это был сын горного духа) догнал его и предложил состязаться. Они начали петь, Хайджи пел на одной высоте, сын «хозяина» — на другой. Самсон одержал победу, и сын хозяина его отпустил, но просил больше не возвращаться. Затем через много лет Самсона вновь встречает сын «хозяина» горы и говорит, что он нарушил запрет и должен умереть. И действительно, в скором времени Самсон умер. Так легенда повествует о связи хайджи с «хозяином» горы, о запрете, который устанавливается последним.

Во всех этих кип-чоохах и поверьях отражены какие-то древние представления людей о священном даре сказителя, который связывается с хозяином. Отражено в этих рассказах и то, что одной из древних функций сказительства было установление связи с хозяевами гор, с тем чтобы через них оказать людям практическую помощь. Естественно, что со временем сказитель и сказительство приобрели самостоятельное значение и большую общественную функцию.

Так как сказитель в сознании людей обладал «божественным» даром слова, якобы данным ему «свыше», имел магическую власть над «хозяином» горы, тайги, над животными тайги, то и его сказкам припи-

⁵⁷ Г. Д. Санжеев, Указ. раб., стр. IX—X.

⁵⁸ Б. Я. Владимирцев, Указ. раб., стр. 38.

⁵⁹ В 1957 г., когда я начал собирать сказки и кип-чоохы, и слышал эту легенду от сказочника из деревни Н-Тей А. Субракова (1889 г. рождения). Привожу ее по памяти.

⁶⁰ «Хакас чоннынъ кип-чоохтары ымахтары», стр. 73.

сывалась магическая сила. И не случайно жизнь сказителя, особенно известного, была нередко окружена в сознании людей «мистической тайной» всеведущего человека. Считалось, что за этот дар он якобы должен был испытать на себе все страдания народа, после чего становился мудрым страдальцем, знающим человеческую жизнь.

С. П. Кадышев рассказывает: «Я спрашивал дедов и прадедов, откуда началась первая сказка, откуда ее берут и рассказывают. И они мне отвечали. Сказку знает не любой человек. Ее знают только мудрые (изептіг) люди. Ему (видимо, деду) сказку вначале рассказал дух мертвого богатыря. Когда сказку рассказываешь, то делить ее нельзя (т. е. недосказывать, прекращать на половине)».

От С. П. Кадышева записана легенда о сказителе, который иногда не досказывал сказки до конца. Однажды, рассказывая сказку, он прервал ее и вышел. А когда шел домой и посмотрел в гору, то увидел там сидящего богатыря, который держал в руках повод коня. Богатырь был сильно обижен: «Меня почему так оставил, почему в горе оставил?». Сказитель испугался и, придя домой, сильно заболел. Перед смертью он заклинал: «После меня никогда никто из сказителей сказку, как я, на середине пусть не кончает, богатыря в горе не оставляет». И умер. С тех пор якобы сказители не смеют останавливаться на середине сказки, не досказав ее до конца⁶¹. Эту легенду легко связать с тем же представлением, согласно которому сказку следует рассказать в определенное время и доводить ее до конца. Если сказывать сказку в неположенное время или нарушить какой-то обычай сказывания, то «хозяева» духи могут обидеться и ниспослать за это неудачу или кару сказителю.

Мы разобрали промысловую и магическую функцию сказывания сказок у хакасов с привлечением материала по другим, близким им народам. Анализ показывает наличие в сказках и мифах различных народов общих типологических явлений. В статье мы постарались показать общность представлений и воззрений, на основе которых возникают мифы, обряды, наскальные изображения, связанные с промысловой деятельностью людей. Мы затронули архаические представления о зависимости сказительства от «хозяев», о запретах, налагаемых на сказывание, о получении певцом волшебного дара. Все эти чрезвычайно интересные явления, безусловно, помогают проследить генетические истоки словесного творчества и ту общественную среду, в которой оно складывалось.

SUMMARY

The magical functions of the recitation of tales and its rôle in hunting economy among the Khakass are analyzed; data on related peoples are also drawn upon. It is shown that there are many common typological features in the tales and myths of different peoples; there are also common concepts and attitudes in which myths, rituals, and rock images are rooted and which are linked in their syncretic unity with economic activities.

In examining the role of recitation in hunting economy the author touches upon archaic concepts of a link between recitation and the «masters» of mountain, river, forest, etc. Both the tales themselves and the custom of reciting them to the «master» (stemming from ancient magical ritual) throw light upon the genesis and functions of verbal myths and archaic tales. Traces of a magical function of recitation have been conserved in the manifold prohibitions against reciting tales and in the concept that the singing and reciting ability is a gift from the «master». All these extremely interesting features undoubtedly reflect very specific archaic aspects of myth and tale which are helpful in tracing the genetic sources of verbal creative art and the social environment where it grew up.

⁶¹ «Хакас чоннынъ кип-чоохтары, ныхахтары», стр. 156.

Н. И. Дони́на

О НЕКОТОРЫХ ЭПОХАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СТРОЕНИИ ЗУБНОЙ СИСТЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

(НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
И РУССКИХ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ)

В настоящее время во многих странах проводятся исследования трансформации зубной системы человека в течение последних нескольких тысячелетий. Усиление интереса именно к этой системе объясняется ее очевидной нестабильностью, наличием широкого спектра различных стадий редукции зубов, которые, возможно, и на современном этапе подвержены преобразовательным процессам.

Редукционные изменения жевательного аппарата проходят параллельно по нескольким линиям¹. К явлениям, характеризующим эволюционные изменения зубной системы, относятся: редукция третьих моляров — $M3$ (зубов мудрости), чрезмерное непостоянство формы и размеров зубов, уменьшение количества бугорков и корней, исчезновение узора дриопитека. Конкретно об изменениях отдельных классов зубов можно сказать следующее.

На верхних молярах за период от парантропа до человека современного вида прослеживается сокращение общего размера коронки; так, сумма мезио-дистальных диаметров зубов уменьшилась на 30%; первый верхний моляр становится больше второго, протоконус (Pr) приближается по размеру к параконусу (Pa), метаконус (Me) становится меньше параконуса. Большинство цингулярных образований исчезает, но некоторые продолжают существовать и обнаруживают со временем ощутимое увеличение частоты (бугорков Карабелли); редукция гипоконуса (Hu) проходит сначала на M^3 , потом на M^2 .

На нижних молярах наблюдается изменение исходного типа узора дриопитека (Y) и сохранение его преимущественно на M_1 ; редукция числа бугорков от 5 до 4 и 3 с преобладанием типа плюс узора. Прослеживается редукция нижних премоляров с изменением соотношения размеров с $P_1 > P_2$ на $P_2 > P_1$.

На верхних латеральных резцах (I^2) упрощение и редукция коронки начинают проявляться с конца палеолита и становятся особенно интенсивными в последнее тысячелетие².

¹ См. А. А. Зубов, Некоторые антропологические аспекты морфологии постоянных больших коренных зубов современного человека, Автореферат канд. дисс., М., 1964; его же, Порядок редукции бугорков и преобразование узора коронки постоянных нижних моляров человека при переходе от пятибугоркового типа к трехбугорковому, М., 1964.

² А. А. Dahlberg, The changing dentition of man, «Journal of American Dental Association», vol. 32, 1945, pp. 679—690; его же, Analysis of the American Indian dentition, «Dental Anthropology», Oxford — London — New York — Paris, 1963; G. H. R. Koenigswald, L'hominisation de l'appareil masticateur et les modifications du régime alimentaire, in: Anthony et coll., Les processus de l'hominisation, Paris, 1958; C. A. W. Koenhof, Morphogenetical aspects of the human upper molar, Vitgevermaat-

Причины эпохальных сдвигов в строении зубо-челюстной системы одни авторы видят в мягкой пище и, следовательно, в ослаблении функциональной нагрузки на зубы, а также в генетических факторах³, другие считают это следствием влияния внешней среды и биохимических процессов⁴.

Было получено экспериментальное подтверждение выводов о влиянии мягкой пищи на структуру зубо-челюстного аппарата⁵. Обнаружилось влияние твердой и мягкой пищи на размеры челюстных костей крыс. Оказалось, что более благоприятное развитие зубных дуг происходит у животных, содержащихся на рационе пищи твердой консистенции. Этот вывод имеет далеко идущее профилактическое значение.

На протяжении всей эволюционной истории человека изменения всех классов зубов сочетались с определенными трансформациями челюстных костей. Исследуя этот вопрос, П. Андрик показал изменения, происшедшие на челюстях за 4000 лет⁶. Соответствующим анализом рентгенологических результатов было установлено, что ширина зубных дуг уменьшилась приблизительно на 2—3 мм. У представителей современной популяции по сравнению с индивидуумами эпохи нижней бронзы тело нижней челюсти короче примерно на 6 мм, тело верхней челюсти — на 4 мм, восходящей ветви — на 10 мм. Высота верхней челюсти на территории Западной Европы в современную эпоху (XIX—XX вв.)⁷ или остается неизменной, или постепенно увеличивается.

Сведения подобного рода привели ряд ученых к заключению о продолжающейся эволюции человека и, в частности, эволюции зубной системы. Зарубежными авторами неоднократно высказывались предположения о постоянном процессе преобразования отдельных элементов зубной системы, для некоторых из них указывалось даже увеличение эволюционного темпа на современном этапе⁸.

Ряд авторов усматривает в определенных и, очевидно, вполне закономерных, морфологических сдвигах пугающий симптом прогрессирующих дисгармоний и аномалий и предсказывает разворачивание этого явления во времени и пространстве⁹. Но так ли уж грозен масштаб этих изменений? Можно ли приписать этим морфологическим новообразованиям серьезное таксономическое значение? Попытаемся выяснить эти вопросы

schappij Neerlandia, Ufrecht, 1960; E. Strouhal, Srovnání oklusního reliéfu moláru u souboru ze starší doby bronzové střední doby hradištní a současnosti, «Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae; Anthropologia», 1961, t. 5, № 3—6; A. Masztalerz, Zmienność stłoczeń zębów u człowieka, «Mater. i prace antropol. Zakład antropologiczny, PAN», 1962, № 61, ss. 91—126; H. Brabant, F. Twiesselmann, Observations sur l'évolution de la denture permanente humaine en Europe Occidentale, «Bulletin Groupe Internationale de Recherches, Sciences Stomatologiques», 1964, vol. 7, pp. 11—84; A. A. Зубов, Порядок редукции бугорков и преобразование узора коронки постоянных нижних моляров человека при переходе от пятибугоркового типа к трехбугорковому.

³ D. Goose, Dental measurement: an assessment of its value in anthropological studies, «Dental Anthropology», Oxford — London — New York — Paris, 1963, № 5, pp. 125—148; A. A. Зубов, Порядок редукции бугорков и преобразование узора коронки постоянных нижних моляров человека при переходе от пятибугоркового типа к трехбугорковому; H. Brabant et F. Twiesselmann, Указ. раб.

⁴ A. A. Dahlberg, Analysis of the American Indian dentition; H. L. Shapiro, The anthropologic backgrounds of dental and oral morphology, «Oral Surg., Oral Medicine and Oral Pathology», 1963, vol. 16, № 4, pp. 458—465.

⁵ D. G. Watt, C. H. M. Williams, The effects of the physical consistency of food on the growth and development of the mandible and maxilla of the rat, «American Journal of Orthodonty», 1951, vol. 37, p. 895; P. Андрик, Vplyv konzistencie potravy na vyvoj čelusti krys, «Československa Stomatologie», 1962, t. LXII, № 6.

⁶ P. Андрик, Reduktionsercheinungen im menschlichen Kieferbereich, «Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comeniana; Anthropologia», 1965, t. 10, № 1.

⁷ В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLIX, М., 1959.

⁸ G. H. R. Koenigswald, Указ. раб.; A. Masztalerz, Указ. раб.

⁹ D. H. Goose, Указ. раб.; H. L. Shapiro, Указ. раб.

Ретромолярное пространство (в мм) и частота скученности зубов (%)

Группа	Ретромолярное пространство				Скученность			
	верхняя челюсть		нижняя челюсть		верхняя челюсть		нижняя челюсть	
	п	$\bar{x}$	п	$\bar{x}$	п	%	п	%
Восточные славяне (IX—XIV вв.), Сборная группа	333	15,796	284	12,817	359	0,75	288	8,25
Русские (XVII—XVIII вв.)	124	15,328	107	13,213	126	6,24	108	15,15
Русские (XX в.) *	34	14,990	24	10,530	411	15,25	411	16,60

* Группа «Русские (XX в.)» в части таблицы «ретромолярное пространство» включает краниологическую серию с территории Ленинградской области, в части «скученность» — дополняется материалом по современному русскому населению Калининской области.

на имеющемся у нас материале. Исследования проводились для выявления каких-либо структурных сдвигов в зубо-челюстной области, их направления, характера, взаимосвязи с другими системами организма человека.

Материалом для данной работы послужили краниологические серии восточных славян и русских: черепа славян IX—XII вв. из Саркела на Дону; черепа славян X—XIV вв. из раскопок на территории Ленинградской, Новгородской, Псковской и соседних областей; краниологические коллекции русских XVII—XVIII вв. из раскопок на территории Ленинградской и Псковской областей и XX в. — из Ленинградской области¹⁰. Данные по современному населению были получены в результате обследования школьников г. Весьегонска Калининской области.

Рассмотрение и сопоставление полученных данных мы проведем по отдельным признакам.

Ретромолярное пространство представляет собой область за третьим моляром. Ввиду имеющихся в литературе указаний на уменьшение челюстных костей можно предполагать, что размер ретромолярного пространства, захваченного общим процессом редукции, также претерпит определенные колебания. Цифры, приведенные в табл. 1, подтверждают это предположение. На протяжении IX—XVIII вв. изменения практически не коснулись исследуемых участков челюстных костей, но, в XX в. видна вполне отчетливая количественная разница, особенно на нижней челюсти. Это свидетельствует о том, что челюсти сокращаются именно за счет ретромолярного пространства¹¹. Реакцией на усиливающийся дефицит места в челюстях, в связи с сокращением их общих размеров, можно считать явление, известное в англоязычной литературе под термином «краудинг» (crowding) — скученность зубов, их неправильное, искаженное положение в альвеолярных отростках, поворот в ту или иную сторону. Локализуется краудинг в основном в передних классах зубов, а именно в области резцов и иногда клыков. В табл. 1 даны цифры, характеризующие изменение этого признака. Его частота возрастает в XVII—XVIII вв. по сравнению с периодом IX—XIV вв. почти вдвое на нижней челюсти и почти в 9 раз — на верхней челюсти. В период XVIII—XX вв. на верхней челюсти отмечается увеличение распространенности явления более чем в два раза, на нижней — частота повышается незначительно.

¹⁰ Краниологические коллекции хранятся в фондах Музея этнографии и антропологии в Ленинграде.

¹¹ См.: А. Т. Руденко, Патология прорезывания зубов мудрости, Л., 1961.

Частота гиподонтии зубов мудрости ($M3$) в некоторых древних популяциях

Популяция	Автор	n	Частота (%)
Палеолит (средний)	D. R. Brothwell, V. M. Carbonell, D. H. Goose, 1963	...*	0,0
Палеолит (верхний)	»	34	11,8
Мезолит Европы и Северной Африки	»	53	1,9
Мезолит Франции	H. Brabant, F. Twiesselman, 1964	...	3,5
Неолит Швеции	U. Holmer, A. B. Maunsbach, 1956	134	14,2
Неолит Германии	E. Euler, 1939	...	26,8
Неолит Франции, Бельгии, Англии	D. R. Brothwell, V. M. Carbonell, D. H. Goose, 1963	156	16,7
Египтяне времен додинастической эпохи	A. Ruffer, 1920	156	12,2
Окуневский могильник (медный век). Минусинский край.	A. A. Зубов (неопубликов. данные)	43	25,5
Неолит — средние века Греции	Y. L. Angel, 1944	278	20,5
Этруски	D. R. Brothwell, H. G. Carr, 1962	...	13,8
Галло-римская эпоха Франции	H. Brabant, F. Twiesselmann, 1964	...	0,0
Средние века Франции и Бельгии	»	...	7,0—12,0
XVI—XIX вв. Франции	»	...	19,0
Англо-саксы	D. H. Goose, 1963	100	8,0
Индейцы Техаса (протоисторич. период)	M. S. Goldstein, 1948	173	19,5

* Число наблюдений не указано.

Таким образом, аномальное положение зубов, выражающееся в их скученности, дополняет общую закономерность эпохальных преобразований зубной системы, являясь одним из звеньев этих преобразований. Дефицит места в челюсти в связи с размерными и структурными перестройками в ней ведет к явлению врожденного отсутствия некоторых зубов. Как правило, это так называемые вариабильные зубы, находящиеся на дистальных участках соответствующего класса зубов и более подверженные действию редукционного процесса, что согласуется с теорией морфогенетических полей¹².

К вариабильным зубам относятся следующие: I^2 , $P2$, $M2$, $M3$. На протяжении веков возрастала частота гиподонтии, т. е. врожденного отсутствия зубов. Учащение случаев гиподонтии $M3$ и I^2 считают филогенетическим процессом¹³. Врожденное отсутствие I^2 относят к группе доминантных наследственных признаков¹⁴. Кроме того, различия в частоте

¹² P. M. Butler, Studies of the mammalian dentition. Differentiation of the post-canine dentition, «Proceeding of Zoological Society», London, 1939, vol. 109, № 1; A. A. Dahlerg, D. D. Chicago, The changing dentition of man, «Journal of American Dental Association», vol. 32, 1945.

¹³ D. R. Brothwell, V. M. Carbonell, D. H. Goose, Congenital absence of teeth in human population, «Dental Anthropology», Oxford—London—New York—Paris, 1963, № 5, pp. 179—190; H. Brabant, M. Hassar, Observations anthropologiques et histologiques sur la denture d'une population atteinte de fluorose, «Bulletin de l'Académie Royale de Médecine Belgique», 1964, vol. 6, № 3.

¹⁴ B. Beigulman, Incisor anomalies and dental occlusion among Japanese in Brazil, «Human biology», 1962, vol. 34, № 3; P. Andrik, M. Hanulik, I. Vittek, Anomalie pótu zubov a ich vz't'ah k fylogeneze, «Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae; Anthropologia», 1963, t. 8, № 1—2.

Частота гиподонтии зубов мудрости (МЗ) в ряде современных популяций

Популяция	Автор	n	Частота отсутствия МЗ (одного или более) в %
Болгары	П. Боев	...*	13,2
Поляки	S. Panek, 1965	...	20,0
Словаки	P. Andrik, M. Hanulik, I. Vittek, 1963	...	20,2
Русские ♂	Л. Н. Раздобарина, 1965	30	9,9
♀		40	12,5
Венгры	P. Adler, G. Adler-Hradecky 1963	...	13,5
»	M. Hellman, 1928	...	49,0
Шведы	H. Grahnen, B. Lindahl, 1961	1064	25,0
Немцы	E. Euler, 1939	...	13,3
Англичане	D. R. Brothwell, V. M. Carbonell, D. H. Goose, 1963	185	24,3
Американцы	H. V. Banks, 1934	...	20,0
Греки			
о-ва Эгейского моря	A. Пулянос	877	19,2
о-в Крит		1166	20,0
Бенгальцы ♂	Банерджи	...	верхняя { 21,05 челюсть { 24,14 нижняя { 9,34 челюсть { 19,23
♀			
Негры Зап. Африки	M. Hellman, 1928	163	2,5
Негры Вост. Африки	W. K. Chagula, 1960	188	1,6
Южноафриканские бан- ту	J. C. M. Shaw, 1931	136	4,4
Негры Америки	M. Hellman, 1928	119	11,0
Саамы	Y. Kajava, 1912	181	36,4
Буряты ♂	Л. Н. Раздобарина, 1965	30	42,6
♀		58	33,9
Эвенки ♂	»	32	24,8
♀		112	25,0
Якуты ♂	»	70	15,5
♀		80	14,9
Китайцы	M. Hellman, 1928	...	32,0
Эскимосы Вост. Грен- ландии	P. O. Pedersen, 1949	257	36,6
Эскимосы Юго-Зап. Гренландии	»	210	29,5
Эскимосы Аляски	M. S. Goldstein, 1932	759	26,6
Австралийцы	T. D. Campbell, 1925	600	1,5
Тасманийцы	M. Hellman, 1928	...	0,0
Папуасы Новой Гвинеи	T. D. Campbell, 1925	332	2,7
Меланезийцы	A. A. Dahlberg, 1949	...	4,0
Индейцы Америки	M. Hellman, 1928	119	12,6
Индейцы аймара	Th. Ruffie, P. Fernet, G. Larrony, 1966	...	42,55

* Число наблюдений не указано.

гиподонтии МЗ носят в какой-то мере особый характер. Очень мала частота гиподонтии у представителей большой экваториальной расы¹⁵.

Если обратиться к литературе, можно проследить увеличение гиподонтии зубов мудрости во времени. Аналогичную картину показывают и другие классы зубов (табл. 2, 3, 4)¹⁶. В исследуемых сериях славян и

¹⁵ W. R. Chagula, The age at eruption of third permanent molars in male east Africans, «American Journal of Physical Anthropology», 1960, vol. 18, № 20.

¹⁶ Использованные в таблицах 2, 3, 4, а также 6, 8 и 12 материалы взяты из следующих работ: П. Боев, Д. Маслинков, К проблеме челюстно-зубной палеонтологии на территории Народной Республики Болгарии, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 20; А. А. Зубов, Некоторые данные одонтологии к вопросу об эволюции человека и его рас, сб. «Проблемы эволюции человека и его рас», М., 1968; Л. Н. Раздоба-

Частота гиподонтии отдельных зубов некоторых древних и современных популяций (%)

Популяция	Автор	n	I ¹	I ²	P ²
Мезолит Франции	A. Sahly, H. Brabant, M. Bo- ujssou, 1920	10	—	0,0	0,0
Неолит Бельгии	H. Brabant, F. Twiessel- mann, 1964	100	—	0,0	—
Неолит Франции	»	445	—	0,4	1,0
Неолит Франции	»	131	—	—	—
Неолит Бельгии	»	151	—	—	1,9
Галло-римская эпо- ха Франции	»	162	—	0,6	1,2
Средние века Бельгии	»	427	—	0,9	1,4
Средние века Франции и Бельгии	»	692	—	1,3	1,1
XVI—XIX вв. Франции	»	309	—	0,97	0,97
Современные группы					
Финны	A. V. Rantanen, 1949	2218	—	2,0	—
Шведы	C. Rose, 1906	1484	—	2,1	—
»	H. Grahnen, B. Lindahl, 1961	1006	—	1,6	—
»	»	2070	—	—	2,8
Швейцарцы	R. Dolder, 1936	10 000	—	0,54	4,0
Англичане	L. C. Mandeville, 1950	2314	—	1,0	—
Американцы	R. Werther, F. Rothenberg, 1939	11 487	—	1,5	—
»	P. J. Brekhus, 1951	3699	—	—	4,1
Немцы	H. Grahnen, B. Lindahl, 1961	...*	—	2,3—3,6	—
Венгры	P. Adler, G. Adler - Hradec- ky, 1963	...	—	4,6	—
Словаки	P. Andrik, M. Hanulik, J. Vit- tek, 1963	...	—	1,65	—
Европейцы	H. Brabant, F. Twiesselmann, 1964	...	—	0,95—2,0	—
Греки					
о-ва Эгейского моря	A. Пулянос	877	—	5,2	—
о. Крит		1166	—	8,4	—
Казахи ♂	A. A. Зубов	136	—	1,47	—
♀		183	—	0,54	—
♂		121	1,65	—	—
♀		165	1,81	—	—
Японцы	M. Suzuki, T. Sakai, 1956	...	—	1,44	—
Малайцы	E. K. Tratman, 1950	103	7,7	—	—

* Число наблюдений не указано.

рина, Диагностическое значение некоторых одонтологических признаков и их распро-
странение в нескольких этнических группах Советского Союза, дипл. раб., архив ка-
федры антропологии МГУ, М., 1965; P. Andrik, M. Hanulik, J. Vittek, Указ.
раб.; P. Banerjee, Missing teeth in Begelee skulls, «Science and Culture», 1963, vol.
29, № 8, p. 407; H. Brabant, Observations sur l'évolution de la denture temporaire hu-
maine en Europe occidentale, «Bulletin Groupe Internationale de Recherches Sciences Sto-
matologiques», 1965, № 8, pp. 235—302; D. R. Brothwell, V. M. Carbonell,
D. H. Goose, Указ. раб., pp. 1—13; W. K. Chagula, Указ. раб.; A. A. Dahlberg,
The dentition of the American Indian, «The Physical Anthropology of the American In-
dian», 1949, New York, pp. 138—176; A. A. Dahlberg, Emergence of the permanent
teeth of Pima Indian children, «Am. Journal of Physical Anthropology», 1960, vol. 18, № 4,
pp. 243—246; Y. Kajava, Die Zähne der Lappen, «Anthropologische Zahnstudien. Ver-
handlungen der Gesellschaft Finnischer Zahn-Ärzte», 1912, № IX; A. Ono, Anthropol-
ogical Studies on the teeth of Jajoi-age man from Mitsu, Kanzaki-gun, Saga-prefecture,
«Zinruigaku Kenkyu», 1957, vol. 4, pp. 423—462; S. Panek, Redukcja zębów trzonowych
trzecich u człowieka u aspekcie zieminości ewolucyjnej i zróżnicowania rasowego,
«Prace Monogr. Wyzsza Szkola Wychowania fiz.», Kraków, 1965, № 1; M. Suzuki,
T. Sakai, On the oclusal surface patterns of cusps of maxillary molar in recent Ja-

Частота гиподонтии ряда зубов (%)

Группа	Челюсть	n	Класс зубов							
			I ¹	I ²	C	P ¹	P ²	M1	M2	M3 *
Восточные славяне (IX—XIV вв.). Сборная группа	Верхняя	367	—	0,31	—	—	0,24	—	—	21,11
	Нижняя	287	0,14	—	—	0,30	0,94	—	—	25,55
Русские (XVII—XVIII вв.)	Верхняя	136	—	0,83	—	—	0,83	—	—	24,82
	Нижняя	114	—	—	1,08	—	1,92	—	—	35,89
Русские (XX в.) **	Верхняя	32	—	—	3,13	—	9,39	—	—	31,30
	Нижняя	30	—	—	—	—	3,71	—	—	40,75

* М3 — Гиподонтия зубов мудрости (M3) включает и некоторые случаи задержки прорезывания зубов, которые могут быть выявлены только с помощью рентгеновского метода.

** Краниологическая серия с территории Ленинградской области.

русских прослеживается постепенное увеличение частоты гиподонтии зубов мудрости. Почти вдвое увеличивается частота гиподонтии зубов мудрости на нижней челюсти у русских (XX в.) по сравнению со славянами (IX—XIV вв.). Значительно повышается частота врожденного отсутствия P2 (вторых премоляров) и C (клыков).

По признаку гиподонтии в расовом отношении славяне (IX—XIV вв.) и русские (XX в.) сближаются с другими европеоидами, занимая с ними в целом промежуточное положение между негроидами и монголоидами. Обратимся теперь к особенности, прямо противоположной гиподонтии по своему морфологическому проявлению — гиперодонтии (прорезыванию сверхкомплектных зубов). 90% всех сверхкомплектных зубов локализуется на нижней челюсти и встречается чаще у мужчин¹⁷.

Наиболее часто дополнительные зубы бывают в районе резцов, затем нижних премоляров, верхних премоляров и, наконец, моляров (табл. 6). Есть данные, что частота гиперодонтии возрастает в течение исторически обозримого времени, но в менее выраженной форме, чем это отмечалось для гиподонтии¹⁸.

Однако данные по славянам (IX—XIV вв.) и русским (XVII—XVIII и XX вв.) не подтвердили этого вывода (табл. 7). Если у славян (IX—XIV вв.) случаи дополнительных зубов отмечены на верхней челюсти с частотой 1,89%, то у русских (XX в.) на верхней челюсти не было ни одного случая сверхкомплектности. Очевидно, это следствие всеобщей тенденции к сужению размеров челюстей, определяемой рядом авторов как филогенетический процесс¹⁹.

panese, «Zinruigaku zassi», 1956, vol. 65, № 710, pp. 6—13; E. K. Tratman, A comparison of the teeth of people of Indo-european racial stock with the mongoloid racial stock, «Yearbook of Physical Anthropology», reprinted from the «Dental Record», 1950, vol. 70, № 2, 3. Материалы P. Adler и C. Adler-Hradecky, Y. L. Angel, H. V. Banks, P. J. Brekhuis, D. R. Brothwell и H. G. Carr, T. D. Campbell, V. M. Carbonell, M. de Terra, R. Dolder, E. Euler, D. H. Goose, M. S. Goldstein, H. Grahnen и B. Lindahl, M. Hellman, A. Hrdlicka, U. Holmer и A. B. Maunsbach, K. Koski и E. Hautala, G. W. Lasker, L. C. Mandeville, C. F. H. Moorees, P. O. Pedersen, A. Rantanen, C. Röse, A. Ruffer, Th. Ruffie и coll., A. Sahly, H. Brabant и M. Boujssou, I. C. Shaw, U. G. Vram, R. Werther и F. Rothenberg см. в статье: H. Brabant et F. Twiesselmann, Указ. раб., pp. 11, 84. В таблицах 3, 4, 6 использованы также неопубликованные материалы А. Пуляноса и А. А. Зубова, которым автор приносит искреннюю благодарность.

¹⁷ H. Brabant, F. Twiesselmann, Указ. раб.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Адлофф, Значение челюстей и зубов для антропологии, «Зубоврачебный вестник», 1904, № 8; H. Brabant, F. Twiesselmann, Указ. раб.; P. Andrik, Reduktionerscheinungen im menschlichen Kieferbereich.

Частота гиперодонтии отдельных зубов * в некоторых древних и современных популяциях (%)

Популяция	Автор	n	Частота общей гиперодонтии	Мезиоденс	C	P	M4
Неолит, бронзовый век, железный век, средние века	Франция и Бельгия						
Славяне (IX—X вв.), Чехословакия	H. Brabant, F. Twiesselmann, 1964	... **	От 0,0 до 0,05	—	—	—	—
Словаки	P. Andrik, M. Hanulik, J. Vittek, 1963	...	0,28	—	—	—	—
Современные европейцы	»	...	0,15	—	—	—	—
Европейцы	H. Brabant, F. Twiesselmann, 1964	...	0,15	—	—	—	—
Финны	»	...	1,50	—	—	—	—
	A. V. Rantanen, 1956	2218	1,8—3,5	—	—	—	—
Арабы Марокко	H. Brabant, 1965	...	3,5	—	—	—	—
Саамы	Kajava, 1912	181	—	—	—	—	0,55
Казахи	A. A. Зубов	136	—	—	2,94	0,8	—
		183	—	—	1,09	1,09	—

* Гиперодонтии верхних резцов () не наблюдается.

** Число наблюдений не указано.

Лопатообразная форма зубов является как ярким расово-диагностическим, так и эпохально-дифференцирующим признаком. Она характеризуется наличием на лингвальной поверхности резцов краевых валиков, образующих при сильном развитии форму совка. В группах монголоидной расы отмечена максимальная концентрация этого признака.

Таблица 7

Частота гиперодонтии ряда зубов (%)

Группа	Верхняя челюсть		Нижняя челюсть	
	n	%	n	%
Восточные славяне (IX—XIV вв.) Сборная группа	364	1,89	296	0,54
Русские (XVII—XVIII вв.)	137	0,90	112	1,15
Русские XX в. *	415	0,00	412	0,15

* Краниологическая серия с территории Ленинградской области и группа современного населения Калининской области.

Редукция резцов проявляется в уменьшении размеров латеральных резцов по сравнению с центральными. Установлено, что редукция латеральных резцов усилилась, размеры их сократились²⁰. К тем же результатам приводит анализ нашего материала (табл. 10). Например, у славян (IX—XIV вв.) общий средний балл редукции равен 0,14, в то время как у русских (XX в.) его значение возрастает почти в четыре раза.

Таким образом, латеральные резцы славян (IX—XIV вв.) и русских (XVII—XVIII и XX вв.) показывают общую закономерную тенденцию к редукции, отмеченную в большинстве современных популяций.

Форма моляров также относится к группе признаков, определенным образом меняющихся с эпохой. Распределение типов узоров жевательной

²⁰ P. Andrik, M. Hanulik, I. Vittek, Указ. раб.

Частота лопатообразных верхних резцов в различных популяциях земного шара (%)

Популяция	Автор	n	Медиаьные резцы *				n	Латеральные резцы *			
			0	1	2	3; 4		0	1	2	3; 4
Китайцы ♀	A. Hrdlicka, 1920	208	3,8	1,0	12,5	82,7	208	3,4	1,0	13,5	68,8
♂		1094	7,8	1,8	23,5	66,2	1094	9,5	1,5	24,0	56,8
Монголы	»	24	—	8,5	29,0	62,5	24	—	—	25,0	75,0
Эскимосы	»	40	—	15,00	47,5	37,5	37	—	—	43,0	57,0
Индийцы	A. A. Dahlberg,	125	—	1,0	—	99,0	119	—	7,0	—	81,0
пима	1960	101	—	4,0	—	96,0	93	1,0	13,0	—	81,0
Японцы	A. Hrdlicka,										
	1920	344	4,0	—	18,0	77,9	344	4,0	—	20,3	72,7
Алеуты	C. F. A. Moores,										
	1957	75	—	2,7	34,7	62,9	70	—	2,9	31,4	65,7
Амери-	A. Hrdlicka,	1000	66,5	24,5	7,6	1,4	1000	50,0	36,4	8,8	1,4
канцы	1920	1000	70,4	21,8	5,2	5,2	1000	59,6	29,9	7,4	1,0
Финны	K. Koski, E. Ha-										
	utala, 1952	423	9,0	76,4	10,9	3,8	408	7,1	73,3	16,7	2,9
Американцы	G. W. Lasker,										
	1950	642	55,0	45,0	—	—	642	50,0	50,0	—	—
Негры	A. Hrdlicka,	618	54,5	33,0	7,6	4,9	618	42,1	38,0	12,8	4,5
США	1920	1000	56,0	32,6	8,0	3,6	1000	47,5	35,1	11,1	3,8
Шведы	V. M. Carbonell,										
	1963	100	83,0	11,0	6,0	—	100	64,0	22,0	14,0	—
Негры США	»	122	65,5	18,0	14,7	1,6	122	46,7	29,5	21,3	2,4
Арабы	»	28	75,0	14,2	7,1	3,5	28	53,5	21,4	25,0	—
Эскимосы Во-		76	—	13,1	48,6	38,1	76	—	7,8	12,1	50,0
сточной											
Гренлан-	»										
дии	»										
Датчане	»	89	79,7	13,4	5,6	1,1	89	69,6	11,2	19,1	—

* Баллы лопатообразности: 0—отсутствие признака, 1—следы лопатообразности, 2—полулопатообразные резцы, 3, 4—лопатообразные резцы.

Таблица 9

Частота и средний балл лопатообразности (суммарный % баллов)

Группа*	Σ % (0)		Σ % (1, 2)		Σ % (2, 3)		Σ % (3, 4)		Средний балл		Общий балл
	1 ¹	1 ²	1 ¹	1 ²	1 ¹	1 ²	1 ¹	1 ²	1 ¹	1 ²	
Восточные славяне (IX—XIV вв.). Сборная группа	73,70	30,49	25,97	60,02	6,70	37,04	0,34	8,49	0,405	1,15	0,76
Русские (XVII—XX вв.)	78,43	55,50	21,57	39,60	2,65	26,65	0,00	4,69	0,240	0,800	0,53

* В восточнославянской серии число 1¹ (медиаьных резцов)—92, 1² (латеральных резцов)—121. В серии русских число 1¹—442, 1²—449.

поверхности верхних моляров показано на табл. 11. Общая суммарная частота форм 3+ и 3 на втором верхнем моляре (M²) постепенно нарастает к XX в.; промежуточные значения встречаются в группе русских (XVII—XVIII вв.). Так, частота типа 3+ увеличивается более чем в три раза (9,32% у славян IX—XIV вв. и 29,65% у русских XX в.) на втором верхнем моляре, тип 3 на этом же зубе встречается в XX в. чаще почти в два раза (13,47%), чем у славян IX—XIV вв. (7,03%). Подобного рода данные свидетельствуют о совершенно четкой редукции вторых верхних моляров, усиливающейся по мере приближения к современности.

На нижних молярах (M_2) заметно убывание пятибугорковых форм с 16,12% (сумма частот типов $Y5$ и $+5$) у славян (IX—XIV вв.) до 10,49% у русских (XX в.).

На тех же зубах, т. е. на вторых нижних молярах, обнаруживается, хотя и незначительное, увеличение четырехбугорковых форм. Сумма четырехбугорковых зубов ($Y4$ и $+4$) составляет у славян (IX—XIV вв.) 81,75%, у русских XX в.) — 86,66%.

Таблица 10

Редукция резцов

Группа	n	Средний балл редукции I^2
Восточные славяне (IX—XIV вв.)	134	0,14
Русские (XVII—XVIII вв.)	61	0,39
Русские (XX в.)	378	0,52

На нижних молярах проявилось, таким образом, совершенно аналогичное характеру изменений на верхних молярах направление преобразований по пути потери одного из бугорков, свидетельствующее о постоянном действии редукционного процесса.

Бугорок Карабелли. Многочисленные наблюдения показали преимущественную концентрацию бугорка Карабелли в группах европеоидной расы и нарастание частоты признака с эпохой. Об этом свидетельствуют данные табл. 12. Представители восточных групп — эскимосы, чукчи, китайцы, бирманцы и др. — обладают минимальной частотой бугорка Карабелли. Малые частоты характерны и для групп экваториальной расы. Из той же таблицы видно, как увеличивается распространенность признака — от 0 в неолите (неолит Васильевки, Украина), до 40,2% у современных европейцев. Аналогичные результаты дал изучаемый славянско-русский материал (табл. 13). Так, общий балл по ряду моляров (характеристика развитости бугорка Карабелли по всем трем молярам) в среднем увеличивается более чем в три раза — с 0,40 у славян IX—XIV вв. через промежуточную оценку признака 0,71 у русских XVII—XVIII вв. к 1,30 у русских XX в.

При сопоставлении оценок бугорка Карабелли по каждому из трех моляров видно, что отмеченное возрастание частоты изучаемой структуры происходило в основном за счет учащения высокоразвитых форм признака. Так, на первом верхнем моляре частота высоких баллов (3, 4, 5) увеличивается у русских XX в. по сравнению со славянами IX—XIV вв. более чем в два раза — с 39,14% до 16,13%, на втором моляре — соответственно с 0,96 до 1,17.

Таблица 11

Частота разных морфологических типов верхних моляров (%)

Группа	Зубы	n	Верхняя челюсть				n	Нижняя челюсть					
			4	4—	3+	3		Y5	+5	Y4	+4	Y6	+6
Славяне (IX—XIV вв.). Сборная группа	M1	362	98,60	1,40	0,00	0,00	240	79,30	3,06	13,88	3,74	0,00	0,00
	M2	340	27,47	56,20	9,32	7,03	270	4,14	11,98	30,19	51,56	0,00	0,00
	M3	210	2,78	23,54	46,54	27,06	198	9,61	41,75	13,19	30,67	2,27	2,42
Русские (XVII—XVIII вв.)	M1	123	96,57	3,43	0,00	0,00	65	71,88	4,23	22,61	1,28	0,00	0,00
	M2	131	12,90	62,58	21,59	2,92	97	4,44	5,63	28,54	61,46	0,00	0,00
	M3	76	0,00	14,98	57,97	27,14	64	18,47	39,10	9,97	32,10	0,00	0,00
Русские* (XX в.)	M1	370	73,51	25,34	1,13	0,00	230	87,46	1,28	10,01	0,92	0,33	0,00
	M2	382	10,10	46,39	29,65	13,47	592	1,15	9,34	15,81	70,85	0,00	1,89
	M3	20	5,00	8,30	36,67	20,00	16	23,09	33,23	22,28	22,29	6,53	0,00

* Численность для $M3$ дана по контингентской серии с территории Ленинградской области; численность для $M1$ и $M2$ включает и сравнимую группу населения Калининской области.

Частота бугорка Карабелли в некоторых древних и современных популяциях

Популяция	Автор	Частота признака, %		
		М ¹	М ²	М ³
Неолит (Васильевка II, Украина)	A. A. Зубов 1968	—	—	—
Древние европейцы	U. G. Vram, 1897	6,12	—	—
Древние японцы	A. Оно, 1957	6,5	—	—
Китайцы	M. de Terra, 1905	7,4	—	—
Бирманцы	»	8,8	—	—
Малайцы	»	7,2	—	2,9
Чукчи	A. A. Зубов, 1966	5,8	—	—
Эскимосы Лабрадора	A. A. Dahlberg, 1949	—	—	—
Эскимосы Гренландии	P. O. Pedersen, 1949	—	—	—
Индийцы пима	A. A. Dahlberg, 1960	8,0	—	—
Банту	J. C. M. Shaw, 1931	2,0	—	—
Негры Африки	M. de Terra, 1905	5,8	—	0,75
Австралийцы	»	10,0	—	—
Осетины	A. A. Зубов, 1968	40,0	14,2	—
Американцы	A. A. Dahlberg, 1960	41,0	8,0	—
Современные европейцы	M. de Terra, 1905	40,2	0,22	1,35

Следовательно, еще один весьма ценный расово-диагностический и эпохально-дифференцирующий признак дал пример определенного морфологического сдвига в зубо-челюстной системе.

К этому добавляется картина известных изменений уже рассмотренных элементов и особенностей зубной системы. И здесь уместно повторить вопрос, поставленный нами в самом начале статьи: так ли уж велик масштаб этих изменений? Можно ли их расценивать как пугающий симптом необратимых патологических модификаций?

Скорее всего, нет. Ведь изменения зубного аппарата представляют собой не замкнутое явление, а связаны с общей перестройкой физического типа человека. Мы имеем в виду, прежде всего, изменения черепа человека — брахикефализацию, дебрахикефализацию и грацилизацию. По данным В. В. Бунака²¹, диаметры головы современного населения уменьшились на 7 мм при сопоставлении с диаметрами черепов в сериях XVII—XIX вв. Начиная с эпохи средневековья и до наших дней продолжный диаметр во всех сериях черепов Западной Европы уменьшается, что сопровождается, как правило, ослаблением выступа надбровья и увеличением угла наклона лобной кости.

Наряду с известными изменениями черепного индекса было замечено, что современные расы человека отличаются от рас позднего палеолита менее массивным строением черепа. Уменьшение массивности прослеживается в течение последних трех, четырех или пяти столетий²² в северо-восточных областях ареала древней европейской расы. Этот процесс получил название грацилизации. Явление грацилизации затронуло не только череп, но весь физический облик человека. Так, по данным Т. С. Кондукторовой, основным процессом, характеризующим изменение физического типа населения Украины, было уменьшение массивности скелета, происходящее после бронзового века более медленными темпами²³.

В западноевропейском краниологическом материале прослеживаются колебания поперечной оси лицевого скелета, ведущие к появлению

²¹ В. В. Бунак, Черепа человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас.

²² Г. Ф. Дебец, О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида, «Сов. этнография», 1961, № 2.

²³ Т. С. Кондукторова, Изменение физического типа населения Украины от мезолита до средних веков, М., 1934.

Частота бугорка Карабелли на верхних молярах (сумма баллов в %)

Группа, число зубов	M^1				M^2				M^3				Средний балл по ряду моляров		
	0	1, 2	2, 3	3, 4, 5	0	1, 2	2, 3	3, 4, 5	0	1, 2	2, 3	3, 4, 5	M^1	M^2	M^3
Восточные славяне IX—XIV вв. (M^1 —326, M^2 —334, M^3 —213)	53,74	28,96	26,03	16,13	95,36	3,70	1,33	0,96	98,42	0,46	0,69	0,00	0,99	0,06	0,09
Русские XVII—XVIII вв. (M^1 —203, M^2 —129, M^3 —79)	20,00	58,28	39,85	21,88	85,10	13,50	5,40	1,35	95,84	0,00	2,08	4,17	1,74	0,22	0,166
Русские XX в. * (M^1 —323, M^2 —361)	2,07	58,52	35,93	39,14	98,47	0,34	0,34	1,17	—	—	—	—	2,54	0,06	—

* Включена лишь группа школьников Калининской области.

нейтральных форм: скуловой диаметр увеличивается в тех группах, в которых его средняя величина в предшествующий период оставалась малой. Изменения лицевого угла в европейских группах в целом идут в сторону уменьшения прогнатизма²⁴.

С приведенным материалом согласуются данные И. С. Гусевой²⁵ о филогенетическом укорочении подносовой области. И. С. Гусева связывает этот качественный скачок, имевший место в период формирования палеолитических людей современного вида, с определенной перестройкой жевательного аппарата. Результатом подобных изменений явилась меньшая профилированность лица. В Европе процесс изменения подносовой области характеризуется уменьшением широтного размера. Ширина лица у современных европеоидов на 8,2 мм меньше, чем у позднепалеолитических людей.

В. В. Бунак считает, что изменение архитектуры черепа в процессе грацилизации, возможно, происходит в современную эпоху, на последнем этапе расообразования²⁶. Ослабление рельефа черепа и его массивности связывают, кроме того, с редукцией жевательного аппарата, в особенности височных мышц²⁷.

Таким образом, устанавливается морфофункциональная связь между преобразованиями черепа человека и его зубной системы. Видимо, порядок этих изменений одинаков, без заметного уклонения зубных особенностей в сторону патологии. В этом единстве можно найти ответ на вопрос о характере трансформации зубной области и степени аномальности этой перестройки.

Анализ материала позволил сделать следующие выводы.

1. Размерные характеристики (ретромодярное пространство) и морфологические особенности зубо-челюстной системы восточных славян (IX—XIV вв.) и русских (XVII—XVIII и XX вв.) обнаруживают вполне отчетливую тенденцию к

²⁴ В. В. Бунак, Указ. раб.²⁵ И. С. Гусева, Динамика хронологической изменчивости признаков профилированности орбитального и подносового отделов лицевого скелета «Вопросы антропологии», 1965, вып. 21.²⁶ В. В. Бунак, Указ. раб.²⁷ М. И. Урысон, О взаимоотношениях между жевательной мускулатурой и морфологическими особенностями черепа человека в процессе антропогенеза, «Вопросы антропологии», 1962, вып. 9.

эпохальным изменениям. Особенно заметной становится разница между населением XVIII и XX вв.

2. Наблюдается усиление редукции как у восточных славян (IX—XIV вв.), так и у русских (XVII—XVIII и XX вв.).

3. Не следует переоценивать аномальные отклонения в рассмотренных изменениях одонтологических признаков.

4. Можно констатировать несомненную связь между общей перестройкой физического облика человека, его черепа и преобразованиями в ряде особенностей зубо-челюстного аппарата.

SUMMARY

The aim of the article is to show the changes in dental characteristics of the East Slavs (IX—XIV centuries) and the Russians (XVII—XVIII and XX centuries), the direction of these changes, their nature and relation to other systems. Craniological series of East Slavs (IX—XII centuries from excavations at Sarkel on the Don, and X—XIV centuries, from excavations in Leningrad, Novgorod, Pskov regions) and Russians (XVII—XVIII centuries — from sites in Leningrad and Pskov regions, XX century — in Leningrad region) served as material for the study. Data on schoolchildren investigated in 1967 in Vessyegonsk (Kalinin region) were also used.

Dimensional characteristics (the retromolar space) and morphological peculiarities of the dental system of the Slavs and Russians show a distinct tendency to change with time. A common direction of such change for the Slavs and Russians is established as a tendency to a rising level of reduction. A common direction of change may be affirmed between the general alteration of the physical aspect of man, alterations of his skull and changes of a number of peculiarities of the dental apparatus.

А. А. Бернова

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА МАЛЫХ ЗОНДСКИХ ОСТРОВАХ

Малый Зондский архипелаг (провинция Нуса Тенггара) лежит к востоку от Явы, простираясь вплоть до Молуккских островов. Архипелаг состоит более чем из сотни крупных и мелких островов: Бали¹, Ломбок, Сумбава, Сумба, Саву, Флорес, Ломблен, Солор, Алор, Роти, Тимор² и др.

Рельеф архипелага горный. Климат жаркий экваториальный с двумя сезонами — дождливым и сухим. Первый устанавливается в ноябре, когда дуют северо-западные муссонные ветры, насыщенные влажными парами океана. Сухой сезон наступает в апреле и длится до октября. Острова к востоку от Ломбока — самое засушливое место в Индонезии. Больше всего засухи поражают острова Сумба и Тимор. Реки на островах архипелага маловодны и непригодны для судоходства. Флора полусаванного типа. Тропические леса сохранились лишь в горных ущельях. Фауна бедна. По Ломбокскому проливу, отделяющему Ломбок от Бали, проходит «линия Уоллеса», разделяющая азиатскую и океаническую зооботанические зоны.

На архипелаге живет около 6 млн. человек. Средняя плотность населения 44 человека на 1 км². Плотность населения на отдельных островах различна. Так, на Ломбоке она достигает 226 чел. на 1 км², а на Тиморе — всего 26 чел. на 1 км².

На Малом Зондском архипелаге живет около полусотни народов, стоящих на разных стадиях социально-экономического и этнического развития и до настоящего времени довольно плохо изученных. Количество языков и диалектов, распространенных в провинции, насчитывает не менее сотни. Почти все языки принадлежат к индонезийской группе австронезийской (малайско-полинезийской) семьи языков. Спорным остается лишь вопрос о языке бунак, который в настоящее время большинство лингвистов считает не австронезийским. Они сближают его с папуасскими языками³ или же находят в нем черты мон-кхмерских языков⁴. Австронезийские языки народов Малых Зондских островов лингвисты делят на три подгруппы: бали-сумбаванскую, бима-сумбанскую и амбоно-тиморскую. Если языки двух первых подгрупп в какой-то степени близки, то третья подгруппа довольно сильно отличается от них. Амбоно-тиморские языки иногда сближают с меланезийскими языками⁵.

¹ Этнические процессы на Бали в данной статье не затрагиваются, т. к. эта этнокультурная область ближе к Яве, чем к Нуса Тенггара.

² Этнические процессы в восточной части Тимора, заморской территории Португалии, в статье не рассматриваются.

³ См. например, A. Carpel, *Peoples and languages of Timor*. «Oceania», 1943—1945, vol. XIV—XV.

⁴ L. Berthe, *La terre l'au-dela et les thèmes maritimes chez les Buna (Timor central)*, «L'ethnographie», n. s., № 58—59, Paris, 1964—1965, p. 86.

⁵ A. Carpel, *Указ. раб.*, стр. 94.

В свое время через Малые Зондские острова прошли переселенцы с азиатского материка и из Западной Индонезии на восток, оставив свои следы в языках, культуре и внешнем облике местного населения. Более поздние пришельцы смешивались с уже жившим на островах населением или оттесняли его во внутренние районы крупных островов и на мелкие островки. Однако начиная с XV—XVI вв. и вплоть до 1930-х годов Малый Зондский архипелаг был одним из наиболее изолированных уголков Индонезии. Он оказался в стороне от торговых путей, связывавших Молуккские острова с Явой. Даже в эпоху Маджапахита (XVI—XVII вв.), когда Малый Зондский архипелаг, видимо, входил в состав этой империи, внутри которой торговые связи были весьма оживленными, народы архипелага по-разному испытали экономическое и культурное влияние этого развитого феодального государства. Если Ломбок и Сумбава находились в зоне сильного влияния маджапахитской культуры, то на Тиморе воздействие Маджапахита чувствовалось значительно слабее; прочих же островов оно почти не коснулось. Испано-португальский период не оказал заметного влияния на этнический состав и традиционную социальную структуру народов Малых Зондских островов. Что же касается голландцев, то они вплоть до конца XIX в. ограничивались установлением административных постов в прибрежных частях островов.

Только в начале XX в. на Малых Зондских островах началось строительство дорог, соединивших административные центры островов, и наладились регулярные морские рейсы, связавшие архипелаг с остальными районами Индонезии; были проведены также некоторые экономические мероприятия, способствовавшие развитию товарно-денежных отношений у местного населения. В это же время прекратились межплеменные и междоусобные войны.

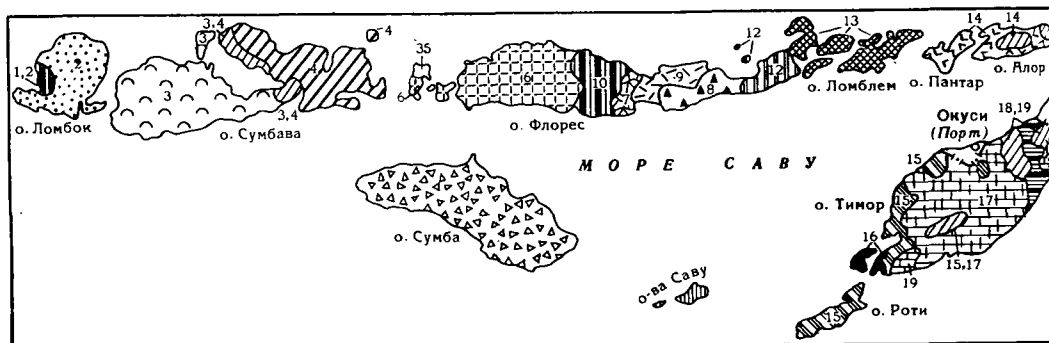
Малые Зондские острова и в настоящее время являются экономически наиболее отсталым районом Индонезии. Это сельскохозяйственный район, но население его не обеспечивает себя продовольствием. Довольно часто, особенно на островах Флорес и Тимор, люди голодают. Район нуждается в постоянном подвозе риса. Промышленность в провинции развита слабо. Здесь имеются небольшие черепичные и текстильные фабрики, рыбоконсервный завод, предприятия по обработке местной сельскохозяйственной продукции: крупорушки, сушильни для копры, лесопильни. Все они сосредоточены на островах Ломбок, Сумбава, Тимор. Продукция промышленных предприятий невелика, они не в состоянии обслужить местное население. В 1950-е годы индонезийское правительство предприняло некоторые шаги для развития местной промышленности: с помощью государственных кредитов были построены черепичная и текстильная фабрики на Ломбоке и Сумбаве⁶.

На Малых Зондских островах представлены три хозяйственно-культурных типа, причем два из них подразделяются на подтипы.

Первый тип — тип прибрежных рыболовов. Этот хозяйственно-культурный тип охватывает небольшую группу солорцев, ломбленцев, ларунтуков, живущих на одноименных островах и на востоке Флореса. Они не занимаются земледелием. Рыбу ловят в прибрежных водах сетями и острогой на долбленках с парусами и противовесами или на дощатых парусниках; лодки местного производства. Дома стоят на высоких сваях, часто в полосе прибоя; рыболовы отличаются от соседнего сельскохозяйственного населения и другими чертами культуры.

Наиболее характерным для провинции является хозяйственно-культурный тип подсечно-огневых земледельцев (основные орудия обработки поля — топор, палка-копалка и сажальный кол). Для этого хозяйственно-культурного типа характерны: постоянное поселение кучевого типа,

⁶ S. Reksodihardje, Report on the Lesser Sundas, Indonesia, 1952—57, vol. 2, New York, 1960, p. 16—17.

Малайско-полинезийская семья. Индонезийская группа
Бали-сумбаوانская подгруппа

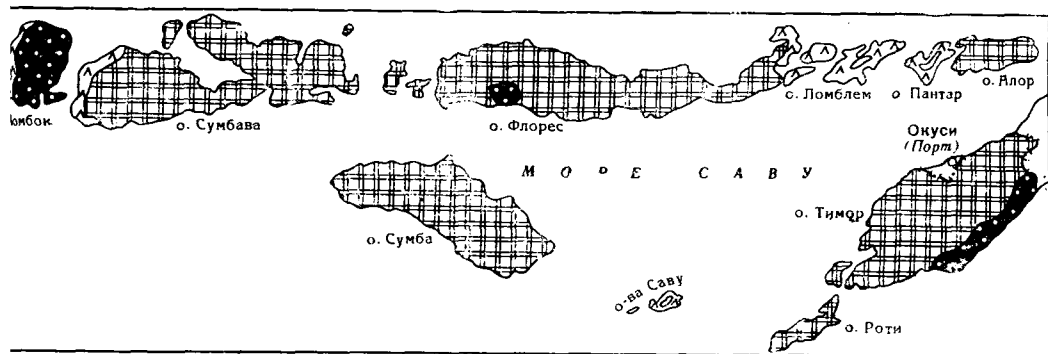
Рис. 1. Расселение народов Малых Зондских островов

обычно не крупное; традиция временного поселения возле обрабатываемого поля; дома, прямоугольные в плане, стоящие на сваях; общинная собственность на землю. Преобладающими сельскохозяйственными культурами являются кукуруза и сорго, корнеплоды и клубнеплоды. На огородах возле домов выращивают фруктовые деревья. Рис на неполивных землях возделывают в небольшом количестве. В западной части провинции в качестве подсобных культур выращивают овощи: бобовые, чеснок, перец и т. д. В восточной части эти культуры встречаются редко, здесь преобладают корнеплоды и клубнеплоды: ямс, батат, маниок. На всей территории провинции, на побережье преимущественно, распространены кокосовая, лонтаровая, саговая и другие пальмы.

Третий, наиболее прогрессивный, хозяйственно-культурный тип — ирригационные земледельцы, использующие мотыгу в качестве основного орудия обработки земли. Он характерен для Ломбока. Здесь бытует террасное земледелие с выращиванием риса в качестве основной культуры. Этому типу хозяйства соответствуют постоянное поселение уличной или линейной планировки, прямоугольные в плане дома, стоящие на грунте или на невысоких сваях. Постоянные поля, орошаемые искусственно из каналов или колодцев, встречаются также на Тиморе (у тетумов) и Флоресе (у манггарай). Но мотыгу здесь применяют редко. Землю взрыхляют, прогоняя несколько раз по залитому водой полю буйволов. Такой способ обработки поля встречается у некоторых групп горных индонезийцев Вьетнама и у некоторых тайских народов Таиланда. На искусственно орошаемых полях выращивают рис. Этому подтипу соответствуют некоторые особенности в материальной культуре: дома, стоящие на сваях, крупные постоянные поселения.

Хозяйственно-культурный тип плужных земледельцев в Нуса Тенгара не оформился. Плуг употребляется лишь в хозяйстве католических миссий, местной народной традиции он не свойствен.

Для всех, кроме первого, хозяйственно-культурных типов характерно животноводство. Животноводство носит экстенсивный характер. В течение всего года скот свободно пасется в саванне. Здесь разводят крупный

Хозяйственно-культурные типы на Малых Зондских островах

Рис. 2. Хозяйственно-культурные типы на Малых Зондских островах

и мелкий рогатый скот, а также свиней. Имеются и водяные буйволы. В каждом хозяйстве есть куры.

Охота и собирательство не играют в хозяйстве большой роли, не являются занятиями, свойственными каким-то определенным этническим группам. Объясняется это бедностью фауны и флоры. Но характерно то, что добыча смол, меда, воска, заготовка дорогостоящих пород деревьев на продажу и материала для плетения широко распространены в горных областях внутренних частей островов.

Распространение ремесел также свидетельствует об определенном различии в культуре населения прибрежных и внутренних районов островов. Гончарство, обработка металлов, ткачество развиты в прибрежных районах, а плетение — во внутренних районах. Во внутренних районах сохраняются и некоторые архаичные формы культуры: деревни, окруженные каменными стенами (горцы Тимора), мегалитические сооружения (горцы Флореса).

Хозяйство почти всех народов провинции носит товарный характер. Оптовую торговлю ведут торговцы-индонезийцы с Явы и Сулавеси и местные китайцы. Мелкой розничной торговлей, кроме китайцев, занимаются буги и макасары с Сулавеси, а из местного населения — солорцы, савусцы, ротийцы, сумбаванцы. Торговые связи с Явой и Сулавеси довольно регулярны. На Малые Зондские острова ввозят керосин и бензин, цемент, текстиль и пряжу, мыло, сахар, сигареты и другие мелкие товары, производящиеся в самой Индонезии или ввозящиеся из-за рубежа через Яву и Сулавеси. Из провинции вывозят сою, копру, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, овощи. Кофе, копра и скот входят в общендонезийский экспорт.

Городов в провинции насчитывается несколько десятков. Большая их часть сосредоточена в прибрежных областях. Чаще всего это города небольшие, возникшие в нашем столетии. Почти во всех из них большой процент населения составляют китайцы — представители торговой и промышленной буржуазии. Экономические межостровные связи очень слабы.

Население провинции Нуса Тенггара не представляет цельного этнического массива. Процессы этнической консолидации, характерные для современной Индонезии, проходят здесь в пределах отдельных островов, иногда группы островов.

В провинции можно выделить несколько этнокультурных ареалов. Одним из них является о. Ломбок.

Население Ломбока насчитывает более миллиона человек. Это сасаки и бодха (этнографическая группа сасаков), балийцы и сумбаванцы. Сасаки — аборигенное население острова, а балийцы и сумбаванцы в разное время переселились на Ломбок с родных островов. Балийцы живут на Ломбоке по крайней мере с XVI в. Каждая из групп местного населения говорит на своем языке, причем языки эти довольно близки между собой. При межгрупповом общении применяются смешанные диалекты: сасакско-балийский и сасакско-сумбаванский. Сасаки на протяжении почти четырех столетий испытывают политическое, экономическое и культурное влияние со стороны балийцев. Под влиянием последних сасаки перешли от подсечно-огневого земледелия к ирригационному, от полуседлого поселения к оседлому. Сасаки заимствовали у балийцев и множество других достижений культуры. Вплоть до начала XX в. происходила постепенная ассимиляция сасаков балийцами. Проводилась определенная ассимиляторская политика: сасаков насильственно обращали в индуизм, причем принявших индуизм освобождали от податей балийским феодалам (балийские княжеские дома еще в XVI—XVII вв. захватили на Ломбоке лучшие земли); дети сасакских женщин, вышедших замуж за балийцев, считались балийцами и пользовались в силу этого рядом привилегий.

В настоящее время Ломбок является наиболее экономически развитым (после Бали) островом провинции. Промышленную и торговую буржуазию здесь составляют китайцы, яванцы, балийцы. Промышленный и сельский пролетариат состоит преимущественно из сасаков. Крупные землевладельцы — исключительно балийцы. Это экономическое неравенство, естественно, отражается на процессе культурного и этнического сближения населения Ломбока. Тормозит этот процесс и религия. Балийцы исповедуют индуизм. Большинство сасаков — мусульмане. Бодха сохраняют анимистические верования. Столкновения из-за земли принимают религиозную окраску, как это было в 1950 г.⁷

Сасаки сознают свою этническую обособленность, противопоставляя себя балийцам. Этническое самосознание очень развито и у балийцев Ломбока. Этнокультурные различия между сасаками и балийцами на Ломбоке все еще очень значительны. Живущие на Ломбоке сумбаванцы также держатся обособленно и не смешиваются с сасаками.

Все население острова понимает индонезийский язык, но в быту им не пользуется ни одна этническая группа Ломбока.

Другим этнокультурным ареалом является о. Сумбава. До начала второй мировой войны на Сумбава существовали (еще с XVI—XVII вв.) два сравнительно крупных раннефеодальных государства: Бима и Сумбава. Государство Сумбава занимало западную часть острова, Бима — восточную. Эти государства, видимо, сыграли большую роль в консолидации местных племен и последующем формировании современных народов бимов и сумбаванцев. В состав государства Бима входили о. Сумба и западная часть о. Флорес, и жившие там сумбанцы и манггарай в течение длительного периода времени находились под культурным влиянием бимов. В последние 30 лет традиционные связи между этими народами были нарушены. Для Сумбавы в настоящее время, как и прежде, характерно крупное землевладение бывших феодалов. Однако сельская община и ее традиции пока еще играют большую роль, что в значительной степени обусловлено существованием здесь подсечно-огневой системы земледелия. Большая часть общинников является издольщиками крупных землевладельцев.

⁷ S. Reksodihardje, Указ. раб., стр. 23—24.

На острове живут два народа с ярко выраженным этническим самосознанием: сумбаванцы (170 000 человек) и бимы (320 000 человек). По материальной и духовной культуре эти народы почти не отличаются друг от друга. Бима и сумбаванцы в основной своей массе мусульмане. Небольшое число тех и других обращено в католичество. Но религиозной розни между ними, по мнению очевидцев, нет. Языки этих двух народов относятся к различным лингвистическим подгруппам. Сложение единой этнической общности на острове, как представляется, возможно лишь на базе индонезийского языка, и некоторые исследователи уже отмечали зарождение подобных тенденций⁸.

Флорес с прилегающими к нему небольшими островками составляет еще один этнокультурный ареал. Здесь особенно ощутимы контрасты в уровне социально-экономического, культурного развития, в степени и темпах этнической консолидации. Число языков и диалектов, бытующих на Флоресе, не менее двенадцати⁹, а антропологический состав населения¹⁰ — самый пестрый по сравнению с другими островами архипелага.

По религиозной принадлежности коренное население Флореса делится на три группы: мусульмане (30%, преимущественно на западе); католики (60%, на востоке и в центре); 10% зарегистрировано как анимисты (горцы). Анимистические верования сохраняют, правда, в какой-то степени и мусульмане и католики.

Наиболее развитую этническую общность представляют собой манггараи (270 000 чел.), живущие на равнинах западной части острова. Для манггараи характерно крупное землевладение: земля сосредоточена в руках родо-племенной верхушки. Кровнородственные связи слабы. Разлагающаяся сельская община является основной общественной единицей. Манггараи говорят на нескольких диалектах единого языка. Они испытали сильное влияние макассаров с о. Сулавеси, основавших на Флоресе отдельные поселения. Еще более значительным было влияние бимов. Все эти группы переселенцев смешались с манггараи и оказали сильное воздействие на их культуру. Манггараи, по мнению многих антропологов и этнографов¹¹, являются крайней восточной группой малайского мира. Манггараи понимают индонезийский язык, но в быту им пользуются редко.

В горах центрального Флореса живут игада (60 000 чел.), сикка (200 000 чел.), лио (175 000 чел.), наге (80 000 чел.) и кео¹². Эти народы занимаются рисоводством и выращиванием кукурузы, корнеплодов и клубнеплодов и применяют подсеčno-огневую систему земледелия. Они говорят на особых языках, имеющих многочисленные диалекты. Языки наге и кео близки языку лио. Впрочем, их сближает не только язык, но и хозяйственно-культурная общность. Представляется вероятным, что когда-то это была единая этническая общность, расколовшаяся позже на три части, длительное время существовавшие изолированно и испытывавшие влияние разных соседних народов. Изолированный образ жизни горцы Флореса сохраняют и в настоящее время. На побережье, в крупных поселках, где регулярно устраиваются традиционные базары, представители этих народов появляются редко. Хозяйство их имеет натуральный характер. Министерство трансмиграций Индонезийской республики в 1950-х годах планировало переселение части горцев на равнины. Эти

⁸ P. Goethals, Aspects of local government in a Sumbawan village, New York, 1961, p. 23.

⁹ R. Salzner, Sprachenatlas des Indopazifischen Raumes, Wiesbaden, 1960.

¹⁰ W. Keers, An anthropological survey of the Eastern Little Sunda Islands, Amsterdam, 1948, карта.

¹¹ См., например: W. Keers, Указ. раб., стр. 47, 167; H. J. T. Bijlmer, Frizzly-haired peoples in the Pacific, especially those of the Netherlands East Indies, «The Fourth Pacific Science Congress», vol. III, p. 152—153.

¹² Мы не располагаем данными о численности кео.

попытки не увенчались успехом. Как правило, горцы не знают индонезийского языка.

На южном побережье центрального Флореса живет очень своеобразная, смешанная по происхождению и сравнительно новая группа населения — энде. В состав ее вошли бимы, малайцы-минангкабау с Суматры, буги и макасары с о. Сулавеси, которые смешались с местным населением, возможно, близким к лио. Основанием для этого предположения служит близость языка энде языку лио. Большая часть энде живет в настоящее время в городах южного побережья, преимущественно в г. Энде. Работают они служащими, прислугой, прежде работали также надсмотрщиками на плантациях в горах. Но есть и энде — крестьяне.

На востоке о. Флорес живут ларунтуки (55 000 чел.), занимающиеся земледелием и рыболовством. У них сохранилась сельская община. Язык ларунтуков очень близок солорскому. На крайнем востоке Флореса, по соседству и вперемежку с ларунтуками живут переселенцы с соседних островов Ломблен и Солор. Эти народы близки между собой по языку, культуре, образу жизни. Наблюдаются у них и смешанные браки. Связывает их и религия, которая, видимо, сыграла большую роль в процессе сближения этих народов. Местное население исповедует католичество. Принесли его сюда португальские миссионеры еще в XVI в. Миссионерские школы существуют здесь, начиная, по крайней мере, с конца XIX в. Португальцы оказали на местное население довольно сильное влияние. Многие здесь носят португальские имена, имело место и физическое смешение португальцев с местным населением¹³. На востоке Флореса, возможно, возникнет единая этническая общность, которая объединит ларунтуков, солорцев и ломбленцев.

Солорско-алорский архипелаг состоит более чем из десяти мелких обитаемых островов. Наиболее крупные из них: Ломблен, Солор, Алор, Пантар. Население архипелага (около 330 000 чел.) говорит по крайней мере на четырнадцати различных языках, имеющих до нескольких десятков диалектов. На Алоре, по мнению некоторых исследователей, бытуют языки, относящиеся и к неиндонезийской группе языков¹⁴.

Наиболее подвижным народом этого архипелага являются солорцы. Среди них много рыбаков, мелких розничных торговцев, чернорабочих, живущих в прибрежных поселках и городах всех островов архипелага и даже на Флоресе и Тиморе. Солорцы легко смешиваются с населением, среди которого они поселяются, нередко даже ассимилируют его (как это было, например, с ларунтуками на Флоресе). Солорцы — ревностные католики. Португальские католические миссии начали обращать солорцев в христианство еще с середины XVI в. Потомки от смешанных браков португальцев с женщинами Солора сыграли большую роль в христианизации местного населения. Солорцы понимают индонезийский язык и чаще других соседних народов пользуются им.

На Алоре живет 70 000 человек, говорящих на восьми языках и большом числе диалектов¹⁵. Различия между жителями внутренних районов и побережья здесь даже больше, чем на Флоресе, несмотря на то, что площадь острова невелика (5448 км²). Жители внутренних районов сохраняют натуральное хозяйство, в их общественной жизни большую роль играют общинно-родовые нормы. Жители побережья ведут товарное хозяйство. Жители горных деревень анимисты. Жители побережий — мусульмане. Религиозная рознь на этом острове разделяет его жителей на два враждебных лагеря¹⁶. Индонезийский язык во внутренних райо-

¹³ W. Keers, Указ. раб., стр. 80—81.

¹⁴ См., например: М. Я. Берзина, С. И. Брук, Население Индонезии, Малайи и Филиппин. Приложение к карте народов, М., 1962, стр. 50.

¹⁵ C. A. Du Bois, The people of Alor, Cambridge (Massachusetts), 1960, p. 14.

¹⁶ Там же, стр. 16.

нах понимают с трудом или не понимают совсем, в быту им не пользуются. В прибрежных районах кое-где он становится более употребительным.

Особый этнический ареал представляет собой о. Сумба с прилегающими к нему небольшими островками Саву. Население Сумбы 300 000 чел. На Сумбе насчитывают 13 диалектов в пределах единого сумбанского языка, но разница между этими диалектами так велика, что жители Восточной Сумбы не понимают жителей западной части острова. Не только лингвистически, но и антропологически Сумба делится на две части — восточную и западную. Это нашло отражение и в административном делении: выделены район Восточная Сумба с административным центром Вайнгапу и район Западная Сумба с центром в Вайкабуба. До настоящего времени на Сумбе существуют «кабису» — территориальные общины с сильными кровнородственными связями¹⁷. Это замкнутые, экономически не связанные друг с другом общины. Этнически сумбанцы также не представляют единого целого.

На востоке острова расположено несколько поселков, населенных выходцами с островов Саву. Всего саву на родном острове и на Сумбе насчитывают около 200 000 чел. Язык саву довольно близок к сумбанскому. Тем не менее на Сумбе потомки переселенцев с о. Саву резко отличаются от сумбанцев и не смешиваются с ними.

Тимор (западная его часть) представляет еще одну яркую этнокультурную область Малых Зондских островов. Основное население индонезийской части Тимора: атони (400 000 чел.), тетумы (160 000 чел.), ротийцы (на о. Роти 125 000 чел. и на Тиморе 25 000 чел.), купанги (1000 чел.), бунаки и кемаки (65 000 чел., живут в горах пограничного района Тимора).

На Тиморе вплоть до 1950-х годов существовали раннефеодальные государства тетумов и атони. В настоящее время бывшие феодалы все еще сохраняют часть своих привилегий: они получают денежную и натуральную ренту от бывших подданных¹⁸, владеют крупными массивами земель, на которых общинники работают исполу.

Хозяйство всех народов Тимора товарное. Но земля еще не продается, хотя и закрепляется позпозженно за членами сельской общины.

В хозяйстве, материальной и духовной культуре народов Тимора много общего, что объясняется длительными хозяйственными и культурными контактами между ними. Большое влияние на все народы Тимора оказали тетумы. С их приходом на Тимор (не позже XIV в.) связывают появление на острове культуры риса, обработки металлов, оседлых поселений.

Этнически наиболее развитыми народами Тимора являются тетумы и атони. Хотя и у этих народов существуют различия в культуре и в общественной организации между горцами и жителями прибрежных равнин (горцы и здесь более отсталые), все же это единые народы. Начиная с 1930-х годов, атони и бунаки переселяются на равнины, принадлежащие тетумам. Вначале это было насильственное переселение, проводившееся голландцами, а затем, особенно с середины XX в., оно приобрело естественный характер. Переселенцы до настоящего времени селятся обособленно, сохраняют свой язык, соблюдают свои обряды. Ротийцы, живущие на Тиморе, среди атони, также держатся обособленно. В городах они селятся отдельными кварталами. Тетумы живут среди атони также обособленно. Смешанные браки — явление очень редкое. Сохраняется и культурное своеобразие. Так, атони живут в домах круглых или оваль-

¹⁷ «Republik Indonesia. Propinsi Sunda Ketjil», Djakarta, [195...]; R. Needham, *Circulating connubium in Eastern Sumba: a literary analysis*, «Bijdragen tot de taal-land en volkenkunde», deel 113, № 2, p. 170.

¹⁸ F. J. Ormeling, *The Timor problem. A geographical interpretation of an underdeveloped island*, Djakarta, 1958, p. 86.

ных, стоящих на грунте, а тетумы — в прямоугольных свайных домах. Тетумы сохраняют матриархальные традиции в большей степени, чем другие народы Тимора. Ротийские деревни, в отличие от поселений других народов, окружены плодовыми деревьями и огородами. Ротийцы более умелые земледельцы, чем другие народы на острове.

В последнее время идет активный процесс культурного и экономического сближения народов Тимора. Немалая роль в этом процессе принадлежит городам. На Тиморе расположен крупнейший город рассматриваемого региона, Купанг, с населением в 25 000 чел. Это важнейший морской порт провинции, административный, торговый и промышленный центр острова. Вблизи Купанга расположен аэропорт, связывающий провинцию Нуса Тенггара со всей Индонезией. По своему этническому составу население города очень смешанное. Здесь живут ато-ни, тетумы, ротийцы, китайцы, сумбаванцы, солорцы и представители многих других народов. Некоторые из них, как уже отмечалось выше, занимают отдельные кварталы. Тем не менее, взаимоотношения между представителями разных народов в Купанге довольно тесные. Растет слой смешанного населения. Языком общения в Купанге является индонезийский язык.

Народы Тимора исповедуют разные религии. По вероисповеданию 2% населения — мусульмане; 21% — католики; 57% — протестанты; 20% зарегистрировано как анимисты. Анимистические представления, культ предков до настоящего времени играют очень большую роль в повседневной жизни всех народов Тимора, какой бы из официальных религий они ни придерживались. Религиозная рознь на острове не отмечается.

Этническое самосознание народов Тимора многоступенчато. Так, рядовой атони называет себя «атони» (люди, человек), отличая таким образом себя от соседей на территории острова. В районах же расселения атони он назовет себя членом той территориальной или патронимической общины, к которой принадлежит. Вне пределов острова все жители Тимора называют себя тиморцами.

По обе стороны государственной границы на Тиморе живут родственные народы: тетумы, бунаки. До 1962 г. эта граница была открыта и сношения между жителями приграничных деревень были довольно оживленными. В 1962 г. португальцы закрыли границу и стали наращивать военные силы в ответ на организацию в западной части острова комитета, ставившего своей целью воссоединение Тимора. Иные события волнуют теперь Индонезию. Освобождение Восточного Тимора отложено. Граница между Португальским Тимором и западной частью острова снова фактически открыта. На границе спокойно. Причиной редких инцидентов является угон скота из приграничных деревень.

Расположенный восточнее Тимора о. Ветар населен выходцами с Тимора, в разное время покинувшими остров. Формально остров входит в состав Молуккской провинции Индонезии, но и экономически и этнически он тяготеет к Тимору. Население его плохо изучено. По-видимому, оно входит в тот же этнокультурный массив, что и Тимор¹⁹. Политическая граница, отделившая Ветар от Восточного Тимора, способствовала некоторой изоляции ветарцев и консервации их своеобразной культуры.

* * *

Малые Зондские острова не представляют собой в настоящее время единства, ни экономического, ни этнического. Межостровные связи, если говорить о провинции в целом, весьма слабы. В пределах провинции существуют несколько центров экономического тяготения, и этим эконо-

¹⁹ J. P. B. Josselin de Jong. Studies in Indonesian culture, The community of Erai, Amsterdam, 1947.

мическим связям сопутствуют этнические связи. Так, сасаки и балийцы Ломбока регулярно посещают базары Бали. Хозяйственные и культурные контакты уже стали традиционными для этих народов. Безусловны сасакско-сумбаванские связи. Сумбаванцы часто, по крайней мере с прошлого столетия, поселяются на Ломбоке или совершают туда краткосрочные поездки. Ротийцы не только в районе Купанга, но и в глубинных областях Тимора занимаются розничной торговлей. Ротийцы близки тетумам по языку и когда-то, видимо, появились на своем острове вместе с тетумами, поселившимися на Тиморе. Вероятно, некогда это был единый этнос. Таких примеров можно привести много.

Экономические связи внутри провинции слабее связей провинции с западными островами Индонезии, прежде всего — с Явой и Сулавеси. Когда-то все народы Малых Зондских островов были мореходными. Теперь же большая часть народов провинции сохранила лишь память об этом. Так, тетумы, не знающие теперь мореходства, украшают изображениями лодок крыши своих жилищ²⁰, бунаки помнят ритуальные песни об удачливых моряках и рыболовах²¹, горцы Сумбы, живущие далеко от моря, знают, как сесть в лодку и как грести²². Ломбленцы, солорцы и сумбаванцы в настоящее время единственные представители местного населения, посещающие на лодках местного производства все острова провинции. Но эти рейсы нерегулярны. Собственного регулярно работающего морского транспорта в провинции почти нет. Нерегулярные рейсы между Малыми Зондскими островами и другими частями Индонезии осуществляют частные компании с о-вов Мадуро и Сулавеси²³. Все это, естественно, не способствует экономическому и, соответственно, этническому сближению народов провинции.

На Малых Зондских островах существует всего три этнохозяйственные области. Причем хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев, применяющих подсеčno-огневую систему земледелия и сажальный кол в качестве основного орудия обработки земли, охватывает примерно $\frac{5}{6}$ населения провинции. Это единый, видимо, этнический пласт, в прошлом заселивший архипелаг и вплоть до настоящего времени сохраняющий основные свои хозяйственно-культурные черты.

Нуса Тенгарра и теперь находится в сравнительной изоляции. Провинция нуждается в большой поддержке со стороны центрального правительства в налаживании всякого рода связей не только внутри провинции, но и с центральными областями Индонезии, в помощи для подъема экономики и культуры. Некоторые мероприятия в этом плане центральное правительство пыталось провести в 1950-е годы. Были построены дамбы и водохранилища на плодородных равнинах Сумбавы и Флореса. Планировалось переселить горцев, занимающихся подсеčno-огневым земледелием, в долины и научить их поливному земледелию. Из этой попытки ничего не вышло из-за финансовых затруднений²⁴. Видимо, тут сыграли роль и иные обстоятельства. Жители гор Сумбавы и особенно Флореса ведут изолированный образ жизни, мало общаются с жителями равнин. Чтобы переселить горцев на равнины, нужно преодолеть эту взаимную отчужденность и недоверие народов. Не были учтены, видимо, и феодальные пережитки на Сумбаве: все земли, входившие когда-то в состав феодального княжества, и в настоящее время принадлежат местными жителями собственностью бывших феодалов или их потомков. Пришельцев здесь, естественно, не могли встретить благосклонно.

²⁰ A. Carpel, Указ. раб., стр. 209—210.

²¹ L. Berthe, Указ. раб., стр. 85.

²² W. Keers, Указ. раб., стр. 5.

²³ S. Reksodihardje, Указ. раб., стр. 10—11.

²⁴ Там же, стр. 38.

Малые Зондские острова и в социально-экономическом отношении являются отсталым районом. Далеко не все народы архипелага знали в прошлом государственность: это были лишь сумбаванцы и бимы, атони и тетумы. Остальные находились на разных стадиях доклассового общества. Народы провинции только в конце XIX в. начали втягиваться в товарные отношения, и эти отношения не проникли, конечно, еще глубоко в хозяйственную и общественную жизнь. Преобладание общинного пользования землей характерно для большинства, если не для всех, народов провинции.

Родовые общины в чистом виде сейчас уже нигде не сохранились, хотя пережитки общинно-родовых отношений, особенно в семейной жизни, бытуют всюду.

Социальная структура оказывает воздействие на этническую структуру. Для большей части островов провинции и даже отдельных народов характерна предельная этническая дробность: некоторые территориальные общины настолько замкнуты, что поддерживают связи только с теми группами, с которыми они традиционно связаны брачными отношениями.

Этническая дробность находит выражение и в языковой дробности. Общее количество языков и диалектов, распространенных в провинции, превышает сто. На западе провинции (Ломбок, Сумбава, Флорес, Сумба) люди, говорящие на родственных языках, до некоторой степени еще могут понять друг друга. Но сасаки, живущие на крайнем западе провинции, совсем не понимают атони — жителей восточных областей. Языком общения в провинции станет, по-видимому, индонезийский язык. Но это длительный процесс. В настоящее же время индонезийским языком, как вторым, пользуется лишь небольшая прослойка — чиновники и интеллигенция, торговцы. Народы Малых Зондских островов в прошлом не имели ни одного письменного языка, если не говорить о переводе на некоторые из местных языков на основе латинской графики библейских текстов, осуществленном работавшими здесь миссионерами. Письменность и все новейшие достижения цивилизации приходят в Нуса Тенггару только на индонезийском языке. Мы не располагаем, к сожалению, статистическими данными о состоянии школьного образования в провинции. Можно только сказать, что здесь работают школы первой и второй ступени, готовятся местные преподавательские кадры, имеются специальные технические школы. Индонезийский язык становится вторым языком для поколения, получившего образование в период Индонезийской Республики. Изучение этого языка открывает возможность занять одну из административных должностей в провинции.

Административное деление провинции на области, районы, подрайоны и группы деревень основано главным образом на этническом принципе. Государство не проводит ассимиляторской политики. Процессы этнического и культурного сближения протекают очень медленно.

Только с помощью центральных областей можно преодолеть изоляцию Малых Зондских островов, а это непременное условие дальнейшего экономического, культурного и этнического развития этой области.

Религия, несомненно, оказывает значительное воздействие на ход этнических процессов у населения Малых Зондских островов. О роли католических миссий в консолидации этнической общности на востоке Флореса уже говорилось выше. Что же касается роли религии как этноразделяющего фактора, то таких примеров можно бы привести очень много: балийцы и сасаки на Ломбоке, мусульмане, христиане и анимисты на Флоресе; мусульмане побережий и христиане и анимисты горных районов Алора и т. д. Правда, нужно сразу оговориться, что религиозные противоречия не являются здесь основными, а лишь как бы подчеркивают противоречия экономического и этнического характера.

Если говорить об этнических процессах в провинции в целом, то следует сказать, во-первых, о сближении, консолидации народов в пределах островов и, во-вторых, о постепенно проявляющейся тенденции к вхождению в единый этнический массив Индонезии. Экономика и культура провинции, развиваясь, будут все более приобретать общеиндонезийские черты. Как фабричные ткани сводят на нет местное кустарное производство тканей, так индонезийский язык, став необходимым средством для общения с соседями по острову и с приезжающими специалистами с других островов, будет теснить местные языки и диалекты. Но это дело будущего. Пока торговые (а чаще обменные) отношения ведут, и то очень медленно, к консолидации мелких и менее развитых этносов вокруг крупных и более развитых лишь в пределах островов. Решение аграрной проблемы могло бы значительно способствовать стиранию этнического недоверия, этнической розни.

В провинции в настоящее время нет единого центра этнической консолидации. Но здесь нет и сепаратистских тенденций. Появятся ли они позже, по мере экономического, социального и этнического развития народов провинции,— покажет будущее.

SUMMARY

The article deals with modern ethnic processes in the Lesser Sunda Islands (Nusa Tenggara Province) east of Bali. Two tendencies may be distinctly traced in the present-day ethnic evolution of the population of this area: ethnic consolidation within the largest islands and, on the other hand, the amalgamation of the peoples of the province with the common ethnic stock of Indonesia. Both these processes operate more weakly in isolated regions (the mountainous interior of islands). The second tendency is stronger in the western islands (Lombok and Sumbawa) which have had relations with Java and Bali since the XVI century; it is weaker in the east (Sumba, Flores, the Solor-Alor Archipelago, and Timor with adjacent smaller islands). The agrarian reform, the further growth of economic and cultural ties with the central islands of Indonesia, the social-economic and cultural development of the peoples of the province — all these factors will be conducive to the ethnic evolution of Nusa Tenggara population.

В. И. Козлов

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР

(К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

За последние годы в советской этнографической науке четко выделилось и стало одним из ведущих направлений, связанное с исследованием этнических процессов в различных странах мира, прежде всего — в СССР. Сущность этнических процессов будет рассмотрена нами ниже, но предварительно отметим в самой общей форме, что к ним относятся процессы, приводящие к изменению уже существующих или возникновению новых этнических общностей. Важность подобных исследований определяется той видной ролью, которую играют и в обозримом будущем будут играть национальные (этнические) факторы во многих сферах жизни нашей многонациональной страны, необходимостью всестороннего познания изменений этнического состава, а также возможностью составления на их основе прогнозов этнических изменений на будущее.

В настоящее время литература, имеющая непосредственное отношение к данному направлению исследований, тесно связанному с проблемами этногенеза и другими тематическими разделами этнографической науки, исчисляется (даже если взять только статьи, опубликованные за последние годы в журнале «Советская этнография») не одним десятком названий¹. Однако некоторые важные методологические основы таких исследований еще не вполне установлены, что может оказать неблагоприятное влияние на весь ход дальнейшей работы в этом направлении. В данном случае речь идет прежде всего об установлении сущности этнических процессов и их места среди социально-экономических, социально-культурных и других процессов, об основных типах этнических процессов, о сторонах, факторах развития и стадиях этнических процес-

¹ К ним относятся: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; В. И. Козлов, К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы), там же; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, там же; Л. Н. Чижилова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, «Сов. этнография», 1963, № 6; А. В. Смоляк, О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура, «Сов. этнография», 1963, № 3; Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, «Сов. этнография», 1964, № 6; О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева, Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1966, № 2; Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, «Сов. этнография», 1967, № 1; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии, «Сов. этнография», 1967, № 4; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5; Г. П. Васильева, Современные этнические процессы в северном Туркменистане, «Сов. этнография», 1968, № 1, и др.

сов; к ним же следует отнести вопрос о понятии этнической общности как объекте таких процессов, и вопрос о типологии этнических общностей. По существу каждая из этих тем заслуживает специальной статьи, поэтому ниже мы остановимся лишь на некоторых основных проблемах, рассматривая их главным образом применительно к задачам исследования современных этнических процессов в СССР.

* * *

Исходной методологической базой при изучении этнических процессов, как и во многих других этнографических исследованиях, является понятие этнической общности (этноса), или народа. В советской этнографии уже давно имеется достаточно четкое представление о сущности этой формы общности людей, однако развитие науки потребовало теоретического обоснования такого представления, подкрепления бытующих «рабочих» определений этнической общности и отдельных ее типов научно обоснованными понятиями. Работа эта, начатая, к сожалению, сравнительно недавно² и сопровождавшаяся развернувшейся дискуссией (главным образом в журнале «Вопросы истории») вокруг определения одного из видов этнической общности — нации³, оказалась весьма трудным делом. Эта трудность обусловлена тем, что конкретные этнические общности, существовавшие в прошлые исторические эпохи и наблюдаемые ныне, обнаруживают массу индивидуальных особенностей, которые отличают их друг от друга и по-разному определяют их взаимоотношение с другими формами общности людей, например с государственно-политическими, религиозными, расовыми и т. п.

В настоящее время можно считать установленным, что этническая общность представляет собой один из видов исторически возникших коллективов людей, своеобразный социальный организм⁴. Вопрос о характере этнических связей между людьми пока еще не вполне решен. С. А. Токарев, открывший по существу обсуждение этой проблемы, полагал, по-видимому, что собственно этнических связей вообще не существует; он писал: «Этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада,

² См. С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Л. П. Лашук, О формировании донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в работах советских этнографов, «Сов. этнография», 1967, № 4; Л. Н. Гумилев, О термине «этнос». Этнос как явление, «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967; В. А. Белявский, Этнос в древнем мире, там же, и др.

³ См.: П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1; М. С. Джунусов, Нация как социально-этническая общность людей, «Вопросы истории», 1966, № 4; С. Т. Калтахчян, К вопросам о понятии нации, «Вопросы истории», 1966, № 6; П. Г. Семенов, Нация и национальная государственность в СССР, «Вопросы истории», 1966, № 7; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1; А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, «Вопросы истории», 1967, № 7; М. О. Мнацаканян, Нация и национальная государственность, «Вопросы истории», 1967, № 9; И. Н. Исаев, Нация и язык, «Вопросы истории», 1968, № 2; см. также: Ю. И. Семенов, Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса, «Народы Азии и Африки», 1966, № 4; В. И. Козлов, О разработке теоретических основ национального вопроса, «Народы Азии и Африки», 1967, № 4; Ю. И. Семенов, К определению понятия нации, там же, и др.

⁴ Следует решительно возразить против попытки Л. Н. Гумилева представить этнос не как социальную, а как биологическую категорию, возникшую в результате адаптации групп людей к определенным ландшафтным условиям — «биоходам» (Л. Н. Гумилев, Указ. раб., стр. 14—15 и др.). Методологическая ошибочность такой этногизации и географической детерминизации этнической истории, как важной составной части общего исторического процесса, не нуждается в комментариях.

религии (если последняя сохраняется)»⁵. Неточность этого определения проступает прежде всего в допущении возможности существования этнической общности на основе лишь одного из указанных видов неэтнических связей; достаточно очевидно, что в таком случае речь всегда может идти о каком-то комплексе связей, иначе этническая общность ничем не отличалась бы от языковой, государственной или, например, религиозной⁶.

В нашу задачу не входит подведение итогов упомянутой выше большой дискуссии вокруг понятия различных типов этнической общности, в первую очередь — нации, но поскольку это имеет отношение к теме данной статьи, отметим, что исследователи обычно (хотя и не вполне обоснованно) обращали внимание не на анализ характера связей между членами этнической общности, а на установление основных признаков этой общности. При обсуждении этого вопроса подверглись рассмотрению следующие признаки нации, не так давно считавшиеся обязательными: общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, а также другие признаки, прежде всего — этническое самосознание, государственно-политическая или социально-территориальная организация, общность происхождения и др. Установлено, что ни один из названных элементов, в том числе и такие несомненно важные, как язык и территория, играющие, наряду с другими, роль важных условий возникновения этнической общности, могут впоследствии утратить значение ее обязательных признаков, по крайней мере для отдельных (нередко больших) групп людей, принадлежащих к этой общности. Исключением является признак самосознания, присущий, как правило, всем этническим общностям и всем их членам. Этническое самосознание возникает под влиянием объективных условий и обнаруживает тесную причинную зависимость от других элементов этнической общности, но упрочившись, оно оказывается весьма стойким, сохраняясь даже при территориально-хозяйственном отрыве людей от их этнической базы и при изменении языка, психического склада и культуры. Признак этнического самосознания уже давно применяется на практике — для определения национальной принадлежности в переписях и других формах массового учета населения. Возвращаясь к проблеме выделения собственно этнических связей, заметим, что они, очевидно, представляют собой вид психологических связей, в основе которых лежат как объективные, так и субъективные факторы, в частности представление об общности языка («родной язык»), общности территории («родная земля»), о какой-то общности происхождения, исторических судеб и т. п.

Перечисленные выше элементы этнической общности, выступая в качестве ее признаков, представляют собой не простой их набор, а дифференцирующую систему, в которой на первый план по своему значению для существования этнической общности, по своему влиянию на этническое самосознание выступает то тот, то другой признак. Содержание некоторых из признаков требует уточнения. Так, почти все участники прошедшей дискуссии, коснувшиеся вопроса об общности психического склада (национального характера), отметили неточность этого признака. Он оказывается неприменимым ко многим народам (в том числе к большинству наций), которые состоят из людей, принадлежащих к различным психическим типам, живущих в различных, влияющих на их психологию природных и социальных условиях, занятых различными видами деятельности, нередко имеющих различную классовую идеологию и в силу всего этого не имеющих общности психического склада. Очевидно, что речь может идти обычно лишь о существовании некоторых особенностей психического склада у групп людей (классово-про-

⁵ С. А. Токарев, Указ. раб.

⁶ Подробнее см. В. И. Козлов, О понятии этнической общности.

фессиональных, местных, поло-возрастных и др.), составляющих тот или иной этнос. По существу то же относится и к признаку культуры, представляющей особый интерес для этнографов⁷. Распространение тех или иных элементов материальной (а отчасти и духовной) культуры и даже их сочетание («этнографические комплексы») часто не совпадают с границами расселения народов⁸; они могут широко варьировать внутри одних и тех же этнических общностей и, напротив, обнаруживать почти полное сходство у разных общностей. Поэтому, определяя этническую общность, приходится делать акцент не на «общность культуры», свойственную в основном лишь ранним формам этноса, а на те ее специфические элементы и культурно-бытовые особенности людей, которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этого этноса.

Пожалуй, наибольшие разногласия сохраняются по вопросу о признаке общности экономической жизни, или экономической общности. Некоторые авторы по-прежнему считают его ведущим признаком нации и даже «бесспорным этническим признаком всякого народа»⁹. По нашему мнению, подобные тезисы, ведущие свое начало от упрощенных экономико-материалистических схем, нуждаются в пересмотре. Экономическая общность как форма общности людей, связанных разделением труда в процессе производства, совпадает с этнической лишь в случае резкого территориально-политического обособления последней от других этнических общностей, например в однопациональных государствах. Подобного совпадения нет в многонациональных государствах, например в СССР, так как такие государства обычно представляют собой единые хозяйственные организмы, разделение труда внутри которых идет к тому же не по национальной принадлежности людей, а главным образом по их профессиям¹⁰. Именно межнациональная экономическая общность, экономические связи между людьми различной этнической принадлежности создают, как будет показано ниже, важнейшую основу развития этнических контактов и связанных с ними этнических процессов в СССР.

* * *

Несмотря на довольно широкое развитие исследований по этническим процессам, сущность этих процессов и их основные типы в нашей литературе освещены пока слабо. Авторы по существу первой обобщающей статьи по этническим процессам в СССР (В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко) ограничились выделением двух основных, по их мнению, направлений этих процессов: «1) Продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей; 2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны на базе развития их братского сотрудничества и дружественных интернациональных связей в области экономики, культуры и духовной жизни — процесс, сопровождающийся созданием общесоветских форм культуры и быта»¹¹. В работах, посвященных исследованию этнических процессов в тех или иных областях СССР и в других странах мира, под

⁷ Н. Н. Чебоксаров пишет даже, что «именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов» (Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 19), однако со столь высокой оценкой культурной специфики трудно согласиться.

⁸ См. А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967.

⁹ А. С. Агаев, Указ. раб., стр. 98.

¹⁰ О неприменимости к советским нациям признака экономической общности каждой нации писал еще Е. М. Жуков в статье «XXII съезд КПСС и задачи советских историков» («Вопросы истории», 1961, № 12). Та же мысль проступает у М. С. Джунусова (Указ. раб.). Подробнее этот вопрос освещен в нашей статье «Некоторые проблемы теории наций».

¹¹ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 10.

ними нередко понимаются любые изменения, происходящие с этническими общностями, в том числе и процессы их общего социально-экономического и культурного развития.

Чуть ли не единственная попытка дать определение сущности этнических процессов сделана И. С. Гурвичем, который понимает под ними «...различные виды взаимодействия этносов, приводящие к изменению старых или возникновению новых этнических образований»¹². Это краткое определение хорошо уже тем, что нацеливает исследователей данных процессов на те районы мира, где идет взаимодействие различных этнических общностей, в первую очередь, на многонациональные страны, так как в однонациональных такие процессы выступают значительно слабее. Вместе с тем оно нуждается в уточнении, так как не учитывает, что этнические процессы могут происходить и внутри народов; кроме того, автор не раскрывает, что имеется в виду под «изменением старых» этнических образований. Ясно, что многие важные социально-экономические процессы, например в СССР — индустриализация, коллективизация и механизация сельского хозяйства, приведшие к изменению многих сторон жизни почти всех народов, не относятся к этническим процессам, хотя и способствовали во многих случаях их развитию.

По нашему мнению, этническими следует именовать прежде всего такие процессы, которые захватывают целые народы или какие-то части их, приводя в конечном итоге к изменению этнической принадлежности людей. Последнее, связанное с изменением самосознания — основного этнического определителя, дает нам критерий, при помощи которого мы можем отделить собственно этнические процессы не только от социально-экономических, но и от процессов, связанных с изменением других элементов этнической общности: языка, территории, материальной и духовной культуры, формы социально-территориальной (государственной) организации и др. Конечно, перечисленные процессы могут влиять на развитие этнических, а в ряде случаев (это касается прежде всего языковых процессов и аккультурации) обычно считаются их составной частью, но в целом они могут рассматриваться и как самостоятельные. Так, создание письменности и литературного языка, нивелировка диалектальных различий и даже распространение двуязычия, как, например, и внедрение новых элементов материальной культуры могут не отразиться на этническом самосознании. Мы уже отмечали, что ни общность языка, ни общность культуры не являются такими признаками этнической общности, которые строго обязательны для всех ее членов, поэтому изменение этих элементов этноса еще не свидетельствует само по себе об изменении этнической (национальной) принадлежности. Все это не умаляет, конечно, значение собственно языковых и культурных изменений и важности изучения их и других изменений специфики этнической общности. Более того, такие изменения специфических элементов этнической общности можно назвать «этническими процессами» в широком смысле этого слова.

Говоря об изменении этнического самосознания как о конечной стадии и важном критерии этнических процессов, отметим, что процесс изменения самосознания очень сложен. Этническое самосознание существует в тесном переплетении и взаимодействии с другими формами общественного сознания, причем установившиеся связи их друг с другом и с породившими их объективными причинами отличаются большой устойчивостью. Поэтому в ходе этнических процессов чувство принадлежности к прежней этнической общности часто не вытесняется полностью новым этническим самосознанием и продолжает какое-то время существовать рядом с ним, образуя своеобразную иерархию этнического самосознания.

¹² И. С. Гурвич, Указ. раб., стр. 63.

Двумя основными типами этнических процессов являются, по нашему мнению, процессы этнического разделения и этнического объединения. Этническое разделение представляет собой процесс, при котором от прежде единой этнической общности отделяется другая общность, или когда первая делится на две или больше частей, каждая из которых становится отдельным самостоятельным народом. Такие процессы были особенно характерны для первобытнообщинной эпохи, приведя к возникновению из нескольких орд гоминид многих тысяч существовавших или существующих ныне народов¹³.

Процессы этнического объединения, распространенные преимущественно в классовых формациях, могут быть, в свою очередь, подразделены на консолидационные и ассимиляционные. Под процессом этнической консолидации нами понимается процесс слияния нескольких самостоятельных народов (иногда и крупных частей народов), обычно родственных по языку и культуре, в единую этническую общность, например восточнославянских племен — вятичей, кривичей, северян и др. — в русский народ. Под ассимиляцией понимается процесс этнического взаимодействия групп населения и отдельных людей, принадлежащих к уже сформировавшимся народам, обычно значительно отличающихся своим происхождением, языком и культурой и имеющих четкое самосознание; в результате такого взаимодействия отдельные группы людей, принадлежащие к одному народу, утрачивают свои особенности в области культуры и быта, усваивают культуру другого народа, воспринимают его язык и перестают считать себя принадлежащими к прежней этнической общности. В отличие от процессов консолидации (и этнического разделения), охватывающих целые этнические общности и приводящие к исчезновению одних и появлению других народов, ассимиляционные процессы, как правило, не затрагивают самого существования участвующих в них народов, хотя и приводят иногда в конце концов к полному поглощению одного народа другим. Различается естественная и насильственная ассимиляция. Естественная ассимиляция возникает при непосредственном контакте народов и их культур и обусловлена всем ходом социально-экономического развития той или иной страны. Насильственная ассимиляция связана с ассимиляторской политикой, т. е. с рядом мероприятий правительства и местных властей (в частности, в области школьного образования и других сферах жизни), при помощи которой стремятся искоренить язык и культуру национальных меньшинств, изменить их этническое самосознание.

Предложенная нами типология не вполне установилась. Это относится прежде всего к процессу этнического разделения, который пока не выделялся в нашей литературе в качестве особого типа этнических процессов. Нельзя не заметить и существующую тенденцию к некоторой схематизации процессов консолидации и ассимиляции, проявляющуюся в очень расширенном и потому расплывчатом понятии консолидации и в недостаточно четком разграничении консолидации и ассимиляции, особенно при изучении этнических процессов в СССР. Сам термин «консолидация» обычно применяется не только в принятом нами значении (слияние нескольких, обычно родственных народов в один), но и для обозначения процесса внутреннего сплочения уже в основном сформировавшихся народов. Так пишут, например, о продолжающемся процессе консолидации русской, украинской и других наций, понимая под этим обычно сглаживание различий между этнографическими группами этих наций и упрочение общенационального самосознания. Такое употребление термина «консолидация», по нашему мнению, вполне правомерно в тех случаях, когда речь идет о группах, ведущих свое проис-

¹³ Эти вопросы более подробно освещены в нашей статье «Типы этнических процессов и особенности их исторического развития», «Вопросы истории», 1968, № 9.

хождение от некогда по существу самостоятельных этнических общностей.

В некоторых работах проступает тенденция рассматривать ассимиляцию как часть консолидации. Так, в упомянутой выше статье В. К. Гарданова, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко термину «консолидация» придано расширенное значение, охватывающее и процесс поглощения тем или иным народом групп населения инонационального происхождения, т. е. в нашем понимании — процесс ассимиляции. Стремление охватить термином «консолидация» все основные виды этнических процессов в СССР сохранилось и в последующие годы. Например, этническое взаимодействие тюркоязычных туркмен с попавшими в их среду этнически инородными ираноязычными курдами — процесс, который в недалеком будущем окончится, по-видимому, окончательной ассимиляцией этих курдов, представляется как процесс «слияния», являющийся одним из «важных этапов в процессе консолидации туркменской нации»¹⁴; национальная консолидация социалистических наций Средней Азии представляется как исчезновение не только этнографических групп внутри каждой нации, но и обособленных, живущих в окружении данной нации инонациональных малочисленных народностей (например, поглощение узбеками групп среднеазиатских арабов)¹⁵. Та же тенденция проступает и у И. С. Гурвича, который рассматривает ассимиляцию национальных меньшинств как составную часть процессов консолидации¹⁶.

Конечно, в ряде случаев процессы ассимиляции близки к процессам консолидации, особенно если в процессе консолидации участвует один значительно более крупный и развитый народ и несколько мелких народов, причем название первого переносится на всю консолидирующуюся группу. В некоторых случаях, например при изучении процесса слияния якутов и долган, исследователю действительно трудно решить, является ли рассматриваемый процесс процессом ассимиляции или он представляет собой процесс консолидации. Однако в подавляющем большинстве случаев различия между этими видами процессов выступают весьма четко. И, конечно, поглощение русскими, например, отдельных групп карел и мордвы или поглощение украинцами отдельных групп евреев является не процессом «консолидации» русской и украинской наций, а процессом ассимиляции ими данных инонациональных групп. Что же касается термина «сближение», то он указывает лишь на наличие этнических процессов и их направление, но не вскрывает особенностей их содержания. Кроме того, вряд ли можно говорить, например, о «слиянии» туркмен и курдов, если их языки не сливаются и не могут сливаться, если в действительности туркмены продолжают оставаться туркменами, а курды перестают быть курдами. Вряд ли уместно применять для обозначения того же процесса и термин «консолидация», если им тут же обозначается процесс сближения этнографических групп одного и того же народа — групп, которые имеют общий язык, сходные элементы культуры и быта, представление об общности происхождения и исторических судеб. Необходимость разграничить эти качественно различные виды процессов представляется достаточно очевидной.

Авторы работ, касающихся этнических процессов в СССР, обычно подчеркивают процесс сближения всех народов в пределах страны с возможным предварительным или одновременным сближением их внутри крупных историко-географических областей: Средней Азии, Прибалтики и др. Подобные процессы, наблюдаемые и в других многонациональных странах, например в Индии, Югославии и др., являются по своей

¹⁴ Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории южной Туркмении, «Сов. этнография», 1964, № 5.

¹⁵ Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6.

¹⁶ И. С. Гурвич, Указ. раб.

сущности скорее политико-этническими, так как они связаны с ослаблением прежних этнических связей в пользу внутрисоюзных связей. Не так давно Т. А. Жданко, характеризуя наиболее распространенные виды этнических процессов в СССР, отмечала «усиление смешения населения разных национальностей... в быстроразвивающихся своей экономике и культуру республиках Советского Союза, с ростом подвижности населения, межнациональных связей». Это усиление характеризуется «...в частности, ростом числа смешанных браков, что... свидетельствует о ломке былых религиозных, бытовых национальных предрассудков. Рост межнациональных связей в многонациональных городах и сельских областях сильно отражается также на языке, материальной и духовной культуре, на всем облике населения, приобретающего все больше черт интернационализма»¹⁷. В данном случае, как ясно из изложенного, речь также идет по существу о процессах ослабления этнического фактора в жизни населения СССР. Возможно, что в дальнейшем эти процессы интеграции приведут к появлению групп населения, которые будут считать свою «национальную принадлежность» «общесоветской» или просто «советской».

* * *

Этнические процессы в нашей стране, будь то процессы консолидации или более распространенные в настоящее время процессы ассимиляции, являются результатом различных контактов между народами или, точнее, между группами людей, принадлежащих к тем или иным народам. Развитие таких этнических контактов, обусловленное сложным влиянием социально-экономических, социально-культурных и психологических факторов, в разных районах страны и в разное время имело свои особенности. Сами этнические процессы отличаются большой длительностью, изменение такого стойкого элемента, как этническое самосознание, происходит, как правило, лишь во втором и последующих поколениях контактирующих групп. Выделить в этих условиях определенные стадии и стороны этнических процессов не так-то легко. Особенно это относится к процессу консолидации, при котором взаимодействуют близкородственные этнические общности, изменение культуры, языка и самосознания членов которых обычно проходит гамму малозаметных ступеней. Поэтому ниже мы ограничимся главным образом характеристикой этнических контактов между заметно отличающимися в национальном отношении группами людей, приводящими в конечном итоге к процессам ассимиляции. Одной из важнейших начальных стадий и одновременно сторон этнических контактов является приспособление групп участвующих в них людей друг к другу с целью взаимного сосуществования и взаимодействия в экономической и социальной сфере. Этот период общения, получивший в зарубежной литературе название «адаптации», обычно сопровождается принятием по крайней мере одной из контактирующих групп второго языка и некоторых норм поведения, но еще не затрагивает основ культуры и быта. Другой стадией, или стороной этнических контактов, является изменение элементов материальной и духовной культуры и связанных с ними этнических особенностей быта; в зарубежной литературе она известна под названием «аккультурации», этот термин может быть, очевидно, применен и при анализе этнических контактов в СССР.

Весьма важной стадией и стороной этнических контактов являются языковые изменения, выражающиеся, в частности, в появлении двуязычия и многоязычия, путем усвоения нового языка в школе, на производстве, в быту и т. д. Такие изменения могут завершиться языковой асси-

¹⁷ Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 20.

миллицией одной из контактирующих групп, причем перемена языка, в отличие от изменения некоторых элементов культуры (например, пищи), является необходимым условием для завершения этнической ассимиляции. Заметим, что полная языковая ассимиляция предполагает не только переход на другой язык, но и употребление его с диалектальными особенностями речи окружающих. Роль языка в этническом самоопределении и обусловленное этим место языковых изменений в этнических процессах могут варьировать в широких пределах: от весьма заметного, например при контактах русских с эстонцами, до малозаметных, например при контактах татар с башкирами¹⁸. Весьма показателен в этом отношении пример евреев, большинство которых уже давно перешло на русский, украинский и другие языки, сохранив, однако, этническую принадлежность. Тем не менее выявленные переписями населения СССР случаи несовпадения языковой и национальной принадлежности свидетельствуют, как отмечал еще П. И. Кушнер, о неустойчивости этнического быта данных групп населения, об уже довольно далеко зашедших этнических процессах¹⁹; во многих случаях подобные статистические данные могут быть использованы для количественной характеристики таких процессов.

Важной стороной и одновременно одним из мощных рычагов развития этнических процессов являются смешанные в национальном отношении браки. Переводя этнические отношения в сферу семейных отношений, такие браки обычно способствуют сближению между народами; поэтому участие их может свидетельствовать, например, о развернувшемся процессе консолидации²⁰. При этнических контактах инонациональных групп смешанные браки ломают прежний этнический быт по крайней мере одного из супругов, ведут к взаимопроникновению языка и культуры, подготавливая почву для процесса ассимиляции. Эти процессы редко кончаются ассимиляцией одного из супругов, но вполне сказываются уже во втором поколении: совершеннолетние дети, выбирая между национальностью отца и матери (что регламентировано правилами паспортной системы), обычно предпочитают какую-то одну из них, прерывая тем самым этническую линию второго родителя. Предпочтение в большинстве случаев отдается этнической принадлежности отца; отступление от этой традиции обычно связано с более высоким социально-культурным статусом матери или с нахождением всей семьи в ее коренной этнической среде.

Из числа факторов развития этнических контактов назовем прежде всего особенности территориального размещения взаимодействующих групп. Они могут быть сведены к двум основным случаям: случаю пограничного контакта, связанного со взаимодействием этнических общностей в полосе этнической границы²¹, и сквозного контакта, когда по

¹⁸ Нельзя не отметить в этой связи по меньшей мере спорную попытку М. М. Ихилова полностью разорвать связь языка и этноса, представить наблюдаемое в Дагестане распространение русского языка среди местных народов как процесс их консолидации в особую дагестанскую нацию, оставляющую вне себя живущих в Дагестане и являющиеся проводниками этого языка многочисленные группы русского населения (М. М. Ихилов, К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана, «Сов. этнография», 1965, № 6). По нашему мнению, пока правильнее было бы говорить лишь о процессе языковой ассимиляции, начавшейся среди коренных народов Дагестана.

¹⁹ П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, М., 1951.

²⁰ Так, Ш. Анаклычев, отмечая, что в 1930-х годах начались смешанные браки между туркменами, принадлежавшими к различным племенным группам (теке, иомуды и др.), связывает это с развернувшимся процессом консолидации туркменской нации, в результате которого племенное самосознание стало отступать на второй план (Ш. Анаклычев, Роль промышленных центров в процессе сближения национальностей (на примере Туркменской ССР), «Сов. этнография», 1964, № 6).

²¹ Типы этнических границ, определяемые близостью языков и культур, а также другими факторами, подробно рассмотрены в указанной работе П. И. Кушнера (Кнышева).

крайней мере одна из контактирующих групп территориально рассредоточена внутри другой. Примером первого из этих случаев может служить этническое взаимодействие грузин и азербайджанцев, примером второго — взаимодействие русских и мордвы. Широта развития этнических процессов во многом определяется площадью соприкосновения контактирующих групп и степенью территориального рассредоточения той или иной группы. Очень важно — живут ли контактирующие группы в пределах одного и того же населенного пункта (и занимают ли они в нем отдельные кварталы или полностью перемешаны в пределах улиц и даже отдельных домов) или живут в пределах различных, хотя и соседних, населенных пунктов. Целесообразно выделить также сельский и городской типы расселения, связанные, прежде всего, с видами хозяйственной деятельности контактирующих групп. В сельской местности этнические процессы протекают значительно медленнее, чем в городах, что отчасти связано с большей консервативностью жизни сельского населения, его сравнительно слабыми связями с окружающей средой и т. д. Города — основные очаги этнических процессов — обычно отличаются более пестрым этническим составом от окружающего их сельского населения²². В них чаще случаются национально смешанные браки и более сильны процессы языковой и этнической ассимиляции. Следует отметить в этой связи повышенный процент русских во многих городах союзных и автономных республик РСФСР по отношению к их доле среди сельского населения, что связано с исторически сложившимися особенностями занятий русского населения в этих частях страны.

Количественный фактор — абсолютная численность контактирующих групп и соотношение между ними — частично учитывается уже при анализе особенностей территориального размещения; совершенно ясно, что при сквозных контактах распыленный тип расселения одной из групп означает обычно, что во всех районах своего обитания она составляет меньшинство населения. При прочих равных условиях малочисленная этническая общность имеет меньшую возможность для самостоятельного существования, для социально-экономического и культурного развития, соответствующего уровню развития окружающих ее крупных народов. Это предопределяет необходимость ее постоянных контактов с такими народами, возможным исходом которых является ее ассимиляция.

Большое значение имеют особенности поло-возрастной структуры контактирующих групп. Это относится главным образом к группам мигрантов, оторвавшимся от своей этнической базы и переселившимся в инонациональную среду по новому месту работы или в связи с учебой, военной службой и т. д. Повышенной миграционной подвижностью отличаются, как правило, мужчины молодого возраста; оседая на новом месте, они нередко вступают в смешанные браки, результатом которых может быть полное этническое поглощение мигрантов окружающей их средой. Считается, что основными носителями этнических традиций являются женщины, но бывают и исключения; имеющиеся материалы показывают, например, что языковая ассимиляция у женщин в некоторых случаях более значительна, чем у мужчин.

Значение социально-экономического положения контактирующих групп, в первую очередь их хозяйственной деятельности, частично учитывалось уже выше, при характеристике особенностей расселения, которые определяются этой деятельностью. Отметим, кроме того, что сходство хозяйственной деятельности контактирующих народов сочетается с общностью многих элементов их материальной, а иногда и ду-

²² Еще В. И. Ленин, рассматривая национальный вопрос в России, подчеркивал, что «...города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. отличаются наиболее пестрым национальным составом населения» (В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 33).

ховной культуры, облегчая взаимопонимание этих народов и сближение отдельных групп их. Многие стороны этого вопроса изучены еще недостаточно, но очевидно, что сохранение внутри этнических общностей четкой хозяйственной специализации ее отдельных частей может свидетельствовать о незавершенности процесса консолидации; это подтверждается и тем, что такие этнохозяйственные группы иногда имеют особое самосознание и самоназвание, играющее роль этнонима (например, кочевые коряки, занятые оленеводством — «чавчыв», береговые оседлые коряки, занятые охотой на морского зверя — «нымыллан» и т. п.). Завершающий этап консолидации ряда народов Средней Азии, сложившихся из этнохозяйственных групп скотоводов и земледельцев, был связан с социально-экономическим развитием, сопровождавшимся возникновением новых классово-профессиональных группировок, пересекавших этническую общность во всех направлениях. Почти не исследован вопрос о влиянии занятий на развитие процессов ассимиляции, хотя некоторые факты достаточно очевидны: крестьяне подвергаются ассимиляции явно меньше, чем рабочие, а, например, гуманитарная интеллигенция — меньше, чем техническая.

Особое значение при исследовании этнических контактов имеет учет фактора языка и культуры, изменение которых составляет важную часть и стадию этнических процессов. Как уже отмечалось, большая близость языка и сходство культуры контактирующих групп являются важным условием развития процесса консолидации. Что же касается ассимиляции, то такая близость обычно сильно облегчает ее начальные стадии и сравнительно слабо сказывается на завершающих. Весьма существенное влияние оказывает близость языка и культуры на смешанные браки; по существу она не уступает в этом отношении фактору территориального смещения народов, избавляющего того или иного супруга от болезненного разрыва с родной этнической средой. Следует отметить и видную роль в этом отношении религиозного фактора, так как многие религиозные установки в результате их длительного использования предшествующими поколениями превратились в своего рода традиции и как таковые продолжают бытовать и при росте атеизма. Достаточно показателен, в частности, тот факт, что у народов с пережитками исламских верований (например, у коренных жителей Средней Азии) до сих пор сохраняется предубеждение против выдачи своих девушек в жены «иноверцам».

Решение национального вопроса за годы Советской власти, ликвидация национального гнета и неравноправия, проведение в жизнь ленинской политики дружбы народов, совместный труд народов в деле построения коммунизма, совместное участие в разгроме гитлеровской Германии и т. д. подорвали корни былой национальной розни. Наивно было бы, однако, не замечать пережиточное существование определенных этнических симпатий и антипатий, обусловленных особенностями прошлой истории, а также сходством или различием языка, культуры, религии и других элементов, связанных с этническим самосознанием; нельзя не сказать и о пережитках бытового национализма, так как все эти социально-психологические факторы играют немаловажную роль в развитии этнических контактов и связанных с ними этнических процессов.

* * *

Остановливаясь в заключение на вопросах типологизации этнических общностей, отметим, что до последнего времени все народы СССР было принято подразделять на «нации» и «народности». Следует отметить также, что некоторые важные проблемы типологии этнических общностей (как показала и прошедшая дискуссия вокруг понятия «на-

ция») разработаны пока довольно слабо. К числу их относится, прежде всего, проблема определения понятия «народности» и установление признаков, которые дают возможность отделить народность от нации. Ссылка на известное положение, что народность как тип этнической общности характерна для рабовладельческой и феодальной формаций, в отношении социалистических народностей, конечно, неуместна. Мало помогает и часто применяющийся тезис, будто бы для народности характерен особый — «территориальный» тип этнических связей людей внутри народности, качественно отличающий ее как от племени с его «кровнородственными связями», так и от нации с ее «экономическими» связями. Территория служит материальной базой для развития всевозможных, в том числе экономических связей, но собственно территориальных связей, кроме разве соседских внутри небольших общин, не существует. Экономические связи, как уже отмечалось выше, свойственны вообще не этнической, а государственной общности, но там, где они существовали или существуют, будь то Древний Рим или современная Италия, они имеют, конечно, территориальный, а не экстерриториальный характер. Показательно, что некоторые исследователи считают, что народности присущи те же (хотя и менее «развитые») признаки, что и нации²³, т. е. по существу признают, что между ними нет качественной грани.

На практике при анализе этнической ситуации в СССР исследователи обычно прибегают к упрощенному приему, относя, например, к народностям все те этнические общности, которые не имеют своих союзных или автономных республик. Преобразование народности в нацию в таком случае естественно связывается главным образом с административными актами, хотя такие акты, за которыми обычно стоят социально-экономические преобразования, могут, конечно, повлиять на развитие этнических процессов.

Этническая классификация типа «племя» — «народность» — «нация», построенная по принципу стадийного развития, не является единственно возможной. Более того, для исследования этнических процессов лучше подходит классификация, показывающая факторы их развития. Так, сочетание количественной характеристики народов с особенностями их расселения дает возможность создания типологического ряда, который, будучи основан на этих признаках, отражает возможность и скорость развития этнических процессов, прежде всего — процессов ассимиляции. В качестве дополнительного элемента классификации уместно ввести соотношение этнической территории с территорией соответствующего ей национального административно-территориального образования; эти территории могут совпадать, например у удмуртов и чукчей, и явно не совпадать, например у эвенков и татар. Следует учитывать также число людей данной национальности, живущих за пределами своей республики, степень их территориального разобщения и форму смещения с другими народами как в городах (дисперсное расселение, расселение по улицам и кварталам, расселение по районам города и т. д.), так и в сельской местности (дисперсное расселение в селениях, уличное и квартальное расселение в селениях, отдельные селения и группы селений, сравнительно однородные в этническом отношении и т. п.). Большое значение имеет тип заселения территории: сплошной, связанный с земледелием, и рассеянно-текущий, связанный с кочевым скотоводством и охотой. Охотники-оленоводы эвенки, разбросанные небольшими группами на огромных пространствах таежной и лесотундровой Сибири и Дальнего Востока, имеют примерно такую же численность, как земледельцы и животноводы черкесы, заселяющие сравнительно компактно один из районов предгорий Северного Кавказа, и хотя эвенки тоже сохраняют

²³ См., например, Т. А. Жданко, Указ. раб.

относительную целостность этнической территории, однако место этих народов в типологическом ряду, а также и происходящие с ними этнические процессы, сильно различаются.

Такой типологический ряд, составленный для изучения процессов этнической ассимиляции и интеграции основных народов СССР, может быть использован и применительно к группам населения, которые обычно выпадают из классификации типа «народности»—«нации», в частности, и для групп так называемых национальных меньшинств, принадлежащих к народам, находящимся главным образом в других странах (поляки, немцы и др.). По нашему мнению, этот типологический ряд должен начинаться с русских — крупнейшего народа страны, компактно заселяющего значительную часть ее территории и составляющего видную часть населения большинства автономных и союзных республик, а также крупных народов с компактной этнической территорией, составляющих подавляющее большинство населения в городах и селениях своей республики (украинцы, белорусы, грузины и др.) и завершаться малыми территориально разбросанными этническими общностями, живущими в сильном смешении с другими народами, как правило, на положении национальных меньшинств (юкагиры, кеты, ительмены и др.), и, наконец, этносами, не имеющими своей этнической территории и разбросанными мелкими группами по территории страны (евреи, цыгане, ассирийцы и др.).

Подобная типологизация может быть проведена и по другим многонациональным странам мира.

SUMMARY

The author briefly touches upon the concept of ethnic community and its various types (mainly in connection with the current discussion on the theory of nations); he then defines the essence of ethnic processes, stressing in particular the role of changing ethnic consciousness, and the essence of such particular processes as assimilation and consolidation. The article examines the main factors influencing ethnic processes: territorial mixing of ethnic groups, their linguistic and cultural similarity, joint economic activity, mixed marriages etc.

П. И. Пучков

НАУРУ — НОВОЕ НЕЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО ОКЕАНИИ

31 января 1968 г. после продолжительной борьбы добился независимости небольшой остров в Тихом океане — Науру, населенный одним из океанийских народов — микронезийцами-науруанцами.

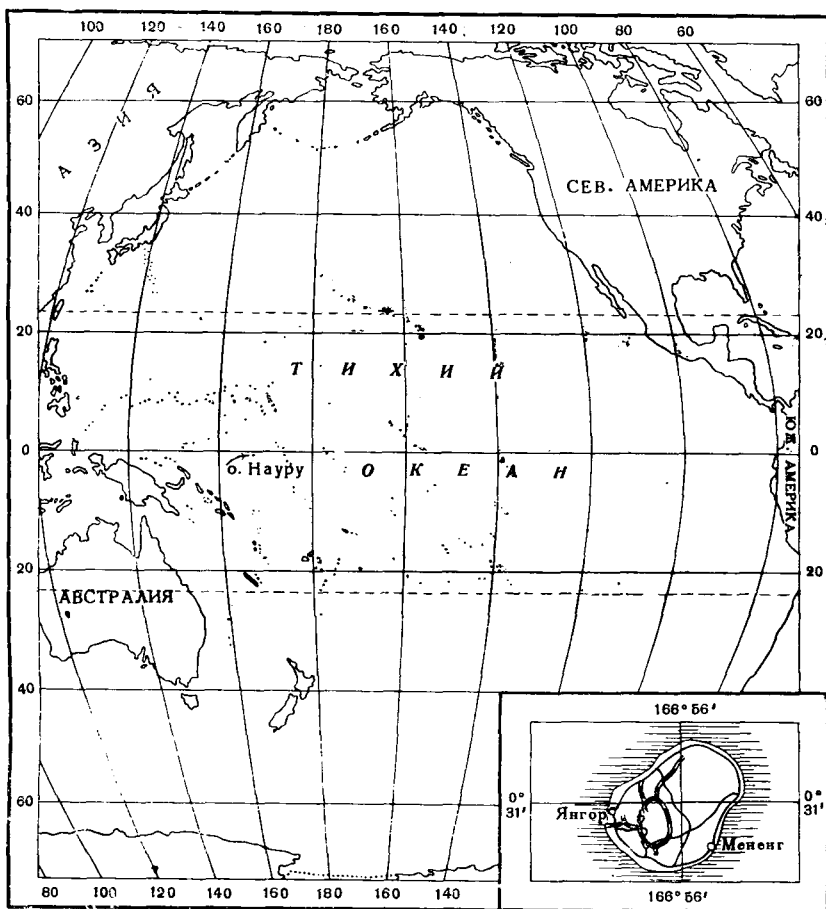
Масштабы нового государства миниатюрны. Это одна из самых малых стран мира. По площади (21 км²) Науру занимает среди всех государств мира третье место с конца, меньшую территорию имеют только Ватикан и Монако; по населению эта страна (6 тыс. человек) превосходит один лишь Ватикан. А такое государство-карлик, как Андорра, превышает Науру по площади в 21 раз.

Однако, несмотря на такие крохотные размеры страны, провозглашение ею независимости не следует считать какой-то причудой истории или игрой в политику «честолюбивых» науруанских руководителей. Обретение независимости Науру было подготовлено всей логикой развития этой страны, всей специфичной и в то же время тяжелой историей науруанского народа.

Остров Науру был открыт в конце XVIII в. малоизвестным английским мореходом Дж. Фирном¹. В те времена вновь открытая территория не привлекла сколько-нибудь значительного внимания со стороны европейских держав. Действительно, природные условия острова, на первый взгляд, не сулили европейцам ничего хорошего. Науру представляет собой коралловый атолл, приподнятый на несколько десятков метров над уровнем океана движениями земной коры. Почвенный покров острова маломощен и ограничивает возможности развития на нем плантационного хозяйства. Затруднена и связь острова с внешним миром, так как весь он опоясан барьерным рифом. Климатические условия на Науру также малоблагоприятны для европейцев: находясь в области экваториального климата, остров имеет среднегодовую температуру 28°, причем температура варьируется по месяцам очень незначительно. И, наконец, самая неприятная физико-географическая особенность Науру — это полное отсутствие рек и ручьев, связанное с пористостью формирующих остров пород. Понятно, что отсутствие гидрографической сети создает очень большие трудности в снабжении проживающих на острове людей питьевой водой.

Итак, все эти «неудобства» предопределили то, что Науру еще на несколько десятилетий был предоставлен самому себе. А жизнь на острове шла своим чередом. В те годы аборигены Науру, как и обита-

¹ H. V. Clarke, The Territory of Nauru, «Australian Territories», 1962, vol. 2, No. 4, p. 14.

Остров Науру и его географическое положение

тели многих других островов Океании, находились в стадии разложения первобытнообщинного строя. Население острова подразделялось на 12 матрилинейных экзогамных кланов, однако они не были равноправными: существовала определенная их иерархия. Среди островитян наблюдалось имущественное неравенство, из числа рядовых общинников стала постепенно выделяться родо-племенная знать². Эта прослойка сосредоточивала в своих руках все большие материальные ценности. Соперничество между сильнейшими вождями и стремление захватить чужие богатства привели к междоусобной борьбе на Науру.

Постепенно на остров начали проникать европейцы. Правда, их было немного. Среди первых европейцев преобладали дезертиры с проходивших мимо Науру китобойных судов и беглые каторжники из ссыльной колонии Нового Южного Уэльса — острова Норфолк. Большинство беглецов обзаводилось на Науру семьями и оставалось там навсегда. Со временем на острове стали появляться и европейские торговцы. Они развернули бойкую торговлю огнестрельным оружием, которое имело большой спрос у соперничавших вождей. Если раньше аборигены в своих междоусобных схватках использовали копья и палицы, то теперь в ход пошли ружья, что вызвало большое кровопролитие.

² «Nauru: a treasure island of the Pacific», «The Geographical Review», 1921, vol. XI, No. 3, p. 446.

Однако вскоре борьба приняла такой острый характер, что сами торговцы, которые фактически были лично повинны в ее обострении, стали уже терпеть от нее всевозможные неудобства. Торговцы начали искать покровительства со стороны какой-нибудь европейской державы. Германия воспользовалась этим предложением и в 1888 г. аннексировала Науру³. Остров стал частью немецкого протектората Маршалловых островов.

Однако и после аннексии Науру в течение некоторого времени оставался в стороне от происходивших в мире событий и продолжал жить своей уединенной жизнью. Аннексия на первых порах носила скорее формальный характер. Положение резко изменилось лишь после того, как на острове были совершенно случайно обнаружены фосфориты.

В 1897 г. один из членов команды «Арчера» — старенького суденышка, бороздившего воды Тихого океана, сойдя на берег на острове Науру, увидел странно выглядевший камень. Он подобрал его и отвез в Сидней, где этот обломок в течение трех лет пролежал без всякого внимания — в одной из сиднейских лабораторий им подпирали дверь, которую нужно было держать открытой. Однажды этот «странный» камень заметил пришедший по делу в лабораторию сотрудник Компании островов Тихого океана, занимавшейся разработкой гуано и торговлей копррой. Обломок был подвергнут химическому анализу в лаборатории и оказался фосфоритом самого высокого качества⁴.

С 1906 г. Тихоокеанская фосфатная компания (как стала именоваться Компания островов Тихого океана) начала эксплуатировать месторождение фосфоритов, что оказало огромное влияние на всю жизнь Науру. Старый ритм был нарушен. Рядом с прежними общинными устоями постепенно все более утверждались новые экономические порядки.

Запасы фосфоритов оказались немалыми (впоследствии выяснилось, что суммарная величина их не менее 100 млн. тонн), и очень быстро добыча этого важного минерального сырья оттеснила на задний план прежние отрасли хозяйства — тропическое земледелие и рыболовство. И хотя вплоть до настоящего времени возделывание сельскохозяйственных культур (кокосовой пальмы, папайи, манго, бананов, ананасов, батата и т. д.) и лов рыбы играют немаловажную роль в жизни аборигенов, в общей экономике острова значение этих занятий невелико.

Дальнейшая история острова развивалась драматично. Во время первой мировой войны Науру как периферийное немецкое владение в Океании оказался на «линии фронта» и был вскоре оккупирован австралийскими войсками. По окончании войны остров наряду с другими колониями Германии был передан победителям в качестве военного трофея. Причем, если другие немецкие колонии были полюбовно поделены между державами, воевавшими с Германией, то маленький остров, буквально начиненный фосфоритами (месторождения их занимают около четверти всей площади Науру), оказался настолько заманчивым, что на него предъявили претензии сразу три страны — Австралия, Новая Зеландия и Великобритания, которые и стали совместно управлять «мандатной территорией Науру».

Правда, роль фактического администратора была возложена странами-мандатариями на Австралию. Что же касается месторождений фосфоритов, то они были выкуплены у владевшей ими частной компании и стали общей собственностью трех хозяев острова⁵.

Еще более суровым испытанием обернулась для острова вторая мировая война. Уже в 1940 г. к Науру подошел немецкий корабль и под-

³ G. A. Pittman, Nauru. The phosphate island, Melbourne, 1959, p. 8.

⁴ «Pacific Islands Year Book and Who's Who», 9th ed., Sydney, 1963, p. 200.

⁵ Добываемые фосфориты было решено распределять между тремя странами следующим образом: 42% получала Австралия, столько же Великобритания и 16% — Новая Зеландия.

верг совершенно незащищенный остров варварской бомбардировке, которая принесла большие разрушения и унесла много жизней. После нападения Японии на Пирл-Харбор остров стал подвергаться регулярным налетам японских военно-воздушных сил, а в конце августа 1942 г. японские войска высадились на остров и заняли его фактически без всякого сопротивления. Оккупанты установили на острове Науру режим жестокого террора. Несколько жителей острова было обезглавлено по подозрению в шпионаже, а 39 островитян, больных проказой, были вывезены в открытое море на имеющей течь лодке и утоплены. Кроме того, японские милитаристы выслали 1200 науруанцев на остров Трук (Каролинские острова), где свыше трети высланных умерло голодной смертью.

Окончание войны фактически привело к восстановлению на острове порядков, существовавших в предвоенный период. Правда, вывеска была сменена, и с ноября 1947 г. Науру стало официально именоваться не мандатной территорией, а территорией подопечной. Однако больших изменений это не принесло. Остался на острове и прежний трехликий хозяин: Австралия, Новая Зеландия, Великобритания. Для виду был создан Совет местного управления в составе 9 науруанцев, однако орган этот фактически не имел никакой власти и выполнял лишь совещательные функции. Не намного большей властью пользовался и Законодательный совет, созданный в январе 1965 г. и включавший в свой состав 9 избираемых членов, 5 назначаемых «официальных» членов (т. е. попросту чиновников), а также австралийского администратора⁶. Подлинным же хозяином острова продолжал оставаться последний, так как все «указы» Законодательного совета могли издаваться только с его согласия.

Все же указанные органы сыграли определенную роль в борьбе науруанского народа за независимость. Так, Совет местного управления со всей остротой поставил перед австралийской администрацией вопрос о будущем острова, так как хищническое разбазаривание его фосфоритных месторождений (в настоящее время ежегодно добывается около 2 млн. тонн фосфоритов) привело к уничтожению большей части удобных для возделывания площадей. В ответ на требования науруанцев подумать о будущем их страны австралийские власти выдвинули целую серию планов переселения островитян на другие острова. В качестве мест нового поселения науруанцев предлагались небольшие острова поблизости от Новой Гвинеи (Вудларк и др.), некоторые из Соломоновых островов, острова в группе Фиджи, поблизости от австралийского побережья и т. д. Однако все эти планы, как справедливо указали науруанские лидеры, не сулили ничего хорошего науруанскому народу и фактически угрожали ему полным исчезновением⁷. Это подтвердили и переговоры, которые науруанцы начали вести с австралийской администрацией: последняя потребовала от островитян в случае их переселения на один из островов, принадлежащих Австралии, полного отказа от какой бы то ни было самостоятельности. Увидев истинные намерения австралийского правительства, науруанская делегация была вынуждена прервать переговоры и ее руководитель Хаммер де Робурт смело заявил представителям «опекающей» державы: «Вы обошлись с нами по-хулигански, и об этом теперь будет знать весь мир».

Некоторые островитяне еще до начала переговоров высказывали мнение, что решение волновавшей их проблемы следует искать не в переселении с Науру на какой-то другой остров, а в восстановлении поч-

⁶ «Nauruans want to go it alone in two years», «Pacific Island Monthly», 1966, vol. 37, No. 2, p. 16.

⁷ «Nauruans «won't accept» resettlement offer», «Pacific Islands Monthly», 1962, vol. XXXII, No. 7, p. 138.

венного покрова родного острова⁸. После неудачных переговоров с Австралией такая точка зрения стала приобретать все большее число сторонников.

Помимо вопроса о переселении науруанцев глубоко волновала еще одна проблема. Жители острова в течение нескольких десятилетий вынуждены были мириться с тем, что их бессовестно обкрадывала компания «Бритиш фосфат комишионерс», в руках которой была сосредоточена добыча фосфоритов. Эта компания отчисляла местным властям лишь 2 доллара за каждую добытую тонну, в то время как обогащенный фосфат продавался на мировом рынке по цене 40 долларов за тонну.

После всего сказанного не приходится удивляться, что среди науруанцев с каждым годом усиливалось недовольство существующими на острове порядками и на Науру развернулось движение за предоставление острову полной независимости и возвращение в руки аборигенов месторождений фосфоритов. Например, Законодательный совет на своем первом же заседании принял решение о назначении комитета, которому было поручено изыскание средств, с помощью которых науруанский народ смог бы добиться независимости к 1968 г. Характерно, что 5 «официальных» членов Законодательного совета голосовали против этого решения⁹. Борьба островитян была поддержана прогрессивными кругами во многих странах мира, в том числе и в самой Австралии. В декабре 1965 г. и декабре 1966 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций на своих пленарных заседаниях дважды принимала резолюции, рекомендуя государствам-опекунам предоставить Науру независимость не позже 31 января 1968 г.¹⁰ В такой обстановке австралийскому правительству пришлось отступить: оно вынуждено было дать науруанцам обещание предоставить их стране полную и безоговорочную независимость¹¹. Правда, во время переговоров, которые проходили в августе, сентябре и октябре 1967 г., Австралия все еще пыталась под видом «Договора о дружбе» навязать Науру свою «помощь» в деле установления «закона и порядка». В защиту такого договора выступил член Законодательного совета В. Эозо, всячески стремившийся сохранить зависимость Науру от Австралии. Однако большинство науруанцев отвергли подобную затею¹². Хаммер де Робурт заявил, что островитяне сами справятся с обстановкой в своей стране.

Еще ранее, в июне, государствам-опекунам пришлось согласиться на передачу к 1970 г. добычи фосфоритов в руки самих островитян.

Все же «опекающим» государствам удалось выторговать для себя 20 млн. долларов, которые науруанцам придется выплачивать в течение трех лет¹³.

В начале января 1968 г. было создано Конституционное собрание, в состав которого вошли 9 выборных членов Законодательного совета, а также 27 дополнительно избранных делегатов. 29 января это собрание приняло конституцию Науру, согласно которой остров становил-

⁸ L. D o w o n g, Nauru need rehabilitation, not resettlement, «Pacific Islands Monthly», 1962, vol. XXXII, No. 10, p. 47, 49.

⁹ «Independence move by Nauruans», «Pacific Islands Monthly», 1966, vol. 37, No. 3, p. 15.

¹⁰ «Everybody's in the act», «Pacific Islands Monthly», 1966, vol. 37, No. 1, p. 11; S. I n d e r, And independence is just what the Nauruans want, «Pacific Islands Monthly», 1967, vol. 38, No. 1, p. 11.

¹¹ «It's all over bar the shouting for the republicans of Nauru», «Pacific Islands Monthly», vol. 38, No. 11, p. 18.

¹² «All stops out to launch the new state of Euphoria», «Pacific Islands Monthly», 1967, vol. 38, No. 12, p. 24.

¹³ S. I n d e r, How the head chief (and friends) won the day, «Pacific Islands Monthly», 1967, vol. 38, No. 7, p. 23.

ся суверенным и независимым государством. В стране устанавливалась республиканская форма правления. По конституции законодательная власть должна осуществляться Законодательной ассамблеей, исполнительная — Государственным советом.

Через два дня после принятия конституции, 31 января 1968 г., среди бескрайних просторов Тихого океана взвилось голубое полотнище, пересеченное посредине поперечной золотой полосой и с белой двенадцатиконечной звездой в углу, — флаг самой маленькой республики мира¹⁴. Правительство (Государственный совет) республики возглавил видный науруанский лидер, упорно отстаивавший право островитян на независимость, — Хаммер де Робурт.

Несмотря на небольшие размеры нового государства, этнический состав его населения неоднороден. По предварительным данным переписи 1966 г., из 6048 человек населения Науру на коренных жителей — науруанцев — приходилось лишь около половины населения — 2921 человек. Кроме того, на острове живут «другие островитяне» (1532 человека), китайцы (1167) и европейцы (428)¹⁵.

Как уже отмечалось, на Науру в момент открытия его европейцами жило несколько отдельных кланов. Однако в настоящее время аборигенное население достаточно этнически консолидированно и, бесспорно, представляет собой единый народ. На последнем этапе науруанской истории важным фактором этнического сплочения островитян было широко развернувшееся национально-освободительное движение. В процессе его все науруанцы осознали себя единым целым, имеющим общие интересы в борьбе за освобождение своей родины.

По своему антропологическому типу науруанцы относятся к микронезийской расе — одной из контактных рас, представленных в Океании. Как и прочие микронезийцы, жители Науру по своему расовому облику занимают промежуточное положение между полинезийцами и меланезийцами (в целом науруанцы несколько ближе к первым, чем к последним).

Раньше все аборигены Науру занимались либо возделыванием различных тропических культур (прежде всего кокосовой пальмы), либо рыболовством. Однако в последние десятилетия в связи с разработкой фосфатных месторождений многие из островитян стали работать в добывающей промышленности.

Что касается быта и культуры науруанского народа, то в настоящее время — это причудливое переплетение традиционных и европейских элементов. С одной стороны, хижины из пальмовых листьев, специфическая домашняя утварь, выразительные микронезийские танцы, с другой стороны — европейская одежда, мотоциклы и велосипеды, современная западноевропейская музыка. Общественные отношения аборигенов все еще сохраняют ряд элементов прежней социальной организации. Местные вожди все еще пользуются большим авторитетом в науруанском обществе. Однако иноземное влияние внесло существенные изменения в общественный быт народа Науру.

Науруанский язык родственен другим микронезийским языкам, точнее языкам, центральной и восточной Микронезии (так как на западе Микронезии, как известно, распространены индонезийские языки). В то же время в нем довольно четко прослеживается заметный неавстронезийский субстрат. И не случайно И. Дайен в своей новой классификации языков Океании не относит науруанский язык к малайско-полинезий-

¹⁴ Символика науруанского флага такова: голубое полотнище означает тихоокеанские водные просторы, золотая полоса указывает на близость экватора, белая двенадцатиконечная звезда напоминает о первоначальном числе кланов на Науру.

¹⁵ «Territory of Nauru», «Report for 1965—1966», Canberra, 1966, p. 2.

ской семье, а считает его лишь языком, «соотносящимся» (co-ordinate) с этой семьей¹⁶.

Еще в XIX в. науруанский язык не представлял собой единого целого, а дробился на целый ряд сильно различавшихся между собой диалектов. Лишь после того, как на одном из этих диалектов была создана письменность, локальные языковые различия стали постепенно нивелироваться, и в настоящее время язык всего острова в значительной мере стандартизован. На науруанском языке имеется небольшая литература, однако уровень ее развития далеко не достаточен. Австралийская администрация фактически препятствовала укреплению позиций этого языка и в то же время всеми путями насаждала язык английский.

В силу этого почти все науруанцы наряду с родным языком в той или иной степени знают также английский¹⁷, который уже в течение многих десятилетий является основным языком преподавания в школе. Достижение Науру независимости должно, вероятно, внести некоторые коррективы в языковую ситуацию в стране, прежде всего в сторону расширения функций науруанского языка.

В настоящее время практически все науруанцы — христиане. Первый христианский миссионер прибыл на Науру в 1899 г.¹⁸ Результатом развернутой миссионерами деятельности была довольно быстрая христианизация острова. С 1917 г. ответственность за миссионерскую работу на острове приняло конгрегационалистское Лондонское миссионерское общество. За протестантскими проповедниками последовали католические миссионеры, но успех их работы был меньшим. И если в настоящее время около двух третей науруанцев считают себя последователями Науруанской протестантской церкви, то аборигенов-католиков значительно меньше.

Выше уже отмечалось, что науруанцы — не единственные жители Науру. Из других океанийцев представлены гилбертцы (микронезийцы островов Гилберта) и эллисцы (полинезийцы островов Эллис). Они были привезены на Науру со своих родных островов в качестве законтрактованных рабочих для добычи фосфоритов. Гилбертцы и эллисцы, работающие на добыче фосфоритов, расселены в округе Денигомоду на западе острова¹⁹.

В качестве законтрактованных рабочих на остров ввозят время от времени и китайцев (в основном из Гонконга). Так же как и гилбертцы с эллисцами, китайцы в основном сосредоточены в округе Денигомоду.

Совершенно другое общественное положение занимают проживающие на Науру европейцы (преимущественно англо-австралийцы). Это в основном служащие «Бритиш фосфат комишонерс».

Европейцы территориально более рассредоточены, чем другие пришельцы. Основная масса их находится в округах Денигомоду и Аиво, часть живет в округе Мененг²⁰.

¹⁶ G. P. Murdock, Genetic classification of the Austronesian languages: a key to Oceanic culture history, «Ethnology», 1964, vol. III, No. 2, p. 119, 120.

¹⁷ «Pacific Islands Year Book and Who's Who», p. 199.

¹⁸ «Pastor Jacob Aroi: grand old man of Nauru», «Pacific Islands Monthly», 1967, vol. 38, No. 1, p. 97.

¹⁹ «Territory of Nauru», «Report for 1965—1966», p. 30.

²⁰ Там же, стр. 2.

Н. Г. Борозна

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УЗБЕКОВ-ДУРМЕНОВ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

Свадьба узбеков-дурменов¹ в последние годы претерпела некоторые изменения, утратив ряд старых элементов обрядности и получив новые. Однако и в наши дни их свадебная обрядность в основном сохраняет свою традиционную форму, а порой и пережитки весьма архаичных черт, корнями своими уходящих в эпоху общинно-родового строя.

В свадьбе дурменов прослеживаются черты, свойственные кочевым и полукочевым в прошлом народам Средней Азии и Казахстана — казахам, киргизам, каракалпакам и гуркменам. В ней отразилось прежнее родо-племенное деление, родовая экзогамия, являющаяся, по мнению Т. А. Жданко, «...одним из наиболее устойчивых пережитков общинно-родового строя народов с полукочевым бытом»².

Принято считать, что даштикипчакские узбеки уже давно утратили обычай экзогамии. В доказательство такого положения приводится обычай брака двоюродных брата и сестры, детей двух родных братьев³. Однако об экзогамности рода у дурменов в недалеком прошлом⁴ свидетельствуют бытовавшие почти до наших дней наряду с параллельно-кузенными браками между детьми двух родных братьев и детьми двух родных сестер и кросс-кузенные браки между детьми брата и сестры. Параллельно-кузенные браки сына и дочери двух родных сестер считались у дурменов более предпочтительными, чем браки детей двух родных братьев, относящиеся к значительно более позднему времени — времени распада родо-племенной структуры. Как сообщают наши информаторы, у дурменов еще в конце XIX — начале XX в. сохранялись взаимнобрачные связи между определенными родами; брачались всегда были из разных родов. У бабатагских дурменов вплоть до недавнего времени выделялись четыре большие родовые группы: саксан, ногай, чурдак и чарчур, причем взаимнобрачавшимися были саксан и ногай, чарчур и чурдак. Такое деление, являющееся несомненным пережитком дуальной

¹ Дурмены — одна из этнографических групп узбеков даштикипчакского происхождения, потомков племен даштикипчакских узбеков, пришедших в Среднюю Азию в XVI в. Они в отличие от основной части узбеков до недавнего времени вели полукочевую жизнь и сохраняли родо-племенное деление. К узбекам даштикипчакского происхождения относятся катаганы, дурмены, кунграты, локайцы, найманы и другие. В данной статье используются материалы, касающиеся преимущественно дурменов, расселенных в долине р. Кафирниган (Таджикистан) и Бабатагских горах (Узбекистан). Подробнее об этнографической группе узбеков даштикипчакского происхождения см.: Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ АН СССР), вып. XXVII, М., 1957; е е же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, КСИЭ АН СССР, вып. XXXIII, М., 1960.

² Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 70.

³ См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, М., 1962, стр. 315.

⁴ Отметим, что в Средней Азии пережитки экзогамии наиболее четко прослеживаются у каракалпаков, см. Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 13.

экзогамии, прослеживается и у других народов⁵. Даже в настоящее время, когда деление бабатагских дурменов на родовые группы уже не играет практически никакой роли, браки между людьми из взаимнобрачащихся в прошлом групп старшее поколение считает наиболее предпочтительными.

Обычай параллельно-кузенного брака у дурменов сохраняется до некоторой степени и теперь. Бывают случаи, когда женщина из рода ногай, вышедшая замуж за мужчину из рода саксан, стремится женить своего сына на девушке из рода ногай, предпочтительно на дочери своей родной сестры. Это также подтверждает былую экзогамность патриархального рода у дурменов.

В настоящее время молодые люди нередко даже не знают, к какому родовому подразделению они относятся, да и для многих стариков родо-племенное деление отошло в область истории. Браки большей частью заключаются по взаимной склонности юноши и девушки, независимо от их родовой принадлежности. Племена полукочевых узбеков были эндогамны. Так у дурменов браки заключались только в пределах своего племени. То же наблюдалось у локайцев и кунгратов. Со временем у дурменов, как и у некоторых других народов, сохранявших родо-племенное деление, запрет жениться на девушках из чужих племен стал нарушаться. В конце XIX в. дурмены иногда женились на таджиках. В Зеравшанской долине, как сообщал А. Д. Гребенкин, минги, катаганы, каракалпаки и мужчины из других узбекских групп женятся только в пределах своего племени⁶. Таким образом, дурмены не были в этом отношении исключением.

У полукочевых в прошлом узбеков и у других народов Средней Азии и Казахстана формы заключения брака имеют много общего, поэтому мы опишем некоторые из этих форм очень кратко.

Колыбельный сговор (*этак джиртиш*) был широко распространен у узбеков дашти-кипчакского происхождения, а также у узбеков Хорезма, казахов, киргизов, каракалпачков и оседлого населения Средней Азии⁷. Сговор обычно происходил между родителями, дети которых были двоюродными братом и сестрой.

Бытовавшие прежде у дурменов левират и сорорат в настоящее время встречаются крайне редко, хотя и поощряются стариками. М. О. Косвен считает левират и сорорат пережитками группового брака периода дуальной экзогамии⁸. Об одном случае левирата, когда младший брат женился на вдове умершего старшего брата, нам рассказали в сел. Тарыпая в 1963 г. Мужчина 26 лет, только что вернувшийся из армии, уступил уговорам своих родителей и женатых братьев и женился на 36-летней вдове старшего брата, у которого осталось двое детей. Братья и родители женившегося живут одной неразделенной семьей. Уговаривая младшего сына жениться, они руководствовались и чисто-экономическими соображениями: не хотели выделять из общего хозяйства вдову. Такие браки случались, как правило, в больших неразделенных семьях, где авторитет родителей и женатых старших братьев был весьма высок. Поскольку неразделенных семей становится все меньше и меньше, подобные браки скоро уйдут в область прошлого. К сказанному нужно добавить, что левират и сорорат как формы брака бытовали в Средней Азии и у народов со скотоводческим направлением хозяйства и у оседлых земледельцев⁹. Это еще раз свидетельствует о том, что оседлые и кочевые народы прошли одинаковые стадии в развитии семьи и семейных отношений.

Брак путем похищения совершался у дурменов в исключительных случаях. Юноша тайно увозил девушку в свой кишлак. Только с течением времени, когда родители девушки признавали ее мужа, совершался официальный обряд бракосочетания. В наши дни подобная форма брака почти не встречается.

О собственно свадебном обряде полукочевых узбеков, в частности дурменов, в литературе имеется мало сведений¹⁰. Поэтому характеристика свадьбы дурменов дана

⁵ Пережитки дуальной организации выявлены С. П. Толстовым у туркмен, см.: С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

⁶ А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 76, 86, 98 и др.

⁷ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. I, М., 1952, стр. 399; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1962, стр. 30, 32; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпачков. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX в., стр. 70, 71. Колыбельный сговор был и у народов Сибири, см.: Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, «Сов. этнография», 1937, № 4, стр. 19; И. Д. Старынкевич, Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии, «Сборник МАЭ», вып. IX, Л., 1930.

⁸ М. О. Косвен, К проблеме группового брака, КСИЭ АН СССР, вып. I, 1946, стр. 19—22.

⁹ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, т. II, М., 1963 (см. разделы, посвященные семье и семейно-брачным отношениям).

¹⁰ Сведения о свадьбе полукочевых узбеков, в том числе и дурменов, мы находим у А. Д. Гребенкина (Указ. раб., стр. 64—68 и др.). Советские этнографы — К. Л. Задыхина, Н. П. Лобачева, К. Шаниязов и Т. Файзиев описали свадебный обряд у северных узбеков Хорезма, узбеков-карлуков и курама, см.: К. Л. Задыхина, Указ. раб.,

в основном по материалам полевых исследований автора, проведенных в южных районах Узбекистана и Таджикистана (1958, 1959, 1961, 1964 гг.)¹¹.

Совершение свадебного ритуала раньше, а в значительной степени и теперь — дело всего селения и прежде всего родственников жениха и невесты. У дурменов Кабадпана, Бабатага, долины Кафирнигана, как и у многих других народов¹², самое активное участие в свадьбе принимали односельчане жениха и невесты.

В настоящее время, несмотря на то, что браки заключаются по взаимному согласию юноши и девушки, во время свадьбы выполняются все основные свадебные обряды — «соборания» совета стариков, сватовство, помолвка, бракосочетание.

Прежде чем приступить к устройству свадьбы, несколько раз собирается совет стариков (*масляхат*) как со стороны жениха, так и со стороны невесты. На масляхате в настоящее время присутствуют старики, родственники и наиболее уважаемые люди колхоза, совхоза, села, независимо от их возраста. Обычно это бригадиры, в бригадах которых работают юноша и девушка, управляющий фермой, бухгалтеры, знатные колхозники и др. Без масляхата не проходит ни одна свадьба. Первый совет собирается в доме родителей юноши. На нем решают, кого послать в качестве сватов в дом девушки, и обсуждают вопросы, связанные с организацией свадьбы.

Масляхат со стороны невесты собирается лишь после начала сватовства. Он обсуждает достоинства жениха и его родни, некоторые вопросы устройства свадебного торжества.

После того, как масляхат со стороны жениха решил вопрос о сватах, совершается церемония сватовства (*кудалык*). Сватами (*саучи*) могут быть и мужчины и женщины. В Кабадиане в качестве свахи обычно посылается женщина, которая не только должна быть красноречивой, пользоваться уважением односельчан, но и иметь здоровых детей. В долине Кафирнигана и у узбеков Бабатага сватами обычно выбирают двух-трех мужчин.

Прежде чем войти в дом родителей девушки, сваты-мужчины по обычаю ослабляют пояс на цитанах — считается, что родители девушки будут от этого сговорчивей. Затем они крошат сухой кизяк и крошки рассыпают во дворе и у порога дома. Это символизирует пожелание благополучия и обеспеченности (иметь много скота). Принимает сватов отец девушки, но при этом обязательно присутствует и ее мать, а часто и несколько ближайших родственников. Если родители девушки соглашаются сразу, они совершают обряд разламывания лепешек, символизирующий пожелание молодоженам жить дружно и иметь много хлеба. Обряд этот бытует у оседлого населения — таджиков и узбеков, не сохранивших родо-племенного деления. Вероятно, полукочевыми узбеками он заимствован именно у них.

Затем сватов угощают. В прошлом если сватам отказывали, то их совсем не угощали, даже не предлагали чая. Обычно сваты приходят в дом девушки до трех раз, и после третьего раза ответ считается окончательным, однако бывали случаи, когда сваты приходили до десяти раз. Если согласие на брак получено, начинаются приготовления к свадьбе.

Основные свадебные торжества — помолвку (*патила-той*) и праздник бракосочетания (*ника-той*) дурмены всегда устраивают в доме невесты. В ауле невесты свадьбу справляли и другие группы полукочевых в прошлом узбеков¹³, а также казахи и киргизы¹⁴, каракалпаки, таджики¹⁵. Лишь у туркменова *ника-той* совершался и совершается в доме родителей жениха¹⁶.

стр. 402—405; Н. П. Лобачева, Свадебный обряд хорезмских узбеков, КСИЭ АН СССР, вып. XXXIV, 1960; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк), Ташкент, 1964, стр. 140—152; Т. Файзиев, Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1963, стр. 21.

¹¹ Пользуясь случаем выразить благодарность Тернашу Нурмантову — бухгалтеру совхоза им. Калинина — и многим другим, оказавшим большую помощь в сборе материалов.

¹² Л. Я. Штернберг отмечал обязательное участие коллектива в свадьбе у народов северо-восточной Сибири. «Брак», — писал он, — акт социальный, санкционируемый коллективом — родом у народов с родовой организацией, а в нашем крестьянстве — группой родственников и отчасти и целым обществом», см.: Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Сибири, Л., 1933, стр. 182.

¹³ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 66.

¹⁴ Х. Кустанаяв, Этнографические очерки киргизов Перовского и Казалинского уездов, Ташкент, 1894, стр. 27, 82; Р. Карутц, Среди киргизов и туркменова на Мангышлаке, СПб., 1910, стр. 98.

¹⁵ Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLIII, М.—Л., 1959, стр. 95, 96; его же, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, 1958, стр. 24.

¹⁶ А. Джикиев, Свадебные обряды у туркменова-салыров в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963.

Патия-той — первый этап свадебной церемонии у дурменов, кунгратов и других даштикинчакских узбеков. Помолвка считалась прежде обязательной, если невестой была девочка 9—13 лет. Если же выходила замуж вдова или девушка старше 20 лет, патия-той не устраивали. Теперь, когда брачный возраст девушек изменился (замуж выходят обычно в 18—24 года), патия-той часто не справляют.

Перед патия-той невеста и жених одевают свадебные костюмы. Последние в основных своих элементах не отличаются от обычных, но имеют некоторые особенности. Свадебная одежда должна быть обязательно новой. Жених надевает новый халат (*чапан*) из полушелкового материала (*бекасаб*) и подпоясывается шелковым или хлопчатобумажным платком, вышитым невестой ко дню свадьбы. Хотя в настоящее время большинство мужчин молодого и среднего возраста носят шапки-ушанки или кепи, на свадьбе жених должен быть в чалме (ее навивает ему старший брат или, если его нет, один из близких друзей). Новую тюбетейку, специально вышитую к свадьбе невестой, жених надевает под чалму. Обувь жениха — традиционные сапоги (*этик*). Раньше жених не всегда имел возможность приготовить себе новую одежду для свадьбы, в таком случае он мог одолжить нарядный халат и сапоги у любого жителя кишлака. За это никакой платы не требовалось.

Невеста надевала новые платье, халат (*чапан*), платок. Подол ее платья не подшивали, что символизировало пожелание благополучной супружеской жизни. В настоящее время невесте шьют ставшее сейчас модным платье со вшивными рукавами, на кокетке, со стоячим воротником, отделанным рюшем (*парпар*), однако как и раньше подол не подшивают. На ноги невеста прежде надевала мягкие сапожки с кожаными калошами, теперь же обычно — новые туфли на низком каблучке. Сложный женский головной убор — чалму (*салля*) невесте навивает уже в доме мужа какая-нибудь мастерица этого дела или родственница мужа.

Для устройства патия-той сваты закупают продукты и перевозят их в дом отца девушки. На праздник приглашают много гостей, их угощают пловом, жареным мясом и объявляют о предстоящей свадьбе юноши и девушки. После помолвки родственники жениха, согласно обычаю, дарят родственникам невесты платки, халаты и другие вещи. Подобные обычаи одаривания широко известны повсюду в Средней Азии¹⁷.

В период между помолвкой и праздником бракосочетания жених тайно посещает невесту. Этот обычай сохраняется и теперь. Так, один юноша из кишлака Дугаб на Бабатаге женился на девушке из кишлака Тарыпая в долине Кафирнигана. До свадьбы в течение года он ежедневно после работы переправлялся через Кафирниган на плоту из стеблей каурака, чтобы попасть к своей невесте в Тарыпая (от Дугаба до Тарыпая примерно 40 км).

В прежние времена в период между помолвкой и бракосочетанием отцу невесты выплачивалась половина калыма за нее, вторая же половина отдавалась позже, но обязательно до совершения обряда бракосочетания. До установления Советской власти калым широко бытовал у всех народов Средней Азии и Казахстана¹⁸. Размер его как и состав приданого, определялся на совете стариков, когда сваты приходили в дом родителей девушки за окончательным ответом. Весь калым шел в распоряжение отца невесты, ее старшего брата или (если не было отца или брата) дяди по матери.

В конце XIX в., судя по данным А. Д. Гребенкина, кочевые узбеки-юсы «платили» за невесту от 5 до 150 овец, кутчи — 60—80 рублей, а минги от 40 до 200 рублей. А. Д. Гребенкин отмечает, что у узбеков калым редко выплачивался деньгами, обычно нужная сумма погашалась скотом и зерном¹⁹.

Информаторы преклонного возраста утверждают, что до революции установленного состава калыма не было. У кунгратов в состав калыма обычно входило от 50 до 100 овец или 1000 рублей денег, у жителей Бабатага — 100 голов овец и 10 голов крупного рогатого скота, 4 лошади. Мужчины-дурмены редко женились до 40 лет, так как не могли раньше уплатить калым.

Глубокий анализ происхождения института калыма дан в работе Н. А. Кислякова. По его мнению, калым у народов Средней Азии и Казахстана являлся своеобразным выкупом за женщину из другого рода. Брак-покупка был характерен для эпохи патриархальных отношений, — пишет Н. А. Кисляков, — и непосредственно связан с большой патриархальной семьей²⁰.

Таким образом, обычай уплаты калыма связан с большой патриархальной семьей и, казалось, должен был с отмиранием этой семьи полностью исчезнуть. Как известно, подобная семья у народов Средней Азии и Казахстана уже ушла в прошлое, сохраня-

¹⁷ См. Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 80—84, 123—126.

¹⁸ См. Р. Карутц, *Указ. раб.*, стр. 10; Н. И. Гродеков, *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области*, т. I, Ташкент, 1883, стр. 48, 60, 61, 77 и др.; А. Подваркова, *Брак и развод у киргиз*, «Средняя Азия. Ежемесячное литературное историческое издание», кн. II, Ташкент, 1910; Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 136—180.

¹⁹ А. Д. Гребенкин, *Указ. раб.*, стр. 76, 85, 92, 109.

²⁰ Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 177; см. также М. О. Косвен, *Брак-покупка; его же, Матриархат*, «Ученые записки МГУ», вып. 61, История, т. II, М., 1940, стр. 103, 105, 109, 114.

ется лишь ее пережиточная форма — семья неразделенная. Однако случаи уплаты калыма за невесту встречаются еще и теперь, иногда вне всякой связи с неразделенными семьями. Калым является одним из наиболее стойких, медленно исчезающих вредных пережитков феодально-патриархальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана. За годы Советской власти с развитием социалистической экономики и культуры, с изменением социально-бытового уклада этот обычай изменился. Если до Октябрьской революции у дурменов в калым за невесту входили скот и деньги, то теперь в качестве калыма выступают, главным образом, подарки родне невесты: материя, халаты, платья, обувь. Иногда отцу невесты дают и деньги, на которые он покупает дочери некоторые вещи в приданое. В основном же приданое семья девушки готовит сама.

Собирать приданое начинают, когда девочке исполняется 8—9 лет. В состав приданого входят различные носильные и домашние вещи, причем обязательно четное число каждой вещи, например, — четыре платья, шесть платков, два чапана и т. д. Необходимыми элементами приданого являются мягкий ковровый сундучок (*мапрамач*) и два паласа, сотканые непременно девушкой. В настоящее время паласы иногда заменяют ворсовыми коврами, купленными в магазине. В приданое невесте даются и все мягкие принадлежности юрты (их укладывают в мапрамач). Различные ленты для связывания деревянных частей юрты — решеток (*кереге*) и купольных жердей (*ууков*) невеста также должна выткать сама. В работе девушке обычно помогают мать или тетка. Сейчас, когда в юртах уже не живут, комплект мягких принадлежностей для ее убранства девушка получает обычно от матери или бабушки со стороны матери. Наличие в приданом частей юрты свидетельствует о стойкости кочевых и полукочевых традиций у дурменов. Раньше в селение жениха в качестве приданого привозили юрту или *лочик* — жилище полукочевых типа, которые делал или покупал невесте ее отец. Подобный обычай бытовал и у других кочевых и полукочевых народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркменов. У полукочевых узбеков свадебная юрта называлась *стау*, так ее называли и казахи²¹. В настоящее время обычай давать юрту в приданое сохраняется в некоторой степени у дурменов Бабатагских гор. В Кабдиане и долине среднего течения реки Кафирнигана он уже не бытует, здесь для молодых отводят отдельную комнату в доме родителей девушки.

Вещи, вошедшие в приданое, развешиваются для осмотра на протянутых в юрте или комнате (уже в доме мужа) тканых лентах, которыми связывали кереге и купольные жерди. Если приданое демонстрировалось в юрте, то развешивали вещи и на кереге. Нам пришлось наблюдать это обычай в сел. Сарылка (Бабатагские горы). Там молодая женщина вместе с ребенком переехала в кишлак мужа и в составе приданого привезла юрту. Ее устанавливали молодые замужние женщины — родственницы со стороны мужа. В юрте показывали приданое²², а молодуха с ребенком на руках сидела за занавеской (*чемылдык*), сшитой согласно обычаю ее матерью.

Как уже говорилось, в период между патия-тоем и ника-тоем жених тайно посещал невесту, но не мог увести ее в свой дом до тех пор, пока не была выплачена вторая половина калыма.

После полной выплаты калыма устраивался ника-той. В настоящее время этот обряд совершается после вручения родителям и родным невесты определенного количества подарков, а иногда и денег. Накануне ника-тоя организуется угощение юношей — друзей жениха. Этот обычай бытует и теперь. Невеста в своем доме, из которого предположительно уходят родители, братья и сестры, печет вместе с подругами слоеные лепешки (*катлама*). Подруги невесты кладут это угощение на двадцать деревянных блюд (*табак*) и несут в соседний дом, где находятся товарищи жениха. Юноши забирают лепешки, а опустевшие блюда наполняют подарками для девушек — кусками материи. Приняв блюда с подарками, девушки убегают и прячутся в другом доме, предпочтительно у дяди невесты по матери, куда уже привели невесту²³. Хозяин дома, после получения подарка от юношей, впускает их к девушкам. Здесь молодежь устраивает игры, веселится. Нередко в прошлом именно во время таких празднеств юноши и девушки знакомились друг с другом, а иногда и выбирали себе друга по сердцу.

Корни этого интересного обычая уходят очевидно в эпоху первобытнообщинного строя. Одаривание происходило между определенными возрастными классами — между юношами и девушками одного или примерно одного возраста. В прошлом, по рассказам стариков, между юношами и девушками в это время допускалась свобода общения. Все это следует, вероятно, рассматривать, как пережиточные явления группового брака.

²¹ Ф. Ф и е л ь с т р у п, Свадебные жилища турецких народностей, «Материалы по этнографии. Этнографический отдел Гос. Русского музея», т. III, вып. I, Л., 1926, стр. 111, 112.

²² Осмотр приданого, развешанного в юрте, устраивался также казаками и киргизами (там же, стр. 114, 115).

²³ В конце XIX в. подобный обычай существовал также у казахов, см.: Ф. Л - и й, Свадебные обычаи у киргизов Оренбургского ведомства, «Московские ведомости», 1862, № 151; А л т ы с а р и н, Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства, «Записки Оренбургского отделения Русского географического общества», I, 1870; И. И. И б р а г и м о в, Этнографические очерки киргизского народа, сб.: «Русский Туркестан», вып. 2, 1872 и др.

Ника-той у дурменов, как и повсюду в Средней Азии, является кульминационным пунктом свадебных обрядов. Совершается он в доме родителей девушки и обязательно в полночь. Мулла в присутствии мужчин — родственников жениха и невесты кладет на чашку с водой лепешку и покрывает все это куском марли. Затем над этой чашкой он читает брачную молитву. Жених и невеста на церемонии не присутствуют. Невеста со своими подругами сидит во дворе перед домом, жених также находится неподалеку. Двое или трое из наиболее уважаемых мужчин подходят к невесте и спрашивают, согласна ли она вступить в брак, затем ее ответ передают мулле и присутствующим при молитве мужчинам. У жениха о его согласии на брак спрашивает сам мулла.

Следует отметить, что и в настоящее время, наряду с распространением гражданской регистрации брака, у дурменов по-прежнему совершается этот старый мусульманский обряд бракосочетания. Однако он, как и некоторые другие старые обряды, переосмыслился и выполняется скорее по привычке, в силу традиции, в угоду родственникам старшего поколения.

После совершения ника-тоя подруги вносят невесту на куске белой кошмы (а теперь иногда на ковре или одеяле) в свадебную юрту или дом. У порога юрты или дома сидит старуха (*кампыр*), которую привела сюда мать невесты. Этой старухе близкий друг жениха должен дать выкуп, чтобы она пропустила жениха в свадебную юрту (или дом). Аналогичный обычай встречается у многих народов Средней Азии и у казахов²⁴. Н. А. Кисляков считает его одним из пережитков матрилокального поселения²⁵.

Жених входит к невесте, закрыв лицо полой халата. Ему дают зеркало, в которое он должен посмотреть, чтобы быть «чистым как зеркало». Подруги невесты берут пиауль с маслом или повидлом, подходят к жениху и мажут ему губы. Эти магические действия символизируют пожелание быть счастливыми и иметь много детей. Затем замужняя сестра невесты делает несколько больших стежков на верхней одежде жениха, что должно уберечь его от дурного глаза. Постель для молодых стелят родственницы невесты. Всеми приготовлениями руководит мать или тетка невесты.

Переезд молодой (уже в качестве жены и невестки — *келин*) в дом мужа у узбеков южных районов Таджикистана и Узбекистана происходит после полудня, но обязательно до наступления темноты. У узбеков и таджиков других районов Таджикистана, напротив, невесту перевозят в дом мужа вечером, освещая путь факелами, а во дворе ее дома и дома жениха зажигают костры, которые имеют ритуальное значение²⁶.

Ритуальный костер в свадебных церемониях узбеков даштикипчакского происхождения занимает важное место²⁷. В наши дни костер зажигают только у дома жениха перед приездом невесты, хотя совсем еще недавно, как нам рассказывали в Кабадиане, костер зажигали и во дворе дома девушки. Заготавливают дрова для костра и зажигают его посаженная мать молодой.

Институт посаженных отца и матери, которые принимают молодую в доме ее мужа, являются как бы ее опекунами, очень характерен для группы полукочевых в прошлом узбеков. Перед тем, как перевезти жену к себе в дом, муж просит быть для нее названными (приемными) отцом и матерью²⁸ своего близкого друга и его супругу. Названный отец должен к приезду молодой принести барана и приготовить плов для нее и гостей. Когда молодая подъезжает к дому, приемная мать берет за повод лошадь и три раза обводит ее вокруг костра²⁹. Затем она подносит лошади блюдо с ячменем.

Если же молодую привезли на машине, как это часто бывает сейчас, названная мать помогает ей выйти из автомашины, берет ее за руку и они трижды вместе обходят костер. Мать мужа сообщает собравшимся, что своей невестке она дает корову или овцу. Келин и ее названная мать кланяются. После этого у порога дома стелят шкуру барана и молодая наступает на нее. Ей дают чашку с маслом или бараньим салом, ложку и она в сопровождении названной матери идет к костру. Три раза она бросает масло в огонь, что символизирует пожелание дальнейшей благополучной жизни семье.

Затем приемная мать берет келин за руку и вводит в дом, где они вместе будут сидеть за занавеской чимылдык три дня. В прошлом по прошествии этих трех дней молодая всегда уезжала в дом своих родителей и гостила у них неделю или более длительный срок. Теперь этот обычай возвращения домой почти не наблюдается. Невестка через три дня, в течение которых она разговаривала только со своей названной ма-

²⁴ Н. И. Гродеков, Указ. раб., стр. 71.

²⁵ Н. А. Кисляков, Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, 1957.

²⁶ См. Н. А. Кисляков, Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков, КСИЭ АН СССР, вып. XXX, 1958, стр. 130—134.

²⁷ Костер во дворе около дома родителей невесты или перед юртой зажигали в прошлом полукочевые хорезмские узбеки, узбеки-карлуки и другие, см.: К. Л. Задыхина, а, Указ. раб., стр. 403; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, стр. 149.

²⁸ Невестка называет свою приемную мать — *ина* (мать), приемного отца — *ата* (отец), а ее муж называет их соответственно *кайнина* (теща) и *кайнага* (тесть). У северных групп хорезмских узбеков невестка называла приемную мать мурундук-ене, см.: К. Л. Задыхина, а, Указ. раб., стр. 403; Н. П. Лобачева, а, Указ. раб. стр. 43.

²⁹ Подобный обычай был и у таджиков, см. Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, стр. 112.

терью, избегая родных мужа, выходит из-за занавески. Свекровь устраивает смотрины невестки — *келин курсатар*.

Специально приглашенный на смотрины всеми уважаемый старик открывает лицо келин³⁰. Он палочкой приподнимает лицевую занавеску и приговаривает: «Много по кишлаку не бегай, плохих слов не говори». После этого вручают подарки приемным отцу и матери. В качестве угощения на смотринах подают молочную похлебку — *ак бу-ламык*. Таким образом, во время приезда молодой в дом мужа и все последующее время названные родители должны относиться к молодой женщине как к своей дочери. Этот интересный обычай бытует в основном среди полукошевого в прошлом скотоводческого населения Средней Азии. Вероятно, он, как и некоторые другие свадебные обряды и обычаи, ведет свое происхождение от эпохи разложения родового строя и утверждения патрилокального поселения молодых супругов, когда род мужа стремился принять девушку и как бы узаконить на нее свои права.

Анализ свадебной обрядности дурменов выявляет наличие у них некоторых общих черт с народами, ведшими в прошлом кочевой и полукочевой образ жизни, прежде всего с казахами, а также киргизами, каракалпаками и отчасти с туркменами. К характерным особенностям можно отнести длительное сохранение родо-племенного деления и связанные с ним эндогамность племени и экзогамность рода, ряд обычаев и обрядов в устройстве свадьбы (например, обычай давать в приданое юрту). Наряду с этим, полукошевые в прошлом узбеки заимствовали много черт из свадебной обрядности окружающего их оседлого населения, в частности таджиков (например, обычай разламывания лепешки и др.).

Вместе с тем традиционная узбекская свадьба претерпела большие изменения. За годы Советской власти сложились новые обычаи и обряды, изменилось содержание старых обрядов, многие из них исчезли совсем. Изменился и свадебный обряд. Веками соблюдавшийся обычай сватовства совершается теперь формально, молодые люди предварительно сами сговариваются о свадьбе. Раньше невесту привозили в дом мужа на лошади, осуществляя по пути различные магические действия. Теперь невесту и ее приданое обычно привозят на автомашине, и многие из магических обрядов, прежде сопровождавших свадебный поезд, исчезли.

Приведенный материал показывает, что традиционная свадьба даштикипчакских узбеков сохраняет отдельные, свойственные общинно-родовым отношениям, черты: устройство основных праздников свадьбы в доме родителей невесты, пережитки таких форм брака, как левират и сорорат, обычай избегания, пережитки магических верований и др. Все эти черты, однако, утратили свой первоначальный смысл и если даже встречаются сейчас, то в измененной форме, только как традиция.

³⁰ Подобные смотрины устраивали и таджики, см. Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, стр. 116, 117.

И. С. Гурвич

БЫЛА ЛИ ИЗВЕСТНА ЮКАГИРАМ ЭКЗОГАМИЯ!

Социальное устройство юкагиров неоднократно привлекало к себе внимание исследователей.

Юкагиры — единственный народ Сибири, сохранявший еще до второй половины XIX в. матриликальный брак.

В. И. Иохельсон, обнаруживший этот обычай, рассматривал общественный строй юкагиров как «зачаточную ступень в прогрессивном развитии общества»¹.

По мнению Л. Я. Штернберга, у юкагиров бытовал деформированный материнский род². П. И. Борисковский высказал предположение, что до прихода русских материнский род у юкагиров существовал как производственная единица³. Напротив, по мнению Н. Н. Степанова, М. В. Степановой, Б. О. Долгих и других, общественный строй юкагиров в XVII в. был патриархально-родовым, хотя и сохранял пережитки материнского рода⁴.

Для определения социальной структуры юкагирского общества весьма существенным показателем является характер экзогамии. Однако данные по этому вопросу в литературе отсутствуют.

Из указания В. И. Иохельсона о том, что браки у юкагиров могут заключаться с самыми близкими родственниками, напрашивается вывод, что юкагиры вообще не знали экзогамных запретов⁵.

Опрос современных юкагиров, в значительной мере утерявших свои исконные обычаи, смешавшихся с эвенками и якутами, мало что дает для понимания былых экзогамных правил. Однако архивные материалы XVIII—XIX вв. позволяют внести некоторую ясность в этот вопрос.

В Музее Арктики и Антарктики (Ленинград) хранится архив старост 3-го Омолонского юкагирского рода, пересланный сюда местными любителями старины⁶. В этом небольшом фонде имеются дела, рисующие как состояние этого рода, так и данные, позволяющие судить о характере браков.

Что же представлял собой 3-й Омолонский род в конце XVIII — начале XIX в.?

Согласно датированным 1777 г. ответам князю рода Кузьмы Щербакова на запрос из Средне-Колымского комиссарского правления, сколько в его наследе людей состоит в ясажном платже, сколько малолетних и «особливо женского пола», видно, что в 3-м Омолонском роде значилось 25 человек обоего пола, в том числе 7 плательщиков ясак, 2 малолетних и 16 женщин (д. 626, лл. 7—8). В ведомости указывалось, что члены рода «жительство имеют вверх по Омолону».

По ревизии 1793 г. в 3-м Омолонском роде было 28 человек (д. 626, лл. 9—10), а по ревизии 1812 г. — 36, в том числе мужчин старше 50 лет 3 чел., от 16 до 50 лет — 7 чел., детей — 8 человек (лл. 14, 59—60).

В начале XIX в. 3-й Омолонский род должен был вносить ясак в размере 19 соболей или 28 руб. 50 коп. (д. 569, л. 29), что по тем временам представляло весьма значительную сумму.

¹ В. И. Иохельсон, По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена, «Известия Рус. Геогр. общества», т. 34, вып. 3, 1898, стр. 4.
² Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933, стр. 153—154.

³ П. И. Борисковский, О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки), «Сов. этнография», 1935, № 4—5.

⁴ Н. Н. Степанов, Малые народы Якутии, в кн. «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 106; «Народы Сибири», М., 1956, стр. 893; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVI в., М., 1960, стр. 438.

⁵ В. И. Иохельсон, К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа, «Известия Восточно-Сибирского отд. РГО», т. XXIX, 1898, № 1, стр. 35.

⁶ Публикацию об этом фонде см.: А. А. Бурова, Архив князев 3-го Омолонского юкагирского рода, «Доклады по этнографии. Отделение этнографии Всесоюзного географического общества», Л., 1967, стр. 24—36.

КВИТАНЦІЯ.

1827 года дана сія квитанція *Колымскаго* уезда Статской
исправной Управы *Колымскаго* рода старостѣ въ томъ, что *въ числѣ*
соблюдающаго сѣ того рода *по расписанію* на сей годъ *сборовъ* полу-
чено деньгами *—* (рублей) *—* копѣекъ и зъ бранными
Шкурками *на доблицу* рублей *пятидесяти* копѣекъ, зъ всего *28*
рублей *50* копѣекъ.

отъ *арх.* мѣсяца *декаб.* дня.

Шкуръ получено:

100

XXXXXX

ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ

Денгами *28*^{р.}
50 коп.

Итого на _____ руб.

А всего *28*^{р.} руб. *50* коп.

Староста Колымскаго рода *Иванъ Леонтьевъ* *Иванъ Лысовъ* *Алексей Пушкаревъ*

Староста Колымскаго рода

Рис. 1. Квитанция о приеме ясака с юагиров 3-го Омолонского рода за 1827 г. с условным обозначением суммы: квадратами показаны десятки рублей, крестами — рубли, черточками — копейки. Музей Арктики и Антарктики, д. 569, л. 27

Из ведомости 1829 г. «Об имуществе народцев», составленной старостой этого рода Романом Чаиным, видно, что все имущество рода состояло из 8 «юрт чумовых», 4 оленей, 6 охотничьих и 17 ездовых собак (д. 569, л. 29).

В особой ведомости староста сообщил о кочевьях рода. «Сородцы сего рода имеют главные кочевья по вершинам рек Омолону, Большому и Малому Аноям, между оными по хребтам и мелким рекам, именно расстоянием по Омолону до Большого Аноя на 10 дней пути, от Большого Аноя до Анадыря на 30 дней пути» (д. 569, л. 28).

Опись имущества, по нашему мнению, свидетельствует, что члены 3-го Омолонского рода не вели общего хозяйства и даже не проживали совместно. Владельцы оленей, очевидно, занимались преимущественно охотой; главным занятием владельцев ездовых собак была охота на диких оленей на переправах и рыболовство. О занятиях нижне-колымских юагиров в конце XVIII в. сохранились интересные свидетельства прапорщиков геодезии Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева, описывавших устье Колымы и Медвежий острова. «Живущие по Аноям и Омолону рекам новокрещенные юагиры рыбы в летнее время не промысляют, разье осенью и то не каждой, а довольствуются оленним промыслом, как то олени весною из лесов идут к морю, а летом августа в первых числах возвращающа обратно и через помянутые реки плывут и называют олеными плавлями»⁷.

Сохраняются в деле рисунки демонстрируют кочевья юагиров, охоту на оленей.

В архиве старост 3-го Омолонского рода имеются посемейные именные списки членов рода, ревизские сказки и метрические книги. Особый интерес для нас представляет ревизская сказка 1793 г. с указанием родовой принадлежности жен-чужеродок (д. 626, лл. 9, 10).

Нет необходимости приводить здесь эту ревизскую сказку полностью, изложим лишь данные о браках.

Князец Козьма Шербаков 54 лет. «У него жена Наталья Тимофеева не казачьих дочерей, 61 года» (л. 9).

Константин Семенов 15 лет. «У Константина жена Сима Андреева, взятая из Чуванского роду, 19 лет».

Семен Чичаканов 43 лет. «У него жена Парасковья Васильева, взятая из Ламутского Уяганского роду, 46 лет».

«У него (Семена Чичиканова.— И. Г.) написанный в бывшую перепись сын Павел» 15 лет. «У него (Павла.— И. Г.) жена Аграфена Семенова из Чуванского роду 18 лет».

⁷ Центральный государственный архив древних актов. Фонд 24, оп. 1, д. 55, л. 20 об. 1773 г. Дело о путешествии от устья реки Колымы к Северному морю прапорщикам геодезии Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева.

Рис. 2. Нижнеколымские юкагиры на кочевке. ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 55

«Вдова Екатерина Чаина, взятая из Ламутского Каменного рода, отдана за ламута за Уяганского Ивана».

Николай Чаин 26 лет. «У него жена Евдокия Антонова, взятая из Омотского роду», 40 лет.

В этой ревизской сказке указывается также, в какой род отданы были в замужество девушки.

Макрина Щербакова, по предыдущей ревизии (1782 г.—И. Г.) ей было 10 лет, «отдана в замужество за Дельянского ламута Степана Дьячкова».

Степанида Щербакова, по предыдущей ревизии ей было 8 лет, «отдана в замужество за юкагира Рыбникова рода Петра Миренина».

Варвара Щербакова, по предыдущей ревизии ей было 7 лет, «отдана в замужество за чуванца Семена Алексева».

Но в этом же документе имеются и записи, свидетельствующие, на первый взгляд, о том, что юкагиры брали жен и из своего рода.

Старшина Федор Михайлов Чаин, 45 лет. «У него жена Фекла Афанасьева, взятая из Юкагирского Омолонского роду», 31 года.

Федор Щербаков, 41 год. «У него жена Матрена Афанасьева, взятая из Юкагирского Омолонского роду», 46 лет.

Иван Чаин, 44 лет. «У него жена Матрена, взятая из Юкагирского Омолонского роду», 25 лет.

Умерший в 1791 г. Григорий Семенов имел жену Ирину, взятую из Юкагирского Омолонского рода. Она умерла за два года до смерти Семенова.

Однако упомянутые в ревизской сказке жены из Юкагирского Омолонского рода не происходили из 3-го Омолонского рода. Ознакомление с именным списком 1777 г. «ясачных плательщиков 3-го Омолонского рода, також и незаписанных в ясачный платеж малолетних мужска и особливо женска пола людей» показывает, что в этом роде не было человека под именем Афанасий, не было и девицы Феклы Афанасьевой. Не обнаружена в этом списке Матрена, будущая жена Ивана Чаина. Матрена Афанасьева в 1777 г. уже была замужем за Федором Щербаковым, а Ирина за Григорием Семеновым Чаиным. Сличение списков 1793 г. и 1777 г. убеждает в том, что юкагиры 3-го Омолонского рода брали жен не из своего, а из других Омолонских родов. В переписи 1769 г., произведенной Первой ясачной комиссией в Нижне-Колымском ведомстве, значился Омолонский род старосты Никулина (23 муж. души), Омолонский род старосты Федорова (22 муж. души) и Юкагирский род старосты Щербакова (16 муж. душ), получивший впоследствии название 3-й Омолонский⁸. Упомянутые в ревизии 1783 г. жены, взятые из Юкагирского Омолонского рода, происходили, очевидно, из 1-го или 2-го Омолонских родов.

Таким образом, юкагаы 3-го Омолонского рода находились в брачных связях с Чуванским, Уяганским ламутским, Каменным ламутским, Дельянским ламутским⁹, Омотским юкагирским, Рыбниковым юкагирским, 1-м или 2-м Омолонскими юкагирскими родами и русскими казаками.

Соблюдение юкагирами экзогамии подтверждается и метрическими книгами.

В 1807 г. Иркутское губернское правительство, ссылаясь на указ 1-го Департамента Сената от 1802 г., предложило князям вести метрические книги (д. 626, лл. 40—44). Приведем записи из метрической книги князя 3-го Омолонского рода Ивана Чаина (д. 626, лл. 40—44). Во второй части книги («Часть вторая с браками сочетавшихся на 1807 год») сообщается: «Венчан Егор Щербаков (из 3-го Омолонского рода.—И. Г.)

⁸ И. С. Гурвич, Этническая история Северо-Востока Сибири, М., 1966, стр. 72.

⁹ Ламуты Дельянского рода находились в тесной связи с юкагирами и впоследствии, как показал В. И. Иохельсон, усвоили юкагирскую культуру и язык (В. И. Иохельсон, Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении, СПб., 1895, стр. 25).

Вологодская областная универсальная научная библиотека

По послѣдней 1782 года ревизіи въ подушномъ складѣ людей и крестьянъ, съ показаніемъ изъ всего числа разныхъ случаями умныхъ и послѣ ревизіи вътороженныхъ и прибавыхъ, по самой истинѣ безъ всякой утайки; а буде кѣмъ предъ обаченіемъ лгавое, или по сподвижеству найдется, чью кого либо узнала, то повиненъ положенію по указамъ штрафу безъ всякаго милосердія.

Звание и имяна мужеска и женска полу людей	МУЖЕСКА			ЖЕНСКА		
	Абита	Абита	Абита	Абита	Абита	Абита
Служивъ нѣдѣлю тѣхъ оубѣ	43		52 ^x			
Убого вѣсна нѣдѣлю (оубѣ) тѣхъ нѣдѣлю нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю				50		61
Служивъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю	54		45 ^x			
Убого вѣсна нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю				20		31
Служивъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю	3		14 ^x			
Убого вѣсна нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю			1 ^x			
Служивъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю	30		41 ^x			
Убого вѣсна нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю тѣхъ нѣдѣлю				50		46

Ламутского роду Андрея Гарулина на дочери его Ульяне», поручителем был Михаил Харитонов из Омотского рода (д. 626, л. 44).

«Венчан Алексей Чаин (из 3-го Омолонского рода.— И. Г.) ламутского Дельянского роду Константин Шарыпова на дочери его Матрене». Поручителем был Федор Чаин из Омолонского рода (там же).

В 1808 г. браков заключено не было.

В метрической книге 1809 г. был зарегистрирован один брак.

«Венчан брак Омологского юагирского роду князца Ивана Чаина сын его Федосий [на] Егонского (Уяганского.—И. Г.) роду князя Якова Тайшина, умершего родника его Афанасия Дьячкова на дочери его Ирине первым браком» (там же, л. 51).

В 1810—1811 гг. браки не заключались.

В 1812 г. имеется запись: «Венчан Андрей Чаин Чуванского роду Василия Нижегородова над дочери его Евдокии первым браком» (там же, л. 55).

Наконец, в 1813 г. встречается запись о браке, как будто бы заключенном в нарушение обычая экзогамии. «Венчан Лаврентий Чаин умершего (ламута зечеркнуто.— И. Г.) Козьмы Шербакова на дочери его Марии первым браком» (там же).

Но Козьма Шербаков из 3-го Омолонского рода, бывший князец, умер в 1808 г. в возрасте 96 лет (там же, л. 45), детей у него в то время, судя по спискам этого рода за 1812 г., не было, в списке значилась лишь его вдова Евдокия (там же, л. 59). Очевидно, речь идет об однофамильце бывшего князца.

Таким образом, записи о браках в метрических книгах так же свидетельствуют о том, что юкагиры не брали жен в своем роде.

Это тем более интересно, что в XVIII—XIX вв. русская администрация стала включать в состав поредевших юкагирских родов пришельцев, причислять отдельные группы юкагиров к родам иного происхождения. Так, во время ревизии 1793 г. в состав 3-го Омолонского рода были включены несколько семей из Ушканского юкагирского рода и Уяганского ламутского рода, всего 14 человек (там же, л. 10 об.). Перечисленные ушканцы имели жен ламуток.

Следствие малочисленности юкагиров соблюдение обычая экзогамии вело к постепенному смешению их с соседями иного этнического происхождения. В конце XVIII в. 3-й Омолонский юкагирский род состоял из пяти чисто юкагирских семей (т. е. семей, в которых оба супруга были юкагирами), одной юкагирско-русской, двух юкагирско-чуванских и одной юкагирско-ламутской. Таким образом, почти половина жен членов этого рода были из инородной, иноязычной среды.

Члены 3-го Омолонского юкагирского рода, строго соблюдавшие экзогамию, очевидно, не представляли собой какого-либо исключения, так как находились в тесных взаимоотношениях с другими колымскими юкагирами.

Приведенный материал позволяет сделать вывод, что экзогамия по отцовской линии была характерна для юкагирского рода.

Г. Н. Курилов

О ТЕРМИНАХ РОДСТВА И СВОЙСТВА ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ

Впервые более или менее полные сведения о юкагирской системе родства были собраны В. И. Иохельсоном¹, в работах которого не только приведены термины родства и свойства, но и описаны нормы семейно-брачных отношений колымских и тундренных юкагиров.

В данной статье нам хотелось бы поделиться своими соображениями относительно терминов родства и свойства тундренных юкагиров, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы² несколько отличаются от данных В. И. Иохельсона.

Основные термины родства и свойства тундренных юкагиров охватывают три основные группы родственников с подгруппами³.

I. *хайт'изпул* — те, кто старше моего отца.

1а. *хайт'из* — отец отца, отец матери.

1б. *т'умуот'из* — старший брат отца.

II. *т'анмийэпул* — те, кто старше меня, но моложе моего отца.

IIа. *от'идиз* — младший брат отца.

IIб. *ака:* — старший брат.

¹ В. И. Иохельсон, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, 1900; его же, The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus, «Memoirs of the American Museum of Natural History», vol. XIII, part I, New York, 1910.

² Материалы собирались автором в 1963 г. в Андрюшкинском отделении Нижне-Колымского совхоза Якутской АССР.

³ Это представляет собой в какой-то степени восстановление ранее существовавших правил номинации родственников. Заметные отклонения от этих правил наблюдаются в группе «мое поколение». См. об этом на стр. 94—95.

III. *эмд'эпул* — те, кто моложе меня.

IIa. *эмд'э* — младший брат.

IIIb. *адуо* — сын.

III в. *удуо* — внук.

Переходим к более подробному рассмотрению отдельных терминов, сопоставляя их с материалами В. И. Иохельсона.

1) *Хайт'из*: а) отец отца, отец матери и их братья, как старшие, так и младшие;

б) муж старшей сестры отца, муж старшей сестры матери.

В. И. Иохельсон⁴ приводит термины *хаха* (колымский диалект; далее — к. д.), *хайчй* (тундренный диалект; далее — т. д.) со значениями: «дед, братья деда, братья бабушки...; старший брат матери дядя...». По нашим материалам, для старшего брата матери у тундренных юкагиров существует специальный термин *хашд'а*: ~ *хойд'а*:

Слово *хайт'из*, по-видимому, сложное и состоит из двух частей: *хай-* и *-т'из*, причем вторая часть восходит к термину *эт'из* (к. д.) «отец». Первая часть *хай-*, возможно, связана с термином *хаха*, который в свою очередь, напоминает маньчжурское *хаха* «мужчина».

Любопытно, что слово *хайт'из* употребляется при обращении к огню, медведю, орлу, а *т'из* ~ *т'изн* в колымском диалекте значит «орел».

2) *Абут'из*: а) мать отца, мать матери и их братья, как старшие, так и младшие;

б) жена старшего брата отца, жена старшего брата матери.

У. В. И. Иохельсона термины *абучй* (т. д.) и *āpiā* (к. д.) означают не только «бабушка», но и «старшая сестра отца». По нашим данным, в тундренном диалекте имеется термин *эпис*, обозначающий только старшую сестру отца.

Термин *абут'из* может быть разложен на части: *абу-* ~ *абуй* (к. д.) «старшая сестра» и *-т'из* ~ *эт'из* (к. д.) «отец». При этом *абуй* напоминает бурятское *абай* «батьюшка, матушка, почтенный», а также *абгай* «старшая сестра»⁵. Юкагирское *абут'из* Е. А. Крейнович сопоставляет с камасинск. *абујо* «сестра отца»⁶.

Слово *абут'из* служит также обращением к огню, озеру, реке.

3) *Т'умуот'из* — старший брат отца.

В материалах В. И. Иохельсона приводится тот же термин (*чомочй*).

Термин *т'умуот'из* ~ *т'омо:т'из* состоит из компонентов *т'омо* «большой», *-т'из* ~ *эт'из* «отец». В. И. Иохельсон данное слово разлагает на *чомоцйад* — *āciā*, т. е. этимологизирует как «большой отец».

4) *Эпис* — старшая сестра отца.

В слове *эпис*, по-видимому, можно выделить три элемента: *э-*, *-п-*, *-из*, где *э-* — корень⁷, *-п-* — суффикс мн. числа, *-из* — уменьшительно-ласкательный суффикс. Последний встречается в формах множественного числа, ср. *илэ* «олень», *илэдие* «маленький олень», *илэпэ* «олени», *илэпэдиэ* «маленькие олени», *илэпис* «олешки».

5) *От'идиз* — младший брат отца.

Для колымского диалекта В. И. Иохельсон приводит термин *idiātāk* ~ *ādiātāk*. Слово *от'идиз* состоит из *эт'из* «отец» и уменьшительно-ласкательного суффикса *-диз*, следовательно, этимологизируется как «маленький отец».

6) *Эшод'оу* ~ *ойд'оу* — младшая сестра отца.

В колымском диалекте, по В. И. Иохельсону, по отношению к тетке — младшей сестре отца — употребляется термин *āmцюдй* (состоит из *āmцй* «младший», *уо-* «ребенок», *дй* — уменьшительный суффикс), что означает «милочка».

7) *ама:* — отец.

В колымском диалекте «отец» обозначается термином *эт'из*, который, несомненно, более древнего происхождения, чем слово *ама:*, заимствованное от тунгусов. *Эт'из* может быть сопоставлен с монгольским *эцигэ* «отец»⁸.

8) *Эн'из* — мать.

Кроме данного слова, заимствованного от тунгусов, раньше, по-видимому, употреблялся термин *и:ха:*. Можно предполагать, что последний близок к бурятскому *ибиц* «мать».

Термин *āmй* (к. д.) «мать». В. И. Иохельсон связывает с глаголом *а:* «производить», откуда *а:* — *мэ* «тот, который производит».

Обращает на себя внимание сходство этого термина с маньчжурским *эмэ* «мать».

9) *Хашд'а*: ~ *хойд'а*: — старший брат матери.

В. И. Иохельсон, как уже говорилось, для обозначения старшего брата матери приводит термин *хайт'из* «дед».

⁴ В. И. Иохельсон, Материалы по изучению юкагирского языка..., стр. 238.

⁵ К. М. Черемисов, Бурят-монгольский словарь, М., 1961.

⁶ Е. А. Крейнович, Юкагирский язык, М.—Л., 1958, стр. 235.

⁷ Корневой элемент *э-* напоминает маньчжурское *э*, означающее женское начало. Он входит в состав ряда терминов родства тунгусо-маньчжурских и других народов. См.: В. И. Цинциус, Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов, Уч. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л., 1965, т. 269, стр. 209—227.

⁸ Е. А. Крейнович, Указ. раб., стр. 244.

10) *Т'амийа*: — старшая сестра матери. Термин, как нам кажется, состоит из компонентов: *т'ама ~ т'омо* «большая» и *и:йа: ~ и:уа:* «мать». В. И. Иохельсон приводит этот термин в форме *ч'амм'ай* (к. д.) и считает, что второй его частью является *āmāi* «мать».

11) *Хавд'идиз ~ хойд'идиз* — младший брат матери.

Данный термин можно перевести как «маленький *хавд'а:*», где *-диз* — уменьшительно-ласкательный суффикс.

Младший брат матери в колымском диалекте, по В. И. Иохельсону, значит «маленький дед» (*хоца* или *хоцад'ид*).

12) *Йа:диз* — младшая сестра матери.

Возможно, этот термин состоит из *и:йа: ~ и:уа:* «мать» и уменьшительного суффикс *-диз*. В таком случае этимологически данный термин означает «маленькая мать».

У колымских юагиров, сообщает В. И. Иохельсон, есть термин *німдіātāk*, также означающий «маленькая мать».

13) *Ака*: — старший брат, сын старшего брата (или сестры) отца (или матери).

Термин *ака*: тунгусского происхождения. В настоящее время он почти окончательно вытеснил слово *койдиз*, состоящее из *кой* «мужской», «мужчина» и *-диз* — уменьшительный суффикс. Изредка употребляется также термин *т'анмэ* «старшой».

14) *Экэа* — старшая сестра, дочь старшего брата (или сестры) отца (или матери).

Данное слово также заимствовано от тунгусов. В колымском диалекте ему соответствует *пабā, абуцā, абуј*. В. И. Иохельсон считает, что *пабā* является удвоением слова *пай* «женщина». Отметим, что в тундренном диалекте имеется слово *пайпэ* «женщина», где *-пэ* — показатель мн. числа.

15) *Эмд'э* — младший брат, младшая сестра, дети младшего брата (или сестры) отца (или матери).

Этот термин является общим для обоих диалектов.

16) *Адцо* — сын, сын брата (или сестры). Состоит из элементов: *адил* «юноша», *уо* «ребенок».

17) *Мархил'* — «дочь». Употребляется, однако, главным образом в значении «девушка».

18) *Махл'уо ~ мархл'уо* — дочь старшей сестры (или брата), дочь младшей сестры (или брата). Состоит из *мархил'* «девушка», *уо* «дитя».

19) *Уодуо* — сын (дочь) сына (дочери). Состоит из *уо* «дитя», показателя *-д*, *уо* «дитя».

20) *Пулийэ*: а) муж старшей сестры; б) муж младшей сестры отца, муж младшей сестры матери.

В. И. Иохельсон указывает, что этот термин обозначает не только мужа старшей сестры, но также младшего брата жены и младшего брата мужа.

21) *И:диз*: а) жена старшего брата; б) жена младшего брата отца, жена младшего брата матери.

В колымском диалекте сходный термин *јәд'ид* или *әд'ид*, согласно В. И. Иохельсону, обозначает только жену старшего брата.

22) *Н'а:йл*: а) жена сына; б) жена младшего брата и т. д.

В. И. Иохельсон приводит термин *ніал* (к. д.) того же значения. При этом он отмечает, что, если в тундренном диалекте термин *н'а:йл* по существу обозначает почти всех родственников по браку, то в колымском диалекте имеется еще термин *пог'ил*.

Действительно, у тундренных юагиров *н'а:йл* может обозначать всех родственников, которых нужно «избегать» (надо при этом отметить, что отца мужа и отца жены называют *хайт'изп*, где к слову *хайт'из* «дед» присоединен *-пэ* — показатель мн. числа, следовательно, *хайт'изп* значит «деды»). Вообще всех *н'а:йл*, более старших по возрасту, чем говорящий, обозначают термином, которым дети этих лиц называют говорящего. Разница лишь в том, что при обозначении лиц, принадлежащих *н'а:йл*, к основе термина родства присоединяется показатель мн. числа. Лиц же моложе говорящего называют описательно, например, Татуор-ача:п «отцы Татора» (Татуор — имя старшего ребенка человека по имени Татуор-ама:п), Татуор-эи'изп «матери Татора» (имя женщины, у которой дитя по имени Татуор).

В приведенную таблицу не вошли термины *кэл'ил* и *н'а:йгонмэ*. В отношениях *кэл'ил* приходится люди, женившиеся на женщинах, являющихся сестрами. Термином *н'а:йгонмэ* называют друг друга женщины, мужья которых входят в «мое поколение» (т. е. жены лиц, принадлежащих друг другу братьями). Последний термин состоит из компонентов *н'а:йл*, *-н* — показатель обобщенности, *конмэ* «друг».

Термины родства и свойства

Мужчины

2-е восходящее поколение	хайт'иэ	- отец отца - брат отца отца - отец матери - брат отца матери - муж сестры отца отца - муж сестры отца матери - муж старшей сестры отца - муж старшей сестры матери - отец мужа - отец жены - отец
1-е восходящее поколение	хайт'иэп ама: т'умуот'иэ от'идиэ хавд'а: хавд'идиэ	- старший брат отца - младший брат отца - старший брат матери - младший брат матери - муж младшей сестры отца - муж младшей сестры матери - муж дочери старшего брата отца - муж дочери старшей сестры отца - муж дочери старшего брата матери - муж дочери старшей сестры матери - муж старшей сестры
Мое поколение	пулийэ ака: конмэ, пэлдудиз, кодэ т'умуот'иэп хавд'а:п эмд'э	- старший брат - сын старшего брата отца - сын старшей сестры отца - сын старшего брата матери - сын старшей сестры матери - муж - старший брат мужа - старший брат жены - младший брат - сын младшего брата отца - сын младшей сестры отца - сын младшего брата матери - сын младшей сестры матери
1-е нисходящее поколение	н'а:йл	- муж младшей сестры - муж дочери младшего брата отца - муж дочери младшей сестры отца - муж дочери младшего брата матери - муж дочери младшей сестры матери - муж дочери - муж дочери старшего брата - муж дочери младшего брата - муж дочери старшей сестры - муж дочери младшей сестры - сын - сын старшего брата - сын младшего брата - сын старшей сестры - сын младшей сестры
2-е нисходящее поколение	адуо уодуо	- сын сына - сын дочери

Термины родства и свойства

Женщины

2-е восходящее поколение	абут'изэ	- мать отца - мать матери - сестра матери матери - жена брата отца отца - жена сестры отца матери - жена старшего брата отца - жена старшего брата матери
1-е восходящее поколение	абут'изэ эн'изэ эпизэ эвд'уо т'амийа: йа:диэ и:диэ	- мать мужа - мать жены - мать - старшая сестра отца - младшая сестра отца - старшая сестра матери - младшая сестра матери - жена младшего брата отца - жена младшего брата матери - жена сына старшего брата отца - жена сына старшей сестры отца - жена сына старшего брата матери - жена сына старшей сестры матери - жена старшего брата
Мое поколение	экыа мирийэ, эпанала: эпизэ т'амийа:п эмд'э н'а:йл мархил' махл'уо уодуо	- старшая сестра - дочь старшего брата отца - дочь старшей сестры отца - дочь старшего брата матери - дочь старшей сестры матери - жена - старшая сестра мужа - старшая сестра жены - младшая сестра - дочь младшего брата отца - дочь младшей сестры отца - дочь младшего брата матери - дочь младшей сестры матери - жена младшей сестры - жена сына младшего брата отца - жена сына младшей сестры отца - жена сына младшего брата матери - жена сына младшей сестры матери - жена сына - жена сына старшего брата - жена сына младшего брата - жена сына старшей сестры - жена сына младшей сестры - дочь - дочь старшего брата - дочь младшего брата - дочь старшей сестры - дочь младшей сестры - дочь сына - дочь дочери
1-е нисходящее поколение		
2-е нисходящее поколение		

М. Я. Мельц

**НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ
ФОЛЬКЛОРНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ
П. К. СИМОНИ**

Одним из наиболее значительных библиографических печатных трудов члена-корреспондента АН СССР П. К. Симони (1859—1939), крупного филолога, много сделавшего по библиографии русского фольклора, был вышедший в конце XIX в. справочник «Русский язык в его наречиях и говорах»¹, замысел которого созрел намного раньше. Сразу после окончания университета, т. е. в 1886 г., он задумал дополнить и опубликовать вторично «Литературу русской библиографии» Г. Н. Геннади. «Я, конечно, знал,— пишет Симони в автобиографической заметке,— что Межов пополнил этот труд, но работа иногда останавливалась и прерывалась и прекратилась со смертью. Таким образом, у меня набралось много карточек по истории библиографии, по истории типографий, ...кашей этнографии и фольклора. Сюда же примыкает моя затея в 7-ми выпусках издать полную литературу предмета по русскому языку, особенно народному и областному, появившихся в печати образцов такого языка и памятников народности словесности»².

Эти выпуски должны были, по мысли автора, суммировать сведения о русской, белорусской и украинской диалектологии, осветить труды о древнерусском языке и его истории, дать обзор работ по славяно-русской палеографии и библиографии, включить перечень старинных грамот и рукописей подобного характера по общерусскому литературному языку, раскрыть историю русской лексикографии вообще. Первый выпуск предполагалось разделить на две части, и вторую посвятить вопросам фольклора.

Из обширного плана Симони удалось реализовать только один раздел — выпустить перечень отечественных лингвистических материалов. В первом выпуске первой части библиографии Симони учтено значительное количество фольклорных исследований, содержащих сведения о народном языке. Учтены, например, труды И. П. Сахарова «Песни русского народа» и «Сказания русского народа» (№ 23 и 28), работы А. И. Соболевского «К вопросу о прозвище былинного Ильи» и «Великорусские народные песни» (№ 80 и 169), причем после описания работ приводятся цитаты, раскрывающие лексический состав устнопозитических произведений.

Но автор готовил специальный обзор, который должен был содержать «перечень изданий и сборников памятников народного (устного) творчества, посвященных им исследований, справочных изданий..., трудов библиографического характера и т. д.»³.

Потребность в сводке фольклорной литературы была настолько велика, что ставился вопрос о скорейшей публикации хотя бы одного из разделов указателя. А. А. Шахматов, товарищ председательствующего в Отделении этнографии Русского географического общества, писал Симони 19 декабря 1899 г. о намерениях председателя Сказочной комиссии С. Ф. Ольденбурга: «Увижусь с Сергеем [Федоровичем] и распрошу его, какое он сделал Вам предложение. Я понял из его слов, что он хочет предложить Вам напечатать ту часть Вашего труда, которая касается сказок, в изданиях географического общества». Вопрос сводится, думаю, только к тому, разбивать ли Вам труд или нет. Если Вы найдете, что разбивать его неудобно, мы все поймем основательность Ваших соображений. Если же Вы согласитесь передать часть Вашей статьи (разумеется под Вашим именем и под Вашей редакцией) Сказочной комиссии, мы поймем это как желание Ваше поддержать деятельность этой комис-

¹ П. К. Симони, Русский язык в его наречиях и говорах. Опыт библиографического указателя трудов, касающихся русской диалектологии и истории языка, с присоединением указаний на исследования, издания и сборники памятников народного творчества, вып. 1, ч. I — «Великорусское наречие». 1. Общая часть (№ 1—108): труды по диалектологии, исследования по народному великорусскому языку, словари, программы и библиография, «Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1896, т. I, кн. 1, стр. 117—178; кн. 2, стр. 400—437. Отд. издание — СПб., 1899, 96 стр.

² Центральный государственный архив литературы и искусства (далее ЦГАЛИ), ф. 461, оп. 1, № 2, запись от 28 июня 1926 г.

³ П. К. Симони, Русский язык в его наречиях и говорах..., 1896, стр. I.

сии»⁴. Вероятно, ответ был отрицательным, так как в изданиях РГО работа напечатана не была.

Тщательно собирая материал для фольклорной части первого выпуска библиографии, Симони обращался за помощью и советом ко многим коллегам, в том числе к А. Н. Пыпину. «Особенно меня интересуют,— писал он Пыпину о его работах,— последние статьи, исследующие вопросы направлений в изучении русск[ой] народной устной словесности, которых я еще не видал»⁵.

В июне 1896 г. Отделением русского языка и словесности Академии наук была отправлена официальная бумага за подписью председательствующего Отделения П. А. Бессонову, профессору Харьковского университета, с просьбой помочь П. К. Симони в сборе сведений о фольклорных материалах⁶.

Интенсивный сбор данных продолжался ряд лет. В мае 1898 г. Симони сообщил М. Н. Сперанскому: «Историографию» русской словесности думаю заняться летом, а также подвинуть библиографию статьи «Русский яз[ык] в его наречиях и говорах», теперь на очереди издания памятников устного народного творчества»⁷. Зимой и осенью 1899 г. составитель часто адресовался с запросами к В. И. Ламанскому, председательствующему в Отделении этнографии Русского географического общества, для получения ряда книг, изданных Обществом. Среди просимых им сборников указаны все тома записей П. П. Чубинского, составивших труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, тексты, записанные В. Н. Добровольским, два выпуска песен, собранных Ф. М. Истоминым, комплект «Живой старины»⁸.

С 1900 г. Симони начал работать с русскими печатными изданиями XVIII—XIX вв., собранными коллекционером М. Н. Лонгиновым. Ознакомиться с книгами ученому помог В. Н. Рогожин. «К Вам очень усердная покорнейшая просьба,— читаем в письме Симони к Рогожину от 8 мая 1900 г.,— не откажите собрать сведения и написать мне о том, как проникнуть или найти доступ к библиотеке пок[ойного] М. Н. Лонгинова. Для продолжения своего библиограф[ического] труда о русском языке в его наречиях и говорах, я думаю в конце лета предпринять специальную поездку с этой целью в Москву и ее уезды»⁹. В июне Симони повторяет свою просьбу: «Бога ради устройте мне доступ к библиотеке Лонгинова. Когда туда можно проникнуть? У меня такая цель: хочется на месте перебрать старинные песенники русские, которые были у Лонгинова и, вероятно, сохранились, чтобы дать их библиографическое описание в моем библиографическом труде „Русский язык в его наречиях и говорах“»¹⁰. Благодаря протекции Рогожина, ученый был представлен княгине А. М. Козловской, дочери и наследнице покойного библиофила, получил ее согласие, и в течение десяти лет регулярно каждый год во время своего летнего отпуска разбирал и каталогизировал это ценнейшее книжное собрание, хранившееся в семейном имении — селе Ивановское-Козловское близ Москвы¹¹. Работа в библиотеке Лонгинова значительно обогатила фольклорно-библиографические познания исследователя.

Кроме того, В. Н. Рогожин, который долгое время подбирал различные песенные издания и всевозможные сообщения о них в старинной печати¹², оказал Симони большую помощь, рассказывая о результатах своих источниковедческих изысканий. Рогожин всячески старался удовлетворить научную любознательность своего петербургского друга: «Просматривал отчеты Им[ператорской] публичной библиотеки,— писал он, например, 5 января 1901 г.,— и нашел в них описания нескольких сборников песен, которые могут быть для Вас интересны... Я счел долгом сделать краткую выписку этих описаний для Вашего просмотра, которую при сем и прилагаю»¹³. Через несколько дней следовало новое известие: «Зная, что Вы интересуетесь присловьями и пословицами народными, а также загадками, для Вашего сведения сообщаю, быть может, неизвестную Вам статью, случайно на нее набрел, а именно «Народные игры, загадки,

⁴ Государственный исторический музей (далее ГИМ), отдел писем. источников, ф. 37, № 94, л. 65.

⁵ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее ГПБ), отдел рукописей, ф. 621, № 773, л. 19 об. В том же письме Симони справлялся о судьбе рукописного материала песенного собрания П. В. Киреевского, содержащего бытовые и лирические тексты и перешедшего в распоряжение П. А. Бессонова, запрашивал о найденных материалах Кириши Данилова, сообщал о публикации третьей части причитаний Е. В. Барсова в типографии Московского университета.

⁶ Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 691, л. 3 об. Симони очень интересовался книгами и рукописями П. А. Бессонова. Так, в феврале 1908 г. он специально информировал А. А. Шахматова о судьбе библиотеки умершего к этому времени П. А. Бессонова, которую купил известный антиквар П. П. Шибанов (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 1393, л. 211 об.).

⁷ Там же, ф. 172, оп. 1, № 211, л. 10 об.

⁸ Там же, ф. 35, оп. 1, № 1297, лл. 4 и 7.

⁹ ГИМ, отдел писем. источников, ф. 37, № 77, л. 16 об.

¹⁰ Там же, л. 22 об.

¹¹ Обработка книжного собрания М. Н. Лонгинова, проделанная П. К. Симони, забота его о судьбе этой библиотеки должны послужить предметом особого изучения.

¹² ГИМ, отдел писем. источников, ф. 37, № 77, л. 22.

¹³ Там же, л. 51 об.

анекдоты и присловия жителей Суджанского и Рыльского уездов», статья эта напечатана в Курских губернских ведомостях в 1853 г.»¹⁴. Московский библиофил снабжал Симони также книгами из личной библиотеки¹⁵, присылал ему оригинальные библиографические известия¹⁶.

Многие исследователи и собиратели фольклора знали о подготовке специального выпуска фольклорного справочника, с нетерпением ждали его выхода и также старались всячески помочь составителю, сообщая о редких и малоизвестных публикациях. Сохранилось, например, письмо белорусского этнографа Н. Я. Никифоровского, отправленное им из Витебска 22 декабря 1899 г.: «При посредстве редакции наших «Ведомостей» я вчера выслал Вам только что вышедшее в свет «Описание предметов древности» Витебского церковно-археологического древлехранилища, с тем, чтобы обратить Ваше внимание на отделы Б (рукописи) и В (книги печатные). Что из сих отделов будет существенно для Вашего библиографического труда и вызовет необходимые дополнения (выписки, цитаты), про то благоволите сделать помин-указание на страничку «Описания» и № предмета — и я немедленно же пришлю Вам вызываемое библиографическое дополнение»¹⁷. В 1902 г. ученым было получено сделанное П. А. Ровинским описание старинных книг, находящихся у одного из сербских профессоров¹⁸.

Постепенно у Симони скапливался большой материал для запланированной библиографии. В архиве исследователя сохранились многочисленные карточки со сведениями о публикации текстов сказок, песен и былин¹⁹, репродукции и иллюстрации по темам «Русские народные сказки»²⁰, «Пословицы и поговорки»²¹, подборки данных о текстах и нотных записях русских и украинских песен²², о народной музыке и музыкантах²³, отски статьи, вырезки из журналов о сказочниках и народных певцах²⁴, почтовые открытки, посвященные бандуристам и лирникам²⁵, выписки и заметки о лубочных картинках²⁶, о скоморохах и театре Петрушки²⁷, народных гуляниях²⁸, масленице²⁹, гаданиях и колядовании³⁰, о знахарях и колдунах³¹.

Но возможностей для публикации всей работы не было, и тогда пришлось реализовывать собранные сведения по частям. Так, обширные библиографические данные о печатных и рукописных коллекциях народных изречений XVIII—XIX вв. были приведены в предисловии к первому выпуску «Сборника старинных пословиц»³².

Ученый предполагал снабдить справочным указателем и другие свои фольклорные публикации — сказания о киевских богатырях, песни, записанные для Ричарда Джемса и др. «Готовится у меня издание песен Джемса 1618 г., — писал Симони П. А. Ровинскому 5 июня 1901 г., — а перед этим в виде введения будет дан перечень всех отрывков из песен, пословиц и народных сказаний из летописей и рукописей, на-

¹⁴ Там же, л. 53 об.

¹⁵ Так, в 1902 г. П. К. Симони просил В. Н. Рогожина выслать шесть частей новиковского издания песен 1780 г., различные русские песенники с нотами, особенно in 4°, первое издание Праща с нотами in 8° и с картинками (ГИМ, отдел письм. источников, ф. 37, № 77, л. 98 и об.).

¹⁶ В одном из писем содержится копия публикации в «Московских ведомостях» (1798, № 80, стр. 1503) о продаже на комиссии в мануфактуре гг. Яковлевых сборника русских песен с нотами для фортепиано в 4-х частях, напечатанного в Петербурге (ГИМ, отдел письм. источников, ф. 37, № 77, л. 102).

¹⁷ Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, рукоп. отдел, Р. В. колл. 59, п. 5, № 11, л. 1 об.

¹⁸ Архив АН СССР, ф. 123, оп. 1, № 51, лл. 1—2.

¹⁹ ГИМ, отдел письм. источников, ф. 37, № 190, лл. 59—169.

²⁰ Там же, № 187.

²¹ Там же, № 71, лл. 1—130; Государственная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 362.

²² ГИМ, отдел письм. источников, ф. 37, № 571, лл. 1—34.

²³ Там же, № 568, лл. 1—250.

²⁴ Там же, № 188, лл. 1—21.

²⁵ Там же, № 567, лл. 1—33.

²⁶ Там же, № 321, лл. 44—125; № 718, лл. 1—18.

²⁷ Там же, № 189, лл. 1—166.

²⁸ Там же, № 691, лл. 1—56.

²⁹ Там же, № 735, лл. 1—77.

³⁰ Там же, № 736, лл. 1—57.

³¹ Там же, № 737, лл. 1—32.

³² «Сборник старинных пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати П. Симони», вып. I. СПб., 1899, стр. I—IX, XI—XIII (см. об этом в статье: М. Я. Мельц, П. К. Симони — собиратель и издатель русского фольклора, «Очерки истории русской этнографии, антропологии и фольклористики», вып. III, М., 1965, стр. 170). Обзор Симони настолько научно значим, что может служить основой для оценки различных работ в области русской паремологии. См., например, исследование А. Запалова «Журнал М. Д. Чулкова „И то и сие“» (в кн.: «XVIII век», сб. 2, М.—Л., 1940, стр. 128—132), в котором рассматривается деятельность Чулкова по сбору и использованию образной народной речи.

чина, значит с XIII столетия]; отдельно готовлю издание списков Задонщины с XV—XVII в. (3 столетия)], затем перечень всех рукописных записей памятников (устного) народ[ого] творчества с XV—1850-ые годы. В приложении издам несколько списков XVII в. (стиха о голубиной] книге, заговоры и проч.)»³³.

К сожалению, и этот замысел не удалось претворить в жизнь целиком. Во вступительной статье к книге «Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса» содержится лишь перечень изданий, воспроизводивших некоторые из песен, а также рассмотрены предыдущие публикации материалов Джемса³⁴. Но автор уведомляет читателей о своей старой мечте — издании особого труда, который готовился параллельно с другими работами. Для него прибегались «наиболее ценные библиографические заметки и извлечения материалов». «Я его, — пишет Симоны, — окрестил так: «К истории записывания, хранения, собрания и изучения памятников русской народной-поэтической старины и языка. Справки и материалы». Все-таки не теряю надежды при первой возможности обработать собранные материалы для печати. Пока же пользуюсь ими при составлении примечаний к печатаемому мною новому изданию малодоступного песенника М. Д. Чулкова «Собрание разных песен» (СПб., 1770—1774 гг., ч. I—IV), известного только в одном-двух неполных экземплярах»³⁵. Может быть, к этой предполагаемой работе относится указание в одной из ранних автобиографий ученого: «Попутно готовлю перечни старых песенников, указатели к старому песенному инвентарю»³⁶.

Симоны пытался часть собранного материала обнародовать в виде годового обзора филологических и этнографических публикаций. Сохранилось письмо ученого от 7 декабря 1907 г. к А. А. Шахматову: «Мне очень бы хотелось составить за 1907-ой год библиографический список наиболее ценного из отдельных книг и статей по изучению у нас русск[ого] языка, истории русск[ой] письменности, словесности, фольклора, русск[ого] права и т. д. за год, распределив по предметам, указать рецензии и в конце общий указатель авторов и предметный. Может быть, можно было печатать в Известиях раз* 3—4 в год [или] в виде ежегодника архива за каждый прошедший год. К пасхе можно было бы подготовить 1-й выпуск, а может быть, и ранее. При таком библиографическом издании можно было бы печатать и мелкие сообщения о научных книгах и их предприятиях. Мог бы быть и особый независимый еще ежегодник по изящной литературе»³⁷. Однако это предложение в Отделении русского языка и литературы Академии наук поддержки не получило и картотека собирателя продолжала пребывать только в его личном пользовании.

Через четыре года Симоны направил в то же Отделение Академии наук официальное предложение о печатании составляемого им указателя по устной поэзии. Это было связано, вероятно, с тем, что именно к 1911 г. стала ясна судьба справочных материалов А. Н. Пыпина, подготовившего обширную библиографию по этнографии и фольклору за XVIII—XIX вв. С 1904 г., после смерти академика, заботу об издании этого труда взял на себя Е. А. Ляцкий, однако не сумел довести дело до конца. Печатание указателя оборвалось на первых трех листах, громадные картотеки Пыпина пришли в беспорядок и оказались недоступными для изучения³⁸.

П. К. Симоны готовил свой труд «Русский фольклор, материалы для его изучения. Библиографический обзор» на основании старинных рукописей, начиная с XV—XVI вв., печатных книг и статей позднего времени, вплоть до газетных публикаций последних лет. Работа должна была содержать в хронологическом порядке данные о русской, украинской и белорусской народной поэзии. Предполагалось завершить указатель обширным справочным аппаратом «для удобства обозрения и скорых справок»³⁹. Предложение ученого одобрили, и было вынесено решение печатать труд Симоны в «Сборнике» Отделения, однако обзор так и не вышел в свет.

³³ Архив АН СССР, ф. 123, оп. 2, № 67, л. 4.

³⁴ П. К. Симоны, Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства, СПб., 1907, стр. V—IX.

³⁵ П. К. Симоны, Великорусские песни, записанные для Ричарда Джемса..., стр. 7, приложение.

³⁶ ГПБ, отдел рукописей, ф. 696, № 17, л. 7. Сохранился список фольклорных изданий, составленный П. К. Симоны, и черновик письма от 20 августа 1900 г. с просьбой выслать из разных библиотек указанные сборники песен в Академию наук для временного пользования — «Солдатский песенник» 1791 г., «Самый новейший и отборнейший московский и санкт-петербургский песенник, издания Вас. Глазунова», М., 1799 и др. (Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 761, лл. 2—3 об.). П. К. Симоны хорошо знал не только печатные, но и рукописные песенные подборки. Так, ему была известна коллекция поэта пушкинского времени Д. П. Ознобишина (1804—1877), составленная в 20—40-х годах XIX в. Лучшие записи баллад из этого собрания Симоны передал В. И. Чернышеву, который включил их впоследствии в свою книгу «Русская баллада» (Л., 1936), см. Предисловие, стр. VII.

³⁷ Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 1393, л. 208 об.

³⁸ Подробнее см.: М. Я. Мельц, «Указатель русской этнографической литературы» А. Н. Пыпина, «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 149—155.

³⁹ См. докладную записку, прочтенную на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук 12 декабря 1911 г. «Извлечения из протоколов заседа-

Составитель настойчиво продолжал собирать материал, пополняя свой перечень новыми данными. «Беспокою Вас усерднейшею просьбой,— читаем в письме к Д. К. Зеленину от 24 ноября 1912 г.,— не можете ли Вы указать, где я мог бы приобрести описания этнографических рукописей и[мператорского] р[усского] геогр[афического] общ[ества] по разным губерниям? Ваши труды в столь интересующей меня области столь важные»⁴⁰.

С частыми запросами обращался Симион в Москву к секретарю Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Е. Н. Елонской, которая относилась к нему крайне внимательно.

«Посылаю Вам библиографический указатель по народн[ой] сл[овесности] и большую статью одного из членов комиссии»,— сообщала, например, Елонская 21 августа 1914 г.⁴¹

П. К. Симион старался хотя бы частично реализовать собранные им данные. Так, 16 декабря 1916 г. он прочитал в Русском библиологическом обществе доклад «Русские лицевые листы писанные и печатные XV—XVIII вв. и торговля ими в Москве». Опубликованный план выступления раскрывает источниковедческий уклон сообщения⁴².

Однако ученого не оставляла надежда опубликовать полностью свою библиографию. 10 октября 1917 г. он снова обращается с докладной запиской в Отделение русского языка и словесности Академии наук, подробно освещая проделанную работу по составлению фольклорного указателя и сообщая о своих дальнейших намерениях: «В конце 1911 года мною было предложено Отделению русского языка и словесности и принято предложение приступить к приготовлению для печати библиографического труда по намеченному мною плану, который тогда же был одобрен Отделением. Это был начатый мною труд под заглавием «Русский фольклор, материалы для его изучения». Библиограф[ический] обзор, посвященный перечислению и описанию как старинных рукописей, начиная с XV—XVI века и далее, так и печатных книг, и статей в журналах и газетах, в конх находятся записи пословиц, загадок, заговоров, сказок, песен, духовных стихов, былин, старин (богатырских) и исторических песен, а также повестей, сказаний, гисторий и т. д. Сюда же должны быть присоединены указания на старинные русские обряды, обычаи и приметы, снотолкования и всякого рода поверия, как, напр[имер], из исторических и этнографических описаний, синодиков, кормчих и т. под. Главный же предмет настоящего труда — русский фольклор (нар[одная] поэзия).

Этот труд при обработке к печатанию должен быть разделен на несколько частей: 1) Перечень указанного выше материала, находимого в рукописях, краткое перечисление статей сборника, в котором находится тот или иной текст, затем более уже подробное описание всех листов и тетрадей, на которых находится заносимый в список текст. Попутно предполагаю снимать вновь копии с записей былин и повестей о богатырях (XVII—XVIII вв.).

2) Перечень печатных изданий в книгах и журналах (до 1900 года) памятников устного народного творчества, расположенных в хронологическом порядке самых изданий, из конх делаются мною извлечения. Должно быть указано содержание или оглавление статей, вошедших в собрание, а иногда и возможные извлечения и выписки.

3) Почти с начала XVIII-го века начались у нас суждения ученых и любителей песен, сказок и других памятников устного народного творчества и народного языка и музыки, то желательно в настоящем отделе собрать выборки из разных трудов наших и историков и других ученых, мнения и сообщения их относительно народной поэзии и проч. Должны быть отмечены все такие труды, в которых нашелся бы подходящий для целей настоящего труда материал. Далее должно указывать везде оглавление или содержание ученых исследований о народном устном творчестве и словесности.

и 4) В издание вводятся в хронологическом порядке все сведения о русском, т. е. великорусском, малорусском (украинском, галицко-русском, угорско-русском) и белорусском фольклоре.

Для того, чтобы означенная работа моя подвинулась — необходимы более или менее продолжительные занятия в российском историческом и румянцевском музеях в Москве, так как собрания Забелина, Барсова, гр. Уварова и Вахрамеева и некоторые другие сосредоточены именно в Москве, а равно печатные книги таких собраний, как

ния Отделения русского языка и словесности Академии наук», «Изд. АН», 1912, серия VI, № 5, стр. 410—411. Краткая перепечатка — «К библиографии по фольклору», «Этнографическое обозрение», 1912, кн. 1—2, стр. 291.

⁴⁰ ГИМ, отдел письм. источников, ф. 37, № 47, л. 42.

⁴¹ Там же, № 46, лл. 20, 22.

⁴² «Листы и листовые собрания.— Старые русские лицевые листы.— Листы потешные, заморские, писанные и копии с них, деланные русскими мастерами.— Гравированные листы иноземные и русские.— Книжная гравюра и лубочные картинки.— Время Петра Великого.— Семья Куприяновых.— Библиотека.— Торговля листами всякого рода в Москве.— Спасский мост, как средоточие картинной и книжной торговли и «всенародного» просвещения». См. «Доклады и отчеты Русского библиологического общества», вып. 4, 1915—1916, Пг., 1917, стр. 48.

Щапова, Дмитриева, Рогожина, Московского университета (особенно за 1820-ые годы единственный у нас там подбор изданий).

Ввиду сего имею честь обратиться с покорнейшею просьбою к Отделению, не признает ли оно возможным командировать меня в Москву для упомянутой работы, важность коей едва ли кто пожелает оспаривать»⁴³.

Намеченная программа поражает своей грандиозностью и обширностью, требующей для выполнения в короткий срок усилий не одного библиографа, а целого коллектива. Проект Симони по максимальному варианту принят не был.

П. К. Симони обращался к А. А. Шахматову с предложениями о работе меньшего объема: «Я бы с великим удовольствием взялся составить список и описание всех рукописей сказок, былин, песен дух[овных] стихов, пословиц и т. под., если бы Отделение нашло возможным напечатать его в Известиях или в Сборнике... Сперва бы список рукописных, а затем и печатных. Очень бы Вы меня обрадовали, если бы нашли возможным пристроить эту давнишнюю мою затею в одном из изданий Отделения... Список печат[ных] песенников XVIII—XIX в. у меня уже сделан, лишь немного еще нужно его дополнить. Тексты сказок я бы собрал вскорости. Вся моя работа распалась бы на 3 части: 1) перечень рукописей с былинами, сказками, песнями, старыми повестями (?), пословицы (сборники) и т. д.; 2) перечень печатных; а) сборников, б) исследований; 3) история собирания и изучения их с XVII—XIX в.»⁴⁴. Но и этот план не был претворен в жизнь. В 1928 г. К. Симони от имени Этнографической комиссии АН УССР обратился академик А. М. Лобода с просьбой помочь в подготовке библиографии украинского фольклора⁴⁵. Материалы Симони были нужны А. Е. Андриевскому, который с 1925 г. вел в Киеве большие источниковедческие разыскания под руководством Лободы⁴⁶. Однако П. К. Симони ограничился лишь высылкой нескольких книг в дар библиотеке Этнографической комиссии⁴⁷. Симони до последних лет продолжал сбор данных о народно-поэтических публикациях. Так, в 1935 г. им был послан запрос Д. К. Зеленину о новых работах немецких музыковедов, занимавшихся изучением славянских гусель⁴⁸.

Все это приводит к мысли, что Симони, видимо, не подготовил окончательно для печати своих библиографических заготовок: он лишь скопил большой фактический материал. В автобиографических записках ученый говорит о собранных сведениях для всех семи разделов указателя, но, как подчеркнуто им самим, работа остановилась на публикации первой части первого выпуска «Русского языка в его наречиях и говорах»⁴⁹. Лишь в одном из многочисленных списков работ Симони, составленных им в разные годы для тех или иных целей⁵⁰, имеется указание на «Обзор трудов по великорусскому фольклору XVIII—XIX в.» в разделе «Материалы, рукописи, доклады»⁵¹.

По воспоминаниям дочери ученого — М. П. Симони, несколько длинных деревянных ящиков с библиографическими карточками, оставшихся после смерти ее отца, было сожжено во время блокады в ленинградскую зиму 1941/42 года. Так как просмотр рукописного наследия П. К. Симони, которое находится в крупнейших архивах нашей страны⁵², а также у его дочери в Ленинграде, не дал никаких результатов, следует, видимо, считать, что черновики указателя по устному творчеству утеряны.

Сохранившиеся проекты нереализованного труда помогают многое понять в истории замысла Симони и подсказывают новым исследователям отечественной народной поэзии и истории русской библиографии ценный материал по фольклору и фольклористике.

⁴³ Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 1060, лл. 30—31.

⁴⁴ Там же, ф. 134, оп. 3, № 1394, л. 65 об.

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 2, № 291, л. 1.

⁴⁶ Работа эта превратилась в обширное справочное пособие. См.: О. Е. Андриевський, *Бібліографія літератури з українського фольклору*, т. I, Київ, 1930, 823 стр. (Всеукраїнська Академія наук. Етнографічно-фольклорна комісія. Матеріали до історії української етнографії. За ред. акад. А. Лободи).

⁴⁷ Официальная благодарность была выражена Симони секретарем комиссии В. В. Библием 10 октября 1928 г. См. ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 2, № 291, л. 2.

⁴⁸ Там же, № 93, л. 5.

⁴⁹ Там же, ф. 461, оп. 1, № 2, запись от 28 июня 1926 г.

⁵⁰ См., например, ГИМ, отдел письм. источников, ф. 37, № 2, лл. 1—13; ГПБ, отдел рукописей, ф. 696, № 20, лл. 1—30.

⁵¹ Список трудов П. К. Симони, стр. 2. Машинопись хранится у дочери ученого М. П. Симони.

⁵² ЦГАЛИ, ф. 461, 379 единиц хранения; ГПБ, отдел рукописей, ф. 696, 79 ед. хр.; ГИМ, отдел письменных источников, ф. 37, 861 ед. хр.; Институт русской литературы АН СССР, рукописный отдел, Р. V, колл. 59, 667 ед. хр.; Государственная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 362, 18 папок. (Подробнее в кн.: «Личные архивные фонды в Гос. хранилищах СССР», П. Н.—Я. М., 1963, стр. 162. См. также: К. И. Бутин, *Рукописное наследие русских библиографов в фондах Библиотеки имени В. И. Ленина, «Сов. библиография»*, 1962, № 3 (73), стр. 95—96; Я. Н. Щапов, *Новые поступления*, в кн.: «Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18, М., 1956, стр. 193—195). В Архиве АН СССР материалы Симони хранятся в разных фондах.

Н. В. Кочешков

ИСКУССТВО РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

В быту монголов дерево всегда играло значительную роль. Несложная техника обработки, доступная почти каждому скотоводу, достаточное количество материала под руками, его относительная легкость и прочность, что так важно при кочевом образе жизни, делали дерево незаменимым в изготовлении многих предметов быта. Из дерева изготовлялись: седла (*эмээл*), остовы юрт (*тооно*), двери (*хаалга*), юртовые столбы (*багана*), сундуки (*авдар*), столики (*тавиур*), кровати (*ор*), полки для посуды (*уухэг*), посуда, божницы (*бурханы ширээ*), музыкальные инструменты, национальные шахматы (*шатар*), игрушки (*тоглоом*) и декоративная скульптура малых форм.

Монгольские резчики (*сийлбэрч*) делились по роду своих занятий и по уровню мастерства на простых ремесленников (*мужаан*) и на мастеров-художников (*урчид*). Такое четкое деление свидетельствует как о давности существования у монголов резьбы по дереву, так и о достаточно развитом эстетическом вкусе народа, умевшего отличать творчество подлинных художников от ремесленных поделок.

В распоряжении монгольских резчиков были различные породы дерева, растущие в Монголии. Лиственница служила для изготовления мебели и для плотницких работ; кедр употреблялся для более ценных изделий, требующих лучшей древесины (например, для изготовления музыкальных инструментов); тополь — довольно твердый, но хорошо поддающийся обработке, — шел на изготовление посуды; из корня березы мастера вытачивали чашечки для кумыса и создавали мелкую скульптуру; для этой же цели годились также наросты и наплывы на дереве; сосна являлась хорошим материалом для изготовления деревянных частей юрты.

Старые мастера были знакомы с различными приемами обработки дерева. Они в совершенстве владели техникой выемчато-плоской, рельефной резьбы и круглой скульптуры. Они выработали за многие века тонкое чувство материала, соразмерности пропорций, навыки ритмического членения орнаментируемых плоскостей. Поколениями резчиков, передававших секреты мастерства от отца к сыну, создан своеобразный стиль художественной обработки дерева, который носит самобытный национальный характер.

Для своих поделок резчики использовали разнообразные инструменты и принадлежностей, отличавшиеся простотой изготовления. Набор таких инструментов нам довелось увидеть осенью 1964 г. в юрте известного резчика, заслуженного деятеля искусств МНР Гэлэгдандара (Арбай-Хэрэ, Убурхангайский аймак). Этот старый мастер (род. в 1899 г.) применяет для обработки дерева следующие инструменты и принадлежности: пилу (*хороо*), топорик (*балит*), долота с полукруглым отверстием (*ховхи*), долота с прямоугольным острием (*цулц*), стамески (*хусуур*), ножи с узкими лезвиями (*харул*), ножи с широкими лезвиями (*балиус*), изогнутый резец для выдалбливания (*ухми*), станок для вытачивания чашек (*эргуул*), напильники для шлифовки дерева (*хуурай*). Для заточки резцов (*ууранэ*) мастер пользуется наждаком.

В художественной артели № 1 г. Улан-Батора мы наблюдали, как работают мастера-резчики.

Мастер Гунд изготавливает шахматные фигуры из кедра. Сначала он маленьким топориком очищает небольшой кусок дерева от сучьев. Этот процесс носит название «*мочих*». Затем он распиливает дерево на части определенного размера. Полученная заготовка (*загас*) обрабатывается долотом и ножом с крупным лезвием. Мелкие детали отделяются резцами и ножом с узким лезвием. Готовое изделие шлифуется и покрывается китайским лаком (*маажин*). Резчик Дугар для получения низкого рельефа на деке моринхура (музыкального инструмента) делает ножом с узким лезвием мелкие надрезы (*цавчаас*). Прорезной орнамент (*цоолбор*) на другом музыкальном инструменте этот же мастер выполняет по специальным трафаретам, сделанным из бумаги¹.

¹ Автор выражает признательность Гэлэгдандару, Гунду, Дугару и другим монгольским резчикам за предоставленную ему возможность ознакомиться с приемами их работы, а также за чрезвычайно ценные пояснения.

Внешний облик и интерьер монгольской юрты создавались руками простых кочевников-скотоводов. При входе в монгольскую юрту первое, что бросалось в глаза,— это небольшой столик (*ширээ*), помещаемый напротив дверей. И за ним — расписной ларец (*авдар*). Это место считалось у монголов самым почетным. На столик прежде ставились бронзовые или деревянные изображения бурханов (святых), чаша с коровьим маслом для возлияний, подставка для курительных свечей (*худж*) и ряд небольших чашечек (*цогц*) с аракой, чаем, хлебными зернами, сыром и прочими жертвоприношениями бурханам. Интересно, что теперь на этот столик ставится радиоприемник и рамки с фотографиями членов семьи и руководителей МНР.

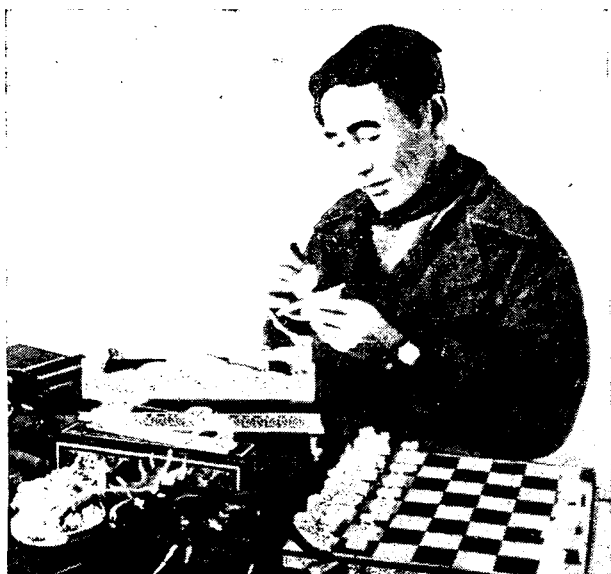

Рис. 1. Монгольский резчик за изготовлением шахматных фигур

Эти столики нередко являются замечательными произведениями народного искусства. Один из таких столиков работы неизвестного мастера конца XIX в. находится в частном собрании монгольского художника Ядамсурэна. Своим контуром ножки этого невысокого столика (высота около 50 см) как бы повторяют очертания роговидного орнамента. Столик сделан с большим вкусом. Крупные декоративные формы, сочная и выразительная резба при отсутствии какой бы то ни было изысканности или дробности отражают высокую эстетическую культуру и национальное своеобразие народного искусства монголов.

Рядом с ларцем в юрте стояла низкая, без ножек, деревянная кровать (*хаша.иган ор*), в изголовье которой лежал туго набитый шерстью валик из цветной ткани. У кровати помещалась деревянная этажерка для посуды (*тавиур*), состоящая из нескольких полок². На полках ставились: ступка для толчения чая (*цайны модон уур*), большая деревянная чаша (*тузрага*), чашечки для кумыса, выточенные из корня дерева (*ундсэн аяга*), чашечки для хранения масел (*цулхан*), скалка (*ганжин*), доска для сушки творога (*дэлгэц*), палочки для еды (*модон савх*) и другая посуда³.

Монгольская народная посуда изготовлялась преимущественно из нароста и корня березы. Посуда, как правило, не украшалась орнаментом. Тщательно полируя поверхность чашек и другой посуды, резчики выявляли естественный узор дерева и его окраску, имеющую различные оттенки от желтоватого до темно-коричневого. Иногда мелкая посуда покрывалась лаком и оправлялась в серебро. Посуда у монголов делилась на повседневную и праздничную, служившую для приема почетных гостей.

Помимо предметов, широко использовавшихся в быту, создавались также национальные музыкальные инструменты, своеобразные шахматные фигуры и декоративная скульптура малых форм.

Одним из самых распространенных в Монголии музыкальных инструментов являлся хур (двухструнный смычковый инструмент), гриф которого украшался резной голо-

² Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II, Материалы этнографические, СПб., 1881, стр. 109.

³ Сообщил Гэлэгдандар (Арбай-Хэрэ, Убурхангайский аймак).

вой коня или, реже, головой дракона⁴. Декор хура обычно исполнялся в технике выемчато-плоской и рельефной резьбы в сочетании с росписью. Нередко этот музыкальный инструмент являлся совершенным произведением народного искусства. Образцом такого хура является инструмент из коллекции МАЭ (Ленинград)⁵. Корпус хура покрыт резным растительным орнаментом, по бокам вырезаны в высоком рельефе стилизованные изображения драконов. Высокий гриф украшен изображениями животных и различными символами, на нижней части грифа вырезаны фигуры двух оленей, стоящих под сенью дерева. Венчают гриф резные головки коней, окрашенные в зеленый цвет. Смычок неизвестный резчик сделал в виде змеи с изогнутой головой. Удачно использованы различные породы дерева. Резонатор хура и гриф вырезаны из лиственницы, головки коней — из кедра, смычок и колки — из березы. Произведение отличается продуманностью композиции, тонкостью декоративной обработки, совершенством исполнения.

Национальные шахматы (*шатар*) отличались от известных европейцам шахмат не только правилами игры, но и своими фигурами. Интересны шахматные фигуры из коллекции МАЭ, исполненные в конце XIX в. Король в этих фигурах изображен в виде хана в монгольском костюме, лев (*арслан*) заменяет ферзя, верблюд (*тэмээ*) — слона, телега (*тэрэг*), запряженная парой лошадей, — ладью; конь (*морь*) представляет целую скульптурную группу в виде лошади с жеребенком, пешки даны в виде солдат (*цэрэг*). Эти шахматные фигуры воспроизводили действительные явления жизни, в них нашли отражение и быт того времени, и мир животных. Художественная выразительность, динамика, реалистическая трактовка разнообразных поз и ракурсов в фигурах лошадей и верблюдов — отличительные черты шахматных фигур, являющихся, по сути дела, произведениями скульптуры малых форм.

Народная декоративная скульптура монголов была до народной революции во многом противоречивой. С одной стороны, в тех произведениях, где резчики изображали окружающий их мир животных, ощущалось высокое мастерство, удивительное владение материалом. Образы же неведомых и таинственных мифологических существ получались малоинтересными и схематичными. Это противоречие особенно наглядно проявляется при сравнении монгольских народных игрушек с произведениями ургинского резчика конца XIX в. Балгана, работавшего по украшению ламаистских монастырей. В одном случае мы видим живые реалистические образы лошадок и бычков, в другом — условные и схематичные фигуры фантастических животных — дракона, птицы Гаруды, льва с собачьей головой и крыльями птицы и т. п.

Народная революция 1921 г., освободившая монгольский народ от социального и религиозного гнета, вызвала глубокие изменения в быту. За короткий исторический срок была в основном ликвидирована вековая отсталость монголов в области хозяйства и культуры. Ликвидация неграмотности, появление национальной интеллигенции, участие населения в строительстве социалистической культуры — все это оказало значительное влияние на народное искусство монголов, в том числе на искусство резьбы по дереву.

Творчески используя традиции мастеров прошлого, современные монгольские резчики по дереву обогащают этот древнейший вид народного искусства новыми выдающимися произведениями.

И в музыкальных инструментах, и в фигурах шахмат, и в игрушках, и в декоративной скульптуре — всюду народные мастера резьбы по дереву стремятся отразить знакомый им с детства мир животных. Вместе с тем в их произведениях все большее отражение находят сюжеты из современной жизни.

Развитие резьбы по дереву сказалось, в первую очередь, на качестве произведений. Если прежде изображения животных были весьма условными, то в произведениях современных резчиков наблюдается стремление к большей разработанности. Мифологические сюжеты с изображениями неведомых ушастых тварей с клювом и крыльями птицы, с туловищем и конечностями животных, преобладавшие в произведениях монгольских резчиков вплоть до первой четверти нашего столетия, сменились в последние годы реалистическими образами, взятыми из жизни. Фигуры животных стали более индивидуальными, позы — более разнообразными, движения — более сложными. Характерно, что подобное явление наблюдается и в современном народном искусстве бурят, тувинцев, алтайцев и других народов Сибири⁶.

Резчик Авирмид (Архангайский аймак) специализировался на изготовлении моринхуров. Его работы неоднократно экспонировались на зарубежных выставках монгольского искусства⁷. Художественные достоинства моринхура, сделанного мастером в

⁴ Инструмент, украшенный головой дракона, мы встречали в Убурхангайском аймаке. Повсеместно же в Монголии преобладает хур, украшенный головой коня и называющийся *моринхур*.

⁵ Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), коллекция № 3495-1. Длина инструмента 1 м 19 см, ширина корпуса 24 см, длина смычка 80 см.

⁶ С. В. Иванов, Современное искусство народов Сибири (скульптура), «Сов. этнография», 1961, № 6, стр. 27.

⁷ Моринхур работы Авирмиды был также представлен на выставке 1964 г. в Государственном музее искусств народов Востока (Москва) (далее ГМИНВ).

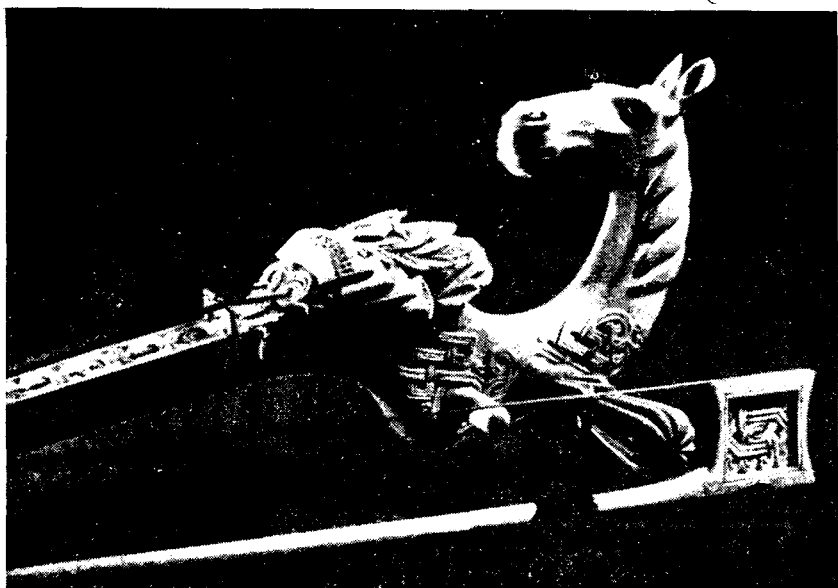

Рис. 2. Гриф монгольского национального музыкального инструмента — моринхура. Мастер Авирмид (Архангайский аймак), 1962 г.

1962 г., заключаются прежде всего в образности и выразительности декоративного решения, красоте и законченности форм, в тщательности и виртуозности обработки дерева, сочетающей резьбу и роспись. Моринхур имеет форму четырехугольного ящика с длинной декой и грифом, украшенным вырезанной из дерева головой коня. Образ коня с длинной шеей и развевающейся гривой наиболее удался резчику. Мягкая моделировка формы, густая грива, дающая обильную светотень, шея, как бы вырастающая из живописного пучка степных трав, придают образу законченность, выразительность и необыкновенную живость. Грудь коня украшена исполненными в технике высокого рельефа национальными орнаментами — плетенками, составленными из элементов символического знака *олзий* (ниточка счастья) и древнего узора *звер угалз* (роговой орнамент). Два больших колка тоже украшены рельефной резьбой по мотивам степных цветов и трав и расписаны розовой, зеленой и синей красками. В нижней части грифа Авирмид вырезал сцену, изображающую борющихся коней. Фигуры животных полны неудержимой экспрессии. Дека моринхура затянута тонкой козлиной кожей зеленого цвета, и по ней сделана роспись золотом. Мотивы росписи — растительные и геометрические узоры со знаком *олзий* в центре — выражают пожелание успеха и счастья музыканту. Струнами моринхура служит конский волос, по которому музыкант прсводит изогнутым, как старинный монгольский лук, смычком с концами, соединенными также конским волосом. И сам моринхур, и его декор глубоко символичны. Увенчать гриф моринхура головой коня — это значит, по понятиям монголов, пожелать музыканту творческих успехов, а слушателям — глубокого понимания музыки⁸.

Широко известны в Монголии моринхуры, изготавливаемые резчиками Жомьяншаравом (Архангайский аймак) и Гэлэгдандаром (Убурхангайский аймак). Художественные приемы каждого из этих мастеров отличаются яркой индивидуальностью. Жомьяншарав, например, любит украшать гриф моринхура не одной, а сразу двумя-тремя головами коня, а Гэлэгдандар украшает свои изделия преимущественно зооморфными мотивами, среди которых много места занимают изображения дракона.

Анималистические мотивы продолжают развиваться и в фигурах монгольских шахмат, которые создаются такими известными в Монголии резчиками, как уже упоминавшийся выше Гэлэгдандар, как Маань, Гунд, Богдансар, Дорждондог и другие.

Настоящими произведениями искусства являются фигуры шахмат, сделанные в 1962 г. Гэлэгдандаром⁹. Некоторые из этих фигур представляют сложные скульптурные группы, например «повозка с быками», «паستух с собакой на коленях», «лошадь с жеребенком», «верблюжонок со своею матерью» и т. д. В этих фигурах проявилась острая наблюдательность старого резчика, хорошо знающего окружающий его мир животных. Любопытно, что среди фигур шахмат нет ни одной, которая была бы похожа на дру-

⁸ Сообщил Бат-Очир, халхасец, 73 лет, живущий в Худжирт-сомоне Убурхангайского аймака.

⁹ Находятся в краеведческом музее г. Арбай-Хэрэ (Убурхангайский аймак).

гую. Каждая из них — творческая находка мастера, отмеченная реалистической трактовкой образов, яркой выразительностью, экспрессией. Это не просто шахматные фигуры, это — подлинные скульптурные произведения в миниатюре¹⁰.

Дальнейшее развитие получила также народная деревянная игрушка. Если игрушки начала XX в. представляли собой решенные в объемной форме фигурки лошадей, быков, коз, верблюдов, сказочных зверей и птиц, в которых почти отсутствовали движение и индивидуальные черты характера животных (ярость, злость, резвость, шаловливость и т. п.), то современные игрушки обычно полны динамики, они бывают очень веселыми и забавными, проникнуты особой теплотой, задушевностью, мягким юмором.

Рассмотрим две разные игрушки таких не похожих друг на друга по творческой манере резчиков, как Маань и Сандагдорж.

Игрушка «Арканщик», сделанная Маанем в 1949 г. и находящаяся в ГМИНВ¹¹, изображает типичную в условиях Монголии картину — всадник ловит полудикого коня. Быстро несется всадник-арканщик по склону горы. От быстрого бега коня у всадника слетела с головы шапка. Но не так-то просто поймать необъезженного жеребца. Всадник пытается достать его длинным шестом с петлей на конце, но неудачно. Игрушка получилась очень выразительной и предельно динамичной.

Резчик Сандагдорж (Убурхангайский аймак), в отличие от Мааня, делает деревянные игрушки с острым, порою драматическим сюжетом. Игрушка «Защита от волка» (1950)¹² — это рассказ о том, как самка яка самоотверженно защищает своего детеныша от волка. Резчик сумел подметить и правдиво воссоздать в дереве драматический, напряженный момент в жизни животных. Ему удалось передать и ярость матери, и робость и беспомощность теленка, прижавшегося острой мордочкой к ее боку, и страшный оскал зубов голодного волка.

Монгольская деревянная скульптура малых форм обогатилась в 1960-е годы целым рядом интересных и значительных работ.

Продолжая лучшие традиции мастеров прошлого, резчик Н. Лувсанцэрэн (Хубсугульский аймак) создал в последние годы несколько значительных произведений. Излюбленный материал ваятеля — корни деревьев и наплывы на стволах. Используя их естественную причудливую форму, он путем небольшой обработки резанием превращает их в замечательные скульптурные композиции. Корни березы, кедра, сосны отличаются большим богатством формы. Некоторые из них сильно искривлены, покрыты наплывами. У других острижки беспорядочно расходятся в разные стороны, а поверхность усеяна впадинами, испещрена мелкими линиями и различными пятнами. В этих причудливых сплетениях Лувсанцэрэн умеет увидеть то, что нужно для его художественного замысла. Так, нарост на тонком древесном стволе подсказал ему композицию «Крадущийся тигр» (1960)¹³.

Небольшая по размерам скульптура (6×28×9 см) запоминается сильным и динамичным образом крадущегося хищника. Нетронутый тонкий ствол и чуть обработанный наплыв на нем создают впечатление, что эта художественно законченная скульптура словно создана самой природой.

На произведениях опытного мастера Лувсанцэрэна учатся многие молодые резчики. Удачно используя узловатые корни сосны, резчик Б. Санжаавав (Архангайский аймак) вырезал скульптуру «Медведь» (1963)¹⁴. Образ медведя, продирающегося сквозь лесную чащу, лучше всего подходит для своеобразного фона из искривленных и переплетающихся корней сосны. Тонкая обработка дерева, имитирующая пушистую шерсть медведя, удачно сочетается с необработанным «фоном». Тени от корней, охва-

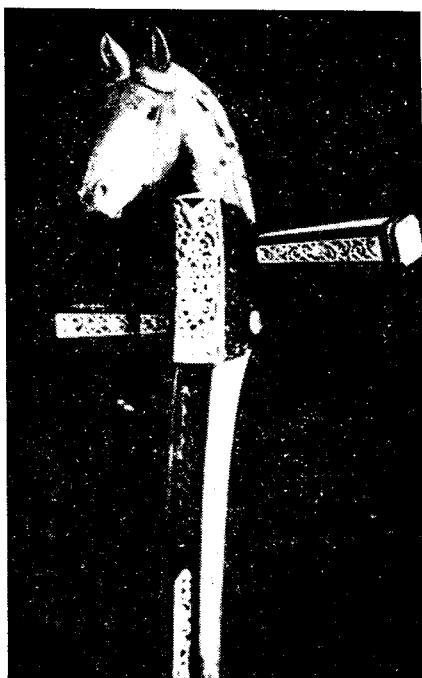

Рис. 3. Резной гриф моринхура. Мастер Жомьяншарав (Архангайский аймак), 1963 г.

¹⁰ Каждая фигура шахмат не превышает по высоте 5 см.

¹¹ ГМИНВ, 1949, инв. № 8429, высота 9 см, длина 46 см.

¹² Находится в фондах Краеведческого музея г. Арбай-Хэрэ.

¹³ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ (Москва). Ныне находится в экспозиции Художественного музея МНР (Улан-Батор).

¹⁴ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Размеры 20×26×20 см.

Рис. 4. «Крадущийся тигр». Мастер Лувсанцэрэн (Хубсгульский аймак), 1960 г.

Рис. 5. «Медведь». Мастер Санжаавав (Архангайский аймак), 1963 г.

тивших со всех сторон туловище медведя, придают композиции мягкость и живописность.

Зной пустыни Гоби хорошо передают корни сухого дерева в скульптуре Г. Оргодла (Убурхангайский аймак) «Животные из Гоби» (1962)¹⁵. Художнику удалось в юркие фигурки ящеров, спящих по высохшей от зноя песчаной пустыне. Гладкая моделировка их тел контрастирует с засохшим, потрескавшимся корневищем. Изгибы корней подчеркивают гористый рельеф Гоби. Правдивость и образность скульптуры, достигнутые скупыми художественными средствами, свидетельствуют о высоком мастерстве резчика.

В том же Убурхангайском аймаке расцвел в полную силу сатирический талант другого молодого резчика — Г. Намхайдагвы.

Фантастические изгибы корня сосны подсказали ему замысел композиции «Чрезмерная алчность превращается в дьявола» (1962)¹⁶. Тема композиции говорит о широком кругозоре талантливого резчика, интересующегося проблемами современного мира.

¹⁵ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Размеры 19×45×23 см. Ныне находится в экспозиции Краеведческого музея г. Арбай-Хэрэ (Убурхангайский аймак).

¹⁶ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Ныне находится в экспозиции Художественного музея МНР. Размер 35×40×38 см.

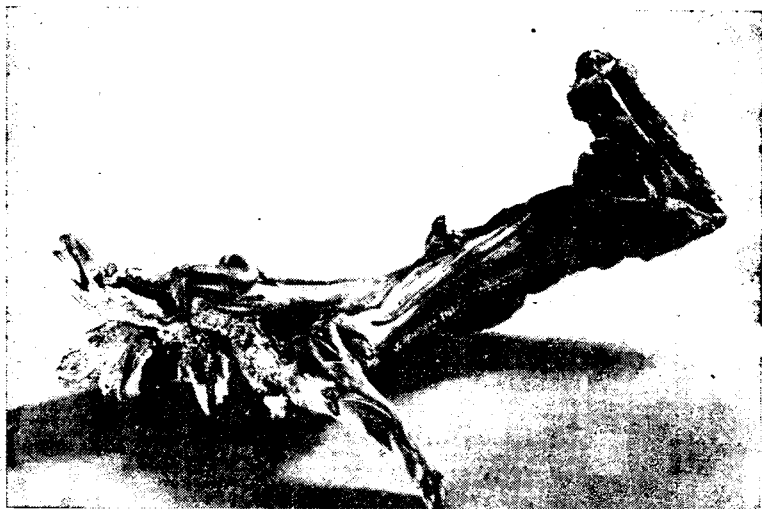

Рис. 6. «Животные из Гоби». Мастер Оргодол (Убурхангайский аймак), 1962 г.

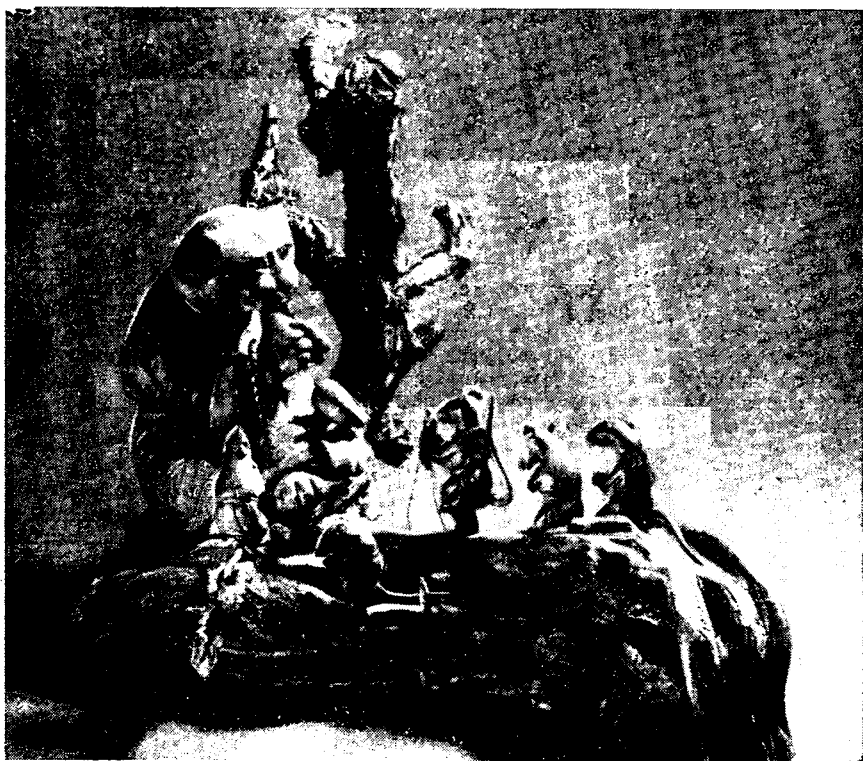

Рис. 7. «Кот-учитель». Мастер Намхайдагва (Убурхангайский аймак), 1962 г.

Рис. 8. «За кизяком». Мастер Дамдинжав (Художест. артель № 1 г. Улан-Батор), 1963 г.

Скульптура изображает чудовище с разинутой пастью, пожирающее страшного уroda, увешанного атомными бомбами. Туловище урода вырезано из полого корня высохшей березы. С корня снят верхний слой, и поверхность слегка обработана резцом. К туловищу приделаны голова и бомбы. Все эти части имеют различную естественную окраску. Желтовато-зеленая высохшая и морщинистая физиономия урода даны художником необычайно остро, гротескно. Гримаса и вся фигура урода выражают бессильную ярость, злобу и ненависть. Алчность современного империализма толкает его к неминуемой гибели — такова идея этого очень остроумного и необычного для монгольского народного искусства произведения молодого резчика-самоучки.

В скульптурной группе «Кот-учитель» (1962)¹⁷, созданной по мотивам старинной монгольской сказки, Намхайдагва в аллегорической форме едко высмеивает ханжество крупных феодалов и лам, нещадно эксплуатировавших народные массы и вместе с тем любивших выступать под маской «благотетелей». Резчику удалось создать сильный запоминающийся образ холеного кота-наставника, усыпляющего бдительность учениц-мышей под обманчиво мирный аккомпанемент мурлыканья. Осторожно перебирая четки в притворно мягких лапах, кот проповедует им мир и благоденствие, а сам жиреет за счет послушных и доверчивых мышей, которых после каждой проповеди становится все меньше и меньше... Удачно найденные позы кота, восседающего на возвышении, и мышей, с почтением слушающих его елейные речи. Естественный рисунок дерева хорошо передает полосатую гладкую шерсть кота. Одежда мышей напоминает халаты простых скотоводов, подпоясанные кушаками. Образы старинной монгольской сказки ожили под резцом современного художника. Намхайдагва как бы «осовременил» эту сказку, подчеркнув мысль, что угнетенные народы должны уметь различать подлинное лицо империализма.

Безобидным юмором, тонко подмеченным в повседневной жизни скотоводов, и великолепным знанием характера и повадок животных пронизаны произведения молодых резчиков из художественной артели № 1 г. Улан-Батора С. Дамдинжава и С. Мэнгээ, получившие признание совсем недавно. Отдавая дань традиции, эти мастера продолжают развивать в своем творчестве анималистические мотивы.

¹⁷ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Ныне находится в экспозиции Художественного музея МНР. Размер 35×40×27 см.

В группе «За кизяком» (1963)¹⁸ С. Дамдинжав изобразил довольно забавную сценку, когда женщина, задремавшая во время монотонной и медленной езды верхом, продолжает спать даже тогда, когда верблюд, перестав шагать, прилег на передние ноги. Образ верблюда — несомненная удача художника. Правдиво передана его поза, сердитая морда, показано стремление сбросить с себя седока. Слабее решена фигура женщины, одетой в старинный национальный костюм с «крылатой» прической. Неуверенность лепки, неправильность пропорций, неестественность позы женской фигуры несколько портят хорошее впечатление от интересно решенной композиции, главное достоинство которой — предельная достоверность.

Излюбленная тема произведений С. Сэнгээ — воспевание верного друга монголов — быстрого, неутомимого и выносливого коня. Этой теме резчик посвятил все свое творчество. И трудно найти в Монголии другого мастера, который сумел бы так виртуозно, с такой тонкостью и уверенностью «лепить» сложнейшие ракурсы и движения коня. Сэнгээ создал свыше сотни деревянных скульптур, в которых конь предстает каждый раз по-новому. Пасущийся, скачущий, отдыхающий конь дан художником в самых сложных и разнообразных поворотах, причем ему удается передать тончайшие нюансы настроения животного — от буйной резвости и радости до печали и бешеной злобы.

Сделанные Сэнгээ в последние годы серии скульптур, воссоздающих те стороны монгольского эпоса, в которых конь является главным героем, — безусловная удача художника. Группа из серии «Гнедой конь» (1963)¹⁹ повествует о том, как конь, отнятый богатым нойоном (князем) у бедного арата, остался верен своему хозяину. Превосходно вылеплен конь, удивительно точно подмечен момент, когда он лягает ногой нойона, сброшенного им вместе с седлом. Кажется удивительным глубокое знание художником-самоучкой пластической анатомии. Уверенным резцом Сэнгээ удалось создать предельно точную и строгую скульптурную форму (см. фото на обложке журнала). Высоким мастерством отмечена и другая скульптура из этой же серии, изображающая коня, лежащего на спине²⁰.

Современные монгольские мастера резьбы по дереву, при всем своем творческом разнообразии, выработали единый самобытный художественный стиль, позволяющий отличать их творчество от произведений соседних народов.

Своеобразие стиля особенно проявилось в формах и декоре монгольской посуды, мебели, музыкальных инструментов. Национальные орнаменты — плетенки, выражающие добрые пожелания, четкая и выразительная резьба, часто являющаяся сочетанием плоскостно-выемчатой резьбы с барельефной и горельефной резьбой, способствуют созданию неповторимого облика монгольских бытовых предметов.

Декоративная деревянная скульптура монголов отличается от подобного рода скульптуры народов Сибири предельным динамизмом и сложнейшими ракурсами в изображении животных. Стремление монгольских резчиков к максимальной разработанности деталей нередко граничит с натурализмом. Однако известная доля натурализма не снижает сильного впечатления от образов, созданных ими. Монгольская деревянная скульптура не знает статичности, присущей в той или иной мере скульптуре хантов, манси, якутов, тувинцев, бурят и других народов Сибири. Но вместе с тем она имеет и немало общих черт со скульптурой этих народов. Более всего их сближает преобладание анималистических мотивов и глубокое знание мастерами жизни своего народа.

Монгольские статуэтки и игрушки, вырезанные из корня березы или из наплыва на стволе дерева, несколько близки по манере исполнения к подобного рода произведениям китайских резчиков. Не исключено, что монгольская декоративная скульптура из дерева испытывала некоторое влияние китайской скульптуры. Но предельная экспрессия и необычно сложные ракурсы присущи только монгольской скульптуре. Главное место в творчестве монгольских резчиков занимают изображения животных, реально существующих в природе, в то время как в творчестве китайских мастеров резьбы преобладают сюжеты китайской мифологии со стариками-волшебниками, драконами, змеями и т. п.

Резьба по дереву у монголов, опирающаяся на многовековые самобытные художественные традиции, продолжает играть видную роль в современном народном искусстве и быту монголов. Непрерывно развиваясь, этот традиционный вид монгольского народного искусства обогатился в последние годы новыми сюжетами, почерпнутыми из современной жизни. Творчески воспринимая богатый опыт, накопленный многими поколениями резчиков, современные монгольские мастера резьбы по дереву создают новые совершенные произведения.

¹⁸ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Ныне находится в экспозиции Художественного музея МНР. Размер 28×23×16 см.

¹⁹ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Ныне находится в экспозиции Художественного музея МНР. Размер 35×20×35 см.

²⁰ Была на выставке 1964 г. в ГМИНВ. Нынешнее местонахождение неизвестно.

Р. М. Касимова

О СООТНОШЕНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА НАСЕЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ БЕШИКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Антропологические исследования в Азербайджане, начавшиеся в середине прошлого столетия, особенно широко развернулись в советское время. Они проводились под руководством московских антропологов В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца и А. И. Ярхо. Основная цель исследований — выявить участие в формировании населения Азербайджана местных элементов и более поздних инфильтраций.

Настоящее сообщение не ставит своей целью подробное освещение этих вопросов. Оно посвящено в основном рассмотрению вариаций головного указателя.

В течение ряда лет антропологическими экспедициями Института истории АН Азербайджанской ССР обследовано около 5000 мужчин, представляющих 28 территориальных групп азербайджанцев и 34 другие этнические группы Азербайджанской ССР, и 358 женщин (224 азербайджанки и 134 женщины иных этнических групп).

Анализ собранных материалов позволил установить, что азербайджанцы в антропологическом отношении неоднородны. Различие заключается главным образом в головном указателе. О причинах возникновения этих различий у исследователей нет единого мнения. Н. И. Ансеров и А. И. Ярхо считают их наследственными¹, а Г. Ф. Дебец и Р. Д. Муганлинский различия в формах головы у азербайджанцев связывают с различиями в типах колыбелей².

Теоретически не исключена, на наш взгляд, возможность, что это различие объясняется только воздействием разных типов колыбелей, распространенных в Азербайджане.

Сопоставление формы колыбели с формой головы показывает, что в районах, где бытует колыбель типа «бешик», голова имеет гораздо более круглую форму (рис. 1, 2). Эта проблема неоднократно привлекала внимание русских³ и зарубежных исследователей⁴. Американский антрополог Ф. Юинг⁵ установил, что ливанские марониты, родившиеся в США, где колыбель, аналогичная азербайджанскому бешику, не распространена, имеют головной указатель 78, в то время, как у родившихся в Ливане, где дети проводят в такой колыбели первые годы жизни, головной указатель почти на 10 единиц выше. Другой американский антрополог К. Кун⁶ нашел аналогичную разницу между албанцами, родившимися в Албании и в США. Советский исследователь

¹ Н. И. Ансеров, Тюрки Советского Азербайджана, Баку, 1930; его же, Тюрки Нахичеванской АССР, «Антропологический журнал», 1934, № 1—2; А. И. Ярхо, Гянджинские тюрки (Азербайджанская ССР), «Антропологический журнал», 1932, № 2.

² Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Дагестане, «Антропологический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, 1956, т. 33; Р. Д. Муганлинский, Азербайджанская антропологическая экспедиция 1951 года, рукопись, Научный архив Ин-та истории АН АзербССР, инв. № 2691.

³ Е. А. Покровский, Физическое воспитание детей у разных народов, «Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1884, т. XLV; его же, Влияние колыбели на деформацию черепа. «Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1886—1887, т. XLX; Е. В. Жиров, Разновидности брахицефалии, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», 1941, № 10, и др.

⁴ См., например, Ф. Лушан, Народы, расы и языки, Л., 1925, и др.

⁵ J. Franklin Ewing, Hyperbrachycephaly as influenced by cultural conditioning, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», Harvard University, vol. XXIII, № 2, Cambridge, Massachusetts, 1950.

⁶ Carleton S. Coon, The mountains of giants, racial and cultural study of the North Albanian mountain Ghegs, «Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology», Harvard University, vol. XXIII, № 3, 1950.

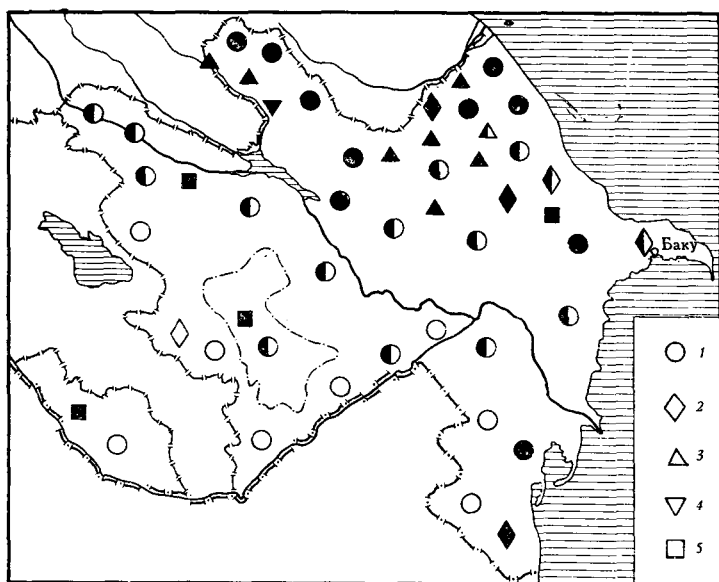

Рис. 1. Изученные группы: 1 — азербайджанцы; 2 — ираноязычные группы; 3 — дагестанские группы; 4 — ингилойцы; 5 — армяне. Распределение головного указателя: целиком закрашенные знаки означают головной указатель свыше 84, наполовину закрашенные — 78—83, совсем не закрашенные — до 77

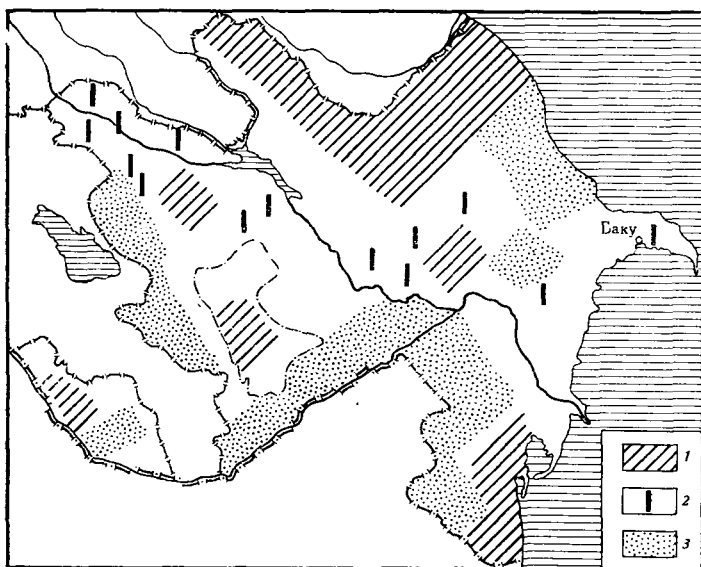

Рис. 2. Распространение бешика: 1 — интенсивное, 2 — эпизодическое, 3 — отсутствие бешика

Ю. Г. Рычков, основываясь на собранных в Азербайджане материалах, пришел к несколько иным выводам. По его мнению, различия в лицевом и особенно в головном указателях здесь наследственные. Колыбель не изменяла, а лишь делала более резкими природные особенности головы ребенка⁷.

Поскольку в нашем распоряжении имеются данные о других антропологических признаках, рассмотрим те из них, которые заведомо не связаны с формой головы. В таблице приведены данные о таких признаках по группам, резко различающимся по форме головы.

⁷ Ю. Г. Рычков, О деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, 1957.

Из таблицы видно, что различия по головному указателю у азербайджанцев сопоставляются различиями в других признаках. Независимо от формы головы в составе азербайджанцев намечается по меньшей мере два типа. Долихо-мезокефальный тип, отличающийся преобладанием прямой спинки носа, сильно развитым волосяным покровом, темной пигментацией, характерен для азербайджанцев Малого Кавказа, Нахичеванской АССР, южных и центральных районов республики, а также для курдов, татов, мусульман и будугцев. В работах антропологов долихо-мезокефальный компонент известен под названием каспийской расы⁸.

Что касается брахикефалов северного Азербайджана, то они, очевидно, не могут считаться представителями арменоидной или переднеазиатской расы, по крайней мере в классическом ее понимании. Возникает вопрос о месте их в антропологической классификации. Ближайшие аналогии обнаруживаются в соседних областях Дагестана.

Групповые вариации долихо-мезокефального и брахикефального компонентов по наиболее различающимся признакам

Признаки	Группа	
	долихо-мезокеф.	брахикеф.
Цвет глаз (% темн)	51—80	31—61
Рост волос на груди (% 3—5)	34—56	18—67
Рост бровей (% 3)	15—68	22—46
Длина тела, см	165—169	163—167
Продольный диаметр, мм	194—197	182—188
Поперечный диаметр, мм	147—150	152—158
Головной указатель	76—77	81—86
Наклон лба (% 3)	23—63	54—73
Развитие надбровья (% 3)	35—58	61—75
Высота лица (морфолог.)	128—130	124—127

пространения кавказионского типа охватывает и часть Советского Азербайджана¹². И если этот тип здесь и не встречается в чистом виде, то он является одним из основных элементов, участвовавших в формировании азербайджанцев.

Выделенные нами современные антропологические типы азербайджанцев соответствуют типам древнего населения республики, известным по мингечаурским краниологическим материалам¹³. Вполне вероятно, что различия в сочетании признаков, характеризующих эти типы, существовали в прошлом. В настоящее время эти различия утрачиваются и формируется единая комбинация признаков.

Есть основания полагать, что наличие в Советском Азербайджане двух главных антропологических вариантов в составе азербайджанского народа отражает процесс его этногенеза. Северные азербайджанцы сохранили особенности населения дрезней Кавказской Албании, южные же относятся к представителям того этнического пласта, который был распространен южнее.

Имело место и некоторое влияние иноземных инфильтраций, в частности влияние монголоидных элементов действительно сказывается у отдельных индивидуумов и групп. Однако нигде оно не достигает такой степени, чтобы привести к изменению диагноза выделенных нами типов.

Результаты антропологических исследований не противоречат историческим фактам. З. И. Ямпольский обобщая исторические данные об этногенетической непрерывности в Азербайджане, утверждает, что «с древнейших времен до XVIII в., т. е. на протяжении почти 3000 лет, все этнические общности, вторгавшиеся и иначе проникавшие в Азербайджан, составляли здесь абсолютное этническое меньшинство и поэтому не могли ни прервать, ни даже значительно деформировать основной, количественно преобладающий ствол этногенетического развития на почве Азербайджана. Поэтому есть все основания считать современных азербайджанцев и других коренных жителей Азербайджана этническими потомками древнего местного населения Мидии, Атропатены и Албании»¹⁴.

⁸ В. В. Буняк, Антропологический состав населения Кавказа, «Вестник Государственного музея Грузии», т. XIII А, 1946; Г. Ф. Дебец, Указ. раб.

⁹ Р. М. Касимова, Антропологическое исследование населения Куринской долины, «Вопросы антропологии», 1960, № 5, стр. 67—82.

¹⁰ Г. Ф. Дебец, Указ. раб.

¹¹ Там же, стр. 213.

¹² Р. М. Касимова, Антропологическое исследование населения Куринской долины; ее же, Антропологические исследования народностей так называемой шахдагской группы, «Азербайджанский этнографический сборник 1», 1964, стр. 107—125.

¹³ Р. М. Касимова, Антропологическое исследование черепов из Мингечаура, Баку, 1960.

¹⁴ З. И. Ямпольский, Об этногенетической непрерывности на почве Азербайджана, «Вопросы истории Кавказской Албании», Баку, 1962, стр. 41.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Б. Ф. Поршнев

ПРОБЛЕМА РЕЛИКТОВЫХ ПАЛЕОАНТРОПОВ *

1. Теоретические послышки

Карл Линней разделил род *Номо* на два вида: *Номо troglodytes* и *Номо sapiens*, из которых только второго считал человеком в смысле обладания членораздельной речью и человеческим разумом. Первого же уподоблял человеку лишь в морфологическом смысле, не находя достаточных анатомических оснований для выделения его в другой род. Вид «человек троглодитовый» служил Линнею необходимым звеном для объединения обезьян и «человека разумного» общим понятием приматов: иначе пропасть была бы слишком широкой. Линней не располагал никакими знаниями об ископаемых гоминидах и опирался исключительно на известные ему визуальные данные о живых. Для естествознания XVIII века реальность таких троглодитов Линнея, или сатиров Тульпия, оставалась вне сомнений (см., напр., Ламеттри «Трактат о душе»).

Через 4 года после выхода «Происхождения видов» Дарвина (1859), а именно в 1863 г., Фохт, Гексли и Геккель независимо друг от друга выдвинули и разработали тезис о происхождении человека от обезьяны. А в 1866—1868 гг. Геккель и Фохт сделали следующий шаг: в генеалогическом древе человека между ним и обезьянами они поместили «недостающее звено», не принадлежащее ни к видам низших и высших обезьян, ни к виду «человек». Несомненно, оба знали Линнея и в той или иной мере вдохновлялись им. Материал по ископаемым гоминидам был еще по-прежнему ничтожен, но оба уже ссылались на череп из Неандерталя. Не имея достаточных морфологических данных, и Геккель и Фохт предпочитали определять эту эволюционную ступень прежде всего отсутствием членораздельной речи и человеческого разума: «неговорящий обезьяночеловек» (Геккель), «обезьяночеловек, или человекообезьяна: телом — человек, умом — обезьяна» (Фохт). Две книги Дарвина о происхождении человека (1871 и 1872) были одновременно и аппробацией указанного открытия 1863 года и молчаливым отклонением гипотезы 1866—1868 гг. Однако, последовавшие палеоантропологические и палеоархеологические открытия долгое время шли как раз под этим отклоненным Дарвином знаменем. Казалось, открытие Дюбуа в 1891—1894 гг. наглядно подтвердило прогноз Геккеля — Фохта. Но

* Взгляды Б. Ф. Поршнева на проблему реликтовых гоминид существенно отличаются от взглядов большинства специалистов. Редакция сочла целесообразным опубликовать статью Б. Ф. Поршнева, чтобы ознакомить читателей журнала с систематизированным изложением материалов по этой проблеме.

прошли десятилетия и идея обезьяночеловека, то-есть существа морфологически более близкого к человеку, чем к обезьяне, однако лишенного речи и тем самым остающегося животным, почти испарилась. Сейчас при находке древнейших ископаемых форм спор идет только в плоскости: обезьяна или человек?

Автор этих строк давно приводит доводы в пользу продолжения линии Линнея, Геккеля и Фохта. Предлагается объединить все ископаемые формы высших прямоходящих приматов на таксономическом уровне семейства. По правилам систематики оно должно быть названо Troglodytidae (или Pithecanthropidae). Это предложение может рассматриваться как развитие систематики гоминид Г. Ф. Дебеца¹. Однако в это семейство будут включены также и все виды ископаемых прямоходящих высших приматов, которым не приписывается изготовление и использование палеолитических орудий, то-есть и австралопитековые, и различные мегантропы. Главные морфологические отличия этого семейства: от семейства понгид — прямохождение (со всеми коррелятивными фактами), а от семейства гоминид, представленного единственным родом и видом «человек разумный» — отсутствие тех полей и зон коры головного мозга, а также тех артикуляционных аппаратов, которые у нас, людей, осуществляют речевую функцию. Последние по своему значению вполне оправдывают ранг семейства или даже более высший.

Как легко понять, коренной вопрос тут касается палеолитических орудий: свидетельствуют ли последние о наличии речи у изготовлявших их вымерших прямоходящих существ? Этот вопрос относится к науке психологии, а именно к современной психологии речи и психолингвистике, в свою очередь учитывающей современный уровень семиотики, лингвистики, физиологии второй сигнальной системы. Экспертиза психолога однозначна: для объяснения шаблонности, стереотипности каменных изделий нижнего и среднего палеолита, явного автоматизма психотехники их изготовления, вариаций их набора в каждом данном случае и их эволюционных видоизменений, необходимо и достаточно учесть психофизиологический механизм подражания (имитации). Богатые современные исследования этого механизма на разных уровнях биологической эволюции допускают и гипотезу о его возрастающей силе от низших и высших обезьян к прямоходящим высшим приматам — троглодитам. Разумеется, механизм подражания осуществлялся у них на основе того или иного наследуемого, т. е. врожденного предрасположения. Но психологическая наука не находит никаких указаний на соучастие здесь внешней, внутренней или интериоризованной речи, напротив, видит основания исключить их участие.

Реконструирована и экологическая основа жизнедеятельности и эволюции представителей семейства троглодитид (питекантропид) в плейстоцене. Это прежде всего развитие плотоядения, то есть питания преимущественно мясом (на фоне всеядности) из тех незначительных зачатков плотоядности, которые налицо у обезьян. Но охотниками, убийцами троглодитиды не были. Заостряемые камни и отщепы служили им только для разнообразных детальных операций по освоению туш или останков животных, не ими убитых.

Все эти констатации заставляют утверждать, что ископаемые представители семейства троглодитид (питекантропид) являются объектом естествознания и только естествознания. Это относится в общем и к той форме, из которой непосредственно произошел «человек разумный» — к палеоантропам. Лишь в позднюю пору мустьерской эпохи археология обнаруживает признаки неких странных преобразований в бытии и поведении некоторых групп этого вида.

¹ Г. Ф. Дебеч, О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека, «Краткие сообщения Ин-та материальной культуры», вып. XXIII, 1948.

На долю палеоантропов за время их существования выпали глубочайшие трансформации биотической среды. Ледниковые реки несли к отмелям и устьям все меньше мясной пищи, ибо ее успевали присваивать размножившиеся хищники. Популяции неандертальцев сдвигались ближе к этим хищникам и к стадам травоядных. Развивавшиеся сложные связи с теми и другими были главной причиной колоссального усложнения высшей нервной деятельности и разрастания головного мозга этих удивительных животных. И все-таки эволюция фауны в среднем плейстоцене была для них все более неблагоприятной и привела бы их к потере экологической ниши и исчезновению. Но, согласно представлениям описываемого направления антропологической мысли, они не вымерли. Они остались существовать в принципиально новых экологических условиях, созданных фактом расщепления вида на две формы, в морфологическом смысле дивергентных, в экологическом — симбионтных.

Единственная забота морфологов — констатировать происхождение неоантропов из палеоантропов. Но ныне крупным планом встает и другая задача: исследовать биологические отношения тех и других в процессе отщепления неоантропов, выделить различные этапы этого долгого процесса симбиоза и дивергенции. Это дает новую естественно-научную основу для подступов к двуединой теме о социогенезе и лингвогенезе. Может быть, любопытство читателей-этнографов будет задето, если сказать, что отсюда открываются пути к новой интерпретации, например, генезиса инициаций и жертвоприношений, «медвежьего» культа и культа «убиваемого царя», принципа «они и мы» в формировании психических общностей и суггестивной функции речи в первобытной психике.

Прервем на этом. Сделанное краткое резюме уже дает представление о сути дела. Автор этих строк привел в печати аргументы философские и биологические, археологические и антропологические в пользу кратко очерченной концепции². Вероятно, главным аргументом явится разрабатываемая им теория генезиса второй сигнальной системы³.

Все эти построения зиждятся не только на переоценке наличного фонда литературных данных, но и на контрольных зондах в некоторые области эмпирических исследований. Таким зондом, например, явилось обнаружение и экспериментальное исследование автором явления физиологии высшей нервной деятельности, названного им тормозной доминантой⁴. Другой пример — экспериментальное опровержение им укоренившегося в научной литературе мнения о невозможности высекания огня двумя кремнями. Третий зонд такого рода, глубокий шурф в толщу фактов, не находящих места в любой иной схеме антропогенеза —

² См. работы Б. Ф. Поршнева: «Возможна ли сейчас научная революция в приматологии?», «Вопросы философии», 1966, № 3; «Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук», там же, 1962, № 5; «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», там же, 1955, № 5; «Еще к вопросу о становлении человека», «Сов. антропология», 1957, № 2; «К спорам о проблеме возникновения человеческого общества», «Вопросы истории», 1958, № 2; «Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры», «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; «О древнейшем способе получения огня», «Сов. этнография», 1955, № 1; «Новые данные о высекании огня», «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIII, 1955.

³ Б. Ф. Поршнев, Речеподражание (эхолалия) как ступень формирования второй сигнальной системы, «Вопросы психологии», 1964, № 5; его же, Интердиктивная функция речи, сб. «Проблемы сознания. Материалы симпозиума», М., 1966; его же, Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии, «Вопросы психологии», 1968, № 5.

⁴ Краткое изложение этого вопроса представлено автором в докладе VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук в Токио (1968).

изучение реликтовых палеоантропов. Этот зонд глубоко связан с краткою описанными выше идеями⁵.

Здесь остается добавить, что отсутствие у современных реликтовых палеоантропов мустьерского или какого-либо иного каменного инвентаря объясняется только и исключительно эволюцией фауны: исчезли стада крупных травоядных, пресеклись и передававшиеся подражанием навыки заострения камней; но там, где (как в Средней Азии) дольше сохранялись дикие стада, мустьероподобный палеолит прослеживается до небывало поздних времен.

II. Состояние знаний

В пользу того, что реликтовые палеоантропы — вполне объективный естественный факт, говорит уже сама многократность независимых друг от друга открытий этого явления разными учеными. Я имею в виду прежде всего даже не тех, кто лично наблюдал экземпляры этих существ, а тех, кто пытался на уровне науки своего времени обобщить и истолковать собранные сведения.

Первым поставим имя Карла Линнея, ибо предшествовавшая эпоха зоологии была еще донаучной. Антропологи чтут Линнея за то, что он объединил обезьян и человека в одном отряде приматов, но вслед за его первыми же преемниками отбрасывают, как ошибку, довольно подробно разработанное представление о *Homo troglodytes* и *Homo fergus*⁶. Линней основывался на сведениях античных авторов и современных ему голландских путешественников-натуралистов преимущественно с островов Индонезии (Ява, Амбоина и др.). Линней трактовал троглодитов как животных, лишенных членораздельной речи, обволосенных, но в остальном строением тела почти не отличных от человека. Подчас троглодитов на этих островах вылавливают и приучают к выполнению несложных работ, вроде ношения воды. Линней высказывал удивление, что уж если обезьяны привлекают столько любопытства, то, казалось бы, ни один естествоиспытатель не мог бы говорить без изумления «о сих упомянутых нами троглодитах, сходствующих весьма с родом человеческим»; между тем они остаются не изученными, а «какой свет мог бы произойти от совершенного оных животных описания для естествознания». Призыв Линнея на целых двести лет был забыт и даже осмеян, пока снова мы не вернулись на его путь.

Сначала линнеевский троглодит возродился где-то вне естествознания: хотя Н. М. Пржевальский в 70—80 гг. XIX в. во время путешествий по Центральной Азии получил информацию о «человекозвере» (хун-гурэсу), он не сделал обобщения, и только с именем монгольского ученого проф. Ц. Жамцарано в 20—30 гг. XX в. связано начало систематического собирания сведений об этих человекоподобных существах и нанесения их на карту с датировкой наблюдений, что привело к выводу о неуклонном за ряд десятилетий сокращении их ареала в Монголии. Исключено, чтобы К. Линней повлиял на Ц. Жамцарано.

Точно также об «алмасах» Жамцарано (очевидно и о троглодитах Линнея) ничего не знал студент-зоолог В. А. Хахлов, собравший в 1907—1914 гг. сведения, тщательно им анатомически проанализированные, об обитании в Синьцзяне человекоподобных существ, именуемых казахами кши-гыик, которых он в письме, направленном 1 июня 1914 года в Российскую академию наук, окрестил *Primihomo asiaticus*. Очень весомо то обстоятельство, что Ц. Жамцарано и В. А. Хахлов не только независимо друг от друга пришли к выводу о полной реально-

⁵ В. Porchnev, L'origine de l'homme et les hominoïdes velus reliques, «Revue internationale de sociologie», Série II, vol. 2, № 3, 1966.

⁶ С. Linnaeus, *Systema naturae*, 12 ed., Stockholm, 1766—1768; «Карла Линнея „Рассуждение о человекообразных“. Пер. И. Тредиаковского», СПб., 1777.

сти описываемых населением существ, но и дали в главных чертах совпадающее описание габитуса, морфологии, поведения этого вида животных. Если и допустить, что это совпадение восходит к бытующим в Центральной Азии рассказам, то уж никак не объяснить фольклором отчетливо проступающие в этих описаниях антропологические признаки ископаемых гоминид: ни необразованное население, ни Ц. Жамцарано, ни даже В. А. Хахлов в те годы морфологии ископаемых гоминид не знали. Когда позже монгольский академик Ринчен, советский зоолог проф. Г. П. Дементьев и другие провели среди населения обширные контрольные опросы, они получили ту же самую, хоть и более обогащенную, анатомо-морфологическую и биологическую картину⁷.

Сведения, собранные В. А. Хахловым, а также некоторыми путешественниками по Центральной Азии, послужили побудительным толчком попыткам академика П. П. Сушкина обосновать идею о том, что именно в высокогорных областях Центральной Азии произошла трансформация обезьяны в человека через промежуточную прямоходящую форму⁸. Слишком локально ограниченный характер имевшихся сведений о «диком человеке» послужил причиной ошибочности теорий П. П. Сушкина. Но и К. Линней, и Ц. Жамцарано, и В. А. Хахлов, и П. П. Сушкин безусловно связывали вопрос более с человеком, чем с обезьяной.

Напротив, сначала к медведю, потом все более к неведомой обезьяне, но никак не к предку современного человека тянули весь вопрос западноевропейские исследователи непальско-гималайских данных. И эта ошибка опять-таки в известной мере объясняется локальностью их информации. Этот цикл начинается с 1921 года, но в основном приходится на 50-е годы. Не будем перечислять здесь обзорных сочинений, вышедших из-под пера альпинистов и журналистов. Научно-биологический интерес, кроме полевых записей добросовестного натуралиста Ч. Стонора⁹, представляют работы видных западных приматологов В. Осман-Хилла, его ученицы О. Чернин, Б. Хёвельманса, А. Сэндersona, Карлтона Куна¹⁰. Они признают гималайского снежного человека доказанным биологическим фактом, но интерпретируют его как некую двуногую высшую обезьяну, сближаемую то с орангутаном или гориллой, то с гигантопитеком, то с какой-то специализированной скалолазающей формой. Отметим, что само понятие двуногой обезьяны противостоит естественному, так как обезьяна со времен Линнея определяется как «четверорукое». Иные из названных и прочих авторов полагали, что информация свидетельствует о двух или трех разных типах двуногих обезьян, хотя расхождения в информации о росте, окраске шерсти, биотопах замеченных особей могут быть зоологически объяснены и без такой гипотезы. Зато западные зоологи убедительно отсекали «снежного человека» от зоны снегов, где

⁷ В. А. Хахлов, «О диком человеке» в Центральной Азии, «Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о снежном человеке» под ред. Б. Ф. Поршнева и А. А. Шамова, вып. 4, М., 1959; его же, Что рассказывали казахи о «диком человеке» (там же); П. Р. Ринчен, Алмас — монгольский родич снежного человека, «Современная Монголия», 1958, № 5; P. R. Rinchen, Almas still exists in Mongolia, «Genus», vol. XX, № 1—4, 1964; G. Dementiev et D. Zevagmid, Une note sur l'homme des neiges en Mongolie, «La terre et la vie», Paris, 1960, № 4.

⁸ П. П. Сушкин, Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата, «Природа», 1922, № 3—5; его же, Высокогорные области земного шара и вопрос о прародине первобытного человека, там же, 1928, № 3.

⁹ Рус. пер.: Ч. Стонор, Шерпы и снежный человек, с предисл. Г. Ф. Дебеца, М., 1958.

¹⁰ W. C. Osman-Hill, Abominable snowmen. The present position, «Orix», vol. 6, № 2, 1961, Aug.; O. Tchernine, The snowmen and company, London, 1961; B. Heuvelmans, Sur la piste des bêtes ignorées, vol. 1, Paris, 1955 (англ. пер.: «On the track of unknown animals», London, 1958); его же, Oui, l'homme-des-neiges existe, «Science et avenir», Paris, 1958, № 134; T. Sanderson, Abominable snowmen. Legend come to life, Philadelphia — New York, 1961 (редакт.: C. Coon, In: «Natural History», 1950, May).

он может появляться лишь спорадически и кратковременно, связав его с совсем иными биотопами.

Для нашего изложения пока важно лишь то, что и на этот раз факт был установлен и подвергнут предварительному биологическому анализу совершенно независимо от предшествовавших открытий того же самого факта на другом локальном материале.

К таким же изолированным и параллельным естественнонаучным истолкованиям собранных у населения сведений можно отнести вывод проф. П. Л. Драверта об обитании в Северо-Восточной Сибири диких безязыких людей¹¹.

Нас пока интересует лишь то, что ученые в разные времена и в разных странах на разном местном материале совершенно независимо пришли к весьма сходному оригинальному научному результату.

Более коротка серия случаев, когда зоологи, антропологи или этнографы могли бы сослаться на собственное полевое наблюдение. Но вот и такие случаи. Крупнейший исследователь фауны Кавказа, особенно позвоночных, проф. К. А. Сатунин в конце прошлого века в специальной статье описал свою случайную встречу с самкой «биабан-гули», как называют на юге Кавказа, в Талышских горах обволощенных, бессловесных человекоподобных животных. То, что опытный натуралист, по его словам, «ясно» и трезво заметил, совпало с позже собранными им у населения сведениями о подобных существах, о которых, кстати, он до визуального наблюдения ничего не слышал¹². Старший преподаватель кафедры этнографии и антропологии Киевского университета Ю. И. Мережинский в 1959 г. имел наблюдение, наоборот, подготовленное сбором опросных данных у населения. Дело происходило севернее, но тоже на территории Азербайджанской ССР. Специалист по ночной охоте на кабанов Хаджи Магома обещал Ю. И. Мережинскому свести к месту, где в известные ему дни сезона «каптар» имеет обыкновение купаться в ручье, при условии, что Ю. И. Мережинский сделает снимок при вспышке магния и подарит ему. Речь шла об обитающей в том районе небольшой популяции «каптаров» — альбиносов. Действительно, из устроенной в назначенное время засидки Ю. И. Мережинский на расстоянии немногих метров видел при свете луны выбравшегося через кустарник на берег мокрого, очень худощавого, покрытого с ног до головы белой шерстью «каптара». Однако вместо обещанного фотографирования он захотел тотчас застрелить каптара из револьвера, но от волнения промахнулся. Обманутый старик-охотник с тех пор наотрез отказывается от повторения опыта. Визуальные наблюдения К. А. Сатунина и Ю. И. Мережинского на Кавказе хорошо согласуются между собой, с опросными данными с той же территории и с общей теорией.

А вот наблюдение из мест, весьма далеких от Кавказа, из Маньчжурии, и никак не связанное со сбором опросной информации. Превосходный зоолог и наблюдатель природы Н. А. Байков около 1914 г. глубоко в горной тайге увидел в фанзе маньчжура-охотника прирученного и помогавшего тому «получеловека» — бессловесного, волосатого, сутулого. Выразительные детали, которые мы находим в описании Н. А. Байкова, дают возможность идентифицировать это существо, хотя сам автор ограничился лишь постановкой недоуменного вопроса¹³.

Далее следует сказать, что с самых различных мест предполагаемого нами ареала реликтовых палеоантропов имеется информация двоякого рода: 1) от приезжих лиц, образованных (но не являющихся ни зоологами, ни антропологами, ни этнографами), до своего наблюдения

¹¹ П. Л. Драверт, Дикие люди мулены и чучуна. «Будущая Сибирь», 1933, кн. 6.

¹² К. А. Сатунин, Биабан-гули, «Природа и охота», 1899, кн. 7.

¹³ Н. А. Байков, Человек-волк, в кн.: «Сказочная бль», Тяньцзинь, б. г.

вовсе не слышавших или почти не слышавших от населения о диких бессловесных волосатых людях, и 2) от местного населения, которое, независимо от образовательного ценза, обычно подозревается в приверженности к преданиям старины.

Наличие первой категории информаторов служит важным контрольным фактом. Как можно было бы подвергнуться влиянию фольклора, если ты никогда его не слышал и не принадлежишь к данной этнокультурной среде?

Вот некоторое количество примеров. Начнем с наблюдений врачей. В XVII в. один из основателей современной медицины голландец Николай Тульпий осматривал выловленного в горах Ирландии юношу и оставил описание его анатомических отклонений, склоняющих нас к выводу, что это был реликтовый палеоантроп. К тому же выводу побуждают сделанные и врачами и прочими наблюдателями описания «мишки-человека», то есть обволошенного бессловесного «хлопца», выловленного в 1661 г. в литовско-гродненских лесах и долго жившего в прирученном состоянии при дворе польских королей. Еще неоспоримее такой диагноз вытекает из описания, сделанного в конце XVIII в. венгерским врачом из города Брашова. Этот экземпляр был выловлен в трансильванско-валашских лесах и тоже приручен. Врач В. Карапетян осматривал подобное существо мужского пола в 1941 г. в Дагестане. Военный, ныне генерал в отставке, М. С. Тошильский описал детальный осмотр совместно с военным фельдшером трупа такого существа, нечаянно убитого в высокогорье Памира в 1925 г. Маршал П. С. Рыбалко в 1937 г. вез несколько дней в обозе своего отряда в Синьцзяне и описал выловленного в камышах «дикого человека». Военнослужащий Г. Н. Колпашников (ныне начальник цеха московского завода) в том же 1937 г. во время боев у р. Халхин-гол в Монголии осматривал и описал два трупа по ошибке убитых часовыми «диких людей». Петербургский востоковед Б. Барадийн в 1906 г. во время экспедиции в Центральной Азии близко повстречал такое существо. В 1905 г., возвращаясь из Тибета, подобную встречу имел английский путешественник Найт. В 1906 г. — английский ботаник Элуис. В 1925 г. в горах Сиккима — итальянский топограф Томбаци. В 1957 г. о наблюдении такого существа на Памире сообщил гидролог А. Г. Пронин. За 15 лет до него художница М. М. Беспалко в другом месте Памира видела такое же существо. Геолог Б. М. Здорик в 1934 г. в Горном Таджикистане натолкнулся на крепко спящий экземпляр. В 1948 г. геолог М. А. Стронин наблюдал в Тянь-Шане экземпляр им спугнутый, бегущий вблизи по склону. В том же году инженер-геолог А. П. Агафонов на Тянь-Шане в киргизской юрте осматривал фамильную реликвию — отрубленную и высушенную кисть «дикого человека», покрытую с тыльной стороны бурыми волосами. Китайский историк проф. Хоу Вай-лу в 1954 г. в горном селении провинции Шэньси видел выловленного и используемого для простейших работ такого «дикого человека». И снова возвращаемся на Кавказ: зоотехник, русская, Н. Я. Серикова в 1956 г., едва лишь переехав на работу в Кабарду и ничего еще не слышав от населения об «алмасты», однажды увидела экземпляр весьма близко, не могла составить себе никакой идеи об этом существе, но дала его достаточно детальное описание¹⁴.

Эта серия перечислена здесь не для биологического анализа самих наблюдений. Да и достоверность каждого из них по отдельности могла бы быть поставлена под сомнение. Но вне сомнения находится сам факт, что такая серия существует, что никакой связи между собой все эти на-

¹⁴ Все перечисленные примеры почерпнуты из кн.: Б. Ф. Поршнев, Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах, М., 1963 (Ср.: его же, Борьба за троподитов, «Простор», Алма-Ата, 1968, №№ 4, 5, 6, 7; Б. Ф. Poršnev, Lo stato attuale del problema degli ominoidi regrediti, «Genus», vol. XX, № 1—4, 1964).

блюдатели не имели. Объединяет их тот признак, что все они не могут иметь никакого отношения к фольклору. С точки зрения антропологической все наблюдения не противоречат друг другу и могут быть отнесены к единому симптомокомплексу.

Теперь мы уже логически подготовлены к тому, чтобы сопоставить с этой серией вторую категорию информации — обильные сведения, собранные среди населения различных этногеографических областей. Эти серии к настоящему времени огромны. Каждая запись сама по себе не имеет ни малейшей доказательной и познавательной силы. Если бы мы имели только ее, мы обязаны были бы ее отвергнуть, как бы ни было велико доверие, внушаемое нам информатором. Да, среди записей немалый процент в той или иной мере приукрашен или изуродован фантазией. Но исследователь, анализирующий всю совокупность, неминуемо оказывается перед лицом трех следующих вопросов:

1) Почему в каждой данной этногеографической области показания свидетелей бесконечно расходятся в том, что существенно для фольклора, а именно в сюжете, ситуации и образе и, напротив, сходятся в том, что рассказчику безразлично и даже непонятно — в анатомической и биологической корреляции и совместимости случайно подмеченных деталей?

2) Почему налицо биологическая непротиворечивость между пакетами информации, скомплектованными среди народов самых разных историко-культурных, языковых, религиозных групп? Изменчивы местные названия этих существ, до бесконечности разнообразны, впрочем иногда и сходные у далеких народов вроде «алмасты» (также «алмас», «албасты» и др.), «гульбияван» (также «биабангули», «яван», «гуль» и др.). Но за пестротой названий биолог, антрополог усматривает видовое единство.

3) Почему вся эта огромная серия по сути находится в полном согласии с приведенной серией наблюдений, сделанных людьми совершенно посторонними местным этническим традициям и ничего не слышавшими ранее о подобных живых существах?

Я никогда не слышал от оппонентов ответа ни на один из этих трех вопросов. Здравая логика допускает единственный ответ: действительное существование объекта — реликтовых гоминоидов — в разных областях и в разное время, то есть кое-где уже исчезнувших.

Вывод этот становится еще более непреложным, во-первых, если расчленить всю наличную информацию по отдельным морфологическим или биологическим признакам, во-вторых, если всю информацию картировать и рассмотреть с биогеографической точки зрения.

Например, карточка с рубрикой «шея» отошлет нас к нескольким десяткам документов, где всякий раз оказывается, что шея «короткая», «широкая», «почти отсутствует», «как у летучих мышей» и т. д., что мы сопоставляем с карточкой о посадке головы («подана вперед» и т. п.), и с карточкой «сутулость», где отмечено огромное число шифров. Даже на локальном материале Кабарды этот метод привел к совершенно однозначной реконструкции черепа алмасты, где выступил весь комплекс примитивных признаков ископаемых гоминоид¹⁵.

Нанесение всех сообщений на карту и в локальных масштабах и в глобальных дало очень много. Например, выявлены весьма редкие очаги разномножия (на Северном Кавказе, в Горном Таджикистане, в Монголии, в Кашгарии), огромные области миграций, обратная корреляция с густотой людского населения. Произведены важные сопоставления с ареалами ряда видов зверей и птиц. Реконструирована гипотети-

¹⁵ Ж. И. Кофман, Предварительные итоги изучения проблемы реликтовых гоминоидов на Кавказе, «АН СССР, Географич. о-во СССР. Тезисы 1-й конференции по проблемам медицинской географии Сев. Кавказа», Л., 1967; е е же, Следы остаются..., «Наука и религия», 1968, № 4.

ческая карта расселения реликтовых палеоантропов в верхнем плейстоцене и голоцене: древнейшим очагом по некоторым данным рисуется северо-восточная Африка и восточное Средиземноморье, откуда было возможно расселение по Африке¹⁶, Европе и Азии¹⁷. В Азии, в свою очередь, намечается определенная схема расселения от Гиндукуша в юго-восточную Азию, на восток и в северо-восточном направлении. Одно из разветвлений этого последнего приводит нас на Чукотский полуостров и к Алеутским островам — путям переселения в Америку и по ее территории разных видов животных, человека, а вместе с ними и реликтовых палеоантропов. На всех этих грандиозно больших путях и пространствах зафиксированы встречи и наблюдения этих существ в прошлом и настоящем, так же как их описания в памятниках древней письменности, некоторое количество их графических и скульптурных изображений, наконец, редкие принадлежащие, по-видимому, им скелеты и черепа неандерталоидного типа, однако трактуемые классической антропологией как «псевдо-неандерталоидные».

Иные читатели все еще настаивают, чтобы им привели какое-то решающее «доказательство». В глазах специалистов, то есть лиц, длительно изучающих данный вопрос, доказательств вполне достаточно¹⁸. Они заняты не выигрышем пари, а проникновением в природу данного явления. Но, может быть, для читателя, ждущего новинок, будет интересен фотографический материал, опубликованный в прошлом году в США.

Исследование проблемы «снежного человека» на территории Америки (в Канаде, в Северной Калифорнии, в странах Латинской Америки) имеет свою историю¹⁹. В печати сведения спорадически появлялись на протяжении сотни лет. Серьезное изучение вопроса началось, как и в нашей стране, с 1958 г. (А. Сэндерсон, затем Т. Слик, П. Бирн). Последние лет шесть в труднопроходимых совершенно безлюдных лесах Каскадных гор и других хребтов Северной Калифорнии ведут поиск и наблюдения несколько групп. Накопленные знания на основе опроса населения о «бигфуте», именующем также «о-ма» и «саскватч», изучение его помета и следов позволили все более прицельно концентрировать поиски. Еще в 1965 г. одна из групп опубликовала первую фотографию этого существа, не вызвавшую никакой сенсации. 20 сентября 1967 г. другая группа достигла большего успеха. Она состояла из Б. Гимлина и Р. Пэттерсона, выезжавших на место исследований уже шестой год подряд. Р. Пэттерсон в предыдущем году выпустил книжку об американском «снежном человеке»²⁰. Они ехали верхом у горной речки в лесу, когда испугавшиеся лошади сбросили обоих на землю и Пэттерсон, вскочивший на ноги, увидел метрах в тридцати от себя долгожданное животное, которое немедленно и принялся снимать походным киноаппаратом. Это была огромная самка бигфута, ростом свыше двух метров,

¹⁶ Некоторые современные данные по Центральной Африке см.: Charles Cordier, Deux anthropoïdes inconnus machant debout au Congo ex-Belge, «Genus», vol. XIX, № 1—4, 1963.

¹⁷ Этот результат своеобразно перекликается с концепцией широкого моноцентризма Я. Я. Рогинского (см. его кн.: «Теория моноцентризма и полицентризма в происхождении современного человека и его рас», М., 1949).

¹⁸ Ср.: Corrado Gini. Vecchie e nuove testimonianze sulla esistenza di ominidi o subominidi villosi, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962; International Committee for the study of the human-like hairy bipeds (Comité International pour l'étude des humanoïdes velus), там же.

¹⁹ Кроме упомянутой монографии А. Сэндерсона см.: С. Р. Варшавский, Незвестные гоминоиды в преданиях Нового Света, «Материалы Моск. филиала Географ. о-ва СССР. История геогр. знаний и историч. география», вып. 1, М., 1967; Ivan T. Sanderson, Hairy primitives or relic submen in South America, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962; Milenko Juan Jurich, Tarma, El Hombre Salvaje de América, «Genus», vol. XIX, № 1—4, 1963; Robert C. Dorion, Mono apareció por tierras de Izabal, «Genus», vol. XIX, № 1—4, 1963.

²⁰ R. Patterson, Do abominable snowmen of America really exist? Washington, 1966.

вся покрытая черным гладким волосом. Она сначала медленно отходила, потом побежала все быстрее. Итог: несколько метров удовлетворительно снятой пленки, замеренные для масштаба бревна, попавшие в кадр, залитые на месте гипсом отпечатки ступней длиной 42 см. А. Сэндерсон с трудом разыскал в США журнал, опубликовавший 8 разрозненных кадров с его комментарием и создавший на консультацию ученых экспертов, в том числе приматологов проф. Д. Нэйпира и проф. В. Осман-Хилла²¹. Заключение экспертов выглядит странно: они не нашли ничего порочащего достоверность фильма, но предпочли уклониться от прямого суждения. Мы, советские специалисты, не видели самого главного: движений этого заснятого существа. Облик «бигфута» на кадрах в общем отвечает нашим представлениям, однако и не обогащает их чем-либо существенно новым. Соответственно мы видим в этом фильме не решающее «доказательство», меняющее всю ситуацию, но предположительно шаг вперед в развитии исследований. Новые съемки, надо думать, не заставят себя долго ждать и послужат контрольным материалом.

Признаться, в моих глазах не меньшее, а большее и более доказательное значение имели прошлые успехи в познании анатомии верхних и нижних конечностей реликтовых палеоантропов.

В непальском монастыре Пангбоче среди священных реликвий хранится мумифицированная и частично скелетированная кисть, приписываемая йе-ти. В 1954—1959 гг. с нее были сделаны серии снимков, в том числе в 1959 г. профессором анатомии Токийского университета Т. Огава. Анализ частицы высушенной ткани, произведенный в США, показал, что ее древность — 300—400 лет. На основании изучения фотографий все зарубежные эксперты сошлись на том, что она безусловно гоминидная, но явно отклоняется от нормы современного человека. О том же говорят опубликованные солидно аргументированные заключения двух крупнейших советских специалистов по эволюционной морфологии кисти — проф. Е. И. Даниловой и проф. Л. П. Астанина. Наконец, показано, что отклонения в основном совпадают с таковыми на кисти ископаемых неандертальцев²². Одновременно эти исследования вносят корректив в предположения В. П. Алексеева об эволюции кисти гоминид²³.

Исследования морфологии и моторики нижних конечностей основаны на значительной серии следов, с которых были сняты фотографии, а в некоторых случаях — гипсовые отливки. Особенно большой интерес привлекали снимки Э. Шиптона, сделанные в Гималаях в 1951 году, однако снег плохо фиксирует анатомию, тем более движение стопы, и снимки эти послужили поводом для совершенно ошибочной реконструкции стопы английским антропологом В. Чернецким²⁴. Он, а вслед за

²¹ «Argosy», 1968, Febr.: продолжение комментария А. Сэндерсона «Argosy», 1968, Apr. Более удачны воспроизведения этих кадров в «National Wildlife», 1968, April — May. См. все указанные материалы в журн. «Знание — сила», 1968, № 8. Ср. D. Kirkpatrick, The search for Big-foot... has a 150-year-old legend come to life on this film? «National Wildlife», 1968, April — May.

²² Г. П. Деметьев, М. Ф. Нестурх, Б. Ф. Поршнев, Кисть неизвестного высшего примата, «Природа», 1961, № 2 (итал. пер.: в журн. «Genus», 1962, XVIII, № 1—4); Л. П. Астанин, Скелет кисти из Пангбоче ((К вопросу о возможном существовании «снежного человека»), «Ученые записки Ставропольского гос. мед. ин-та», вып. V — «Некоторые вопросы морфологии», Ставрополь, 1962; Б. Ф. Поршнев, Морфологические особенности кисти гоминида из Пангбоче (Автореферат доклада), «Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы. Отдел биологический», 1963, № 6; Л. П. Астанин и Б. Ф. Поршнев, Морфологические особенности кисти гоминида из Пангбоче (рукопись находится в редакции «Архива анатомии, гистологии и эмбриологии»).

²³ В. П. Алексеев, Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза (о месте киик-кобинца среди неандертальских форм), «Антропологический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. L, М., 1960.

²⁴ W. Tschernetzky, A reconstruction of the foot of the abominable snowman, «Nature», London, 1960, vol. 186, № 4723, May, 7.

ним и А. Сэндерсон не учли динамику, которой должны обладать пальцы и плюсна палеоантропов и которая может быть реконструирована, между прочим, посредством изучения патологических рефлексов на стопе²⁵. Лучшим в мировой серии является фотоснимок свежего следа палеоантропа на глине, сделанный в августе 1963 г. в Тянь-Шане²⁶. На основе всей имеющейся серии показано, что отклонения от нормы современного человека соответствуют таковым на стопе ископаемых неандертальцев.

Таковы в кратких словах основные группы современных данных²⁷.

III. Зоологическое описание

В результате систематизации нашей обширной информации можно дать следующее предварительное описание морфологии и биологии реликтовых палеоантропов²⁸.

Речь идет о существе ортоградном — прямоходящем, двуногом. Высота в среднем 160—180 см, амплитуда крайних вариаций роста примерно такова же, как у человека, но эти отклонения к гигантизму и нанизму наблюдаются в большем проценте, чем у людей. Все тело покрыто волосами длиной 2—8 см, но неравномерно, в том числе ягодицы обволосены слабо. Подшерстка нет, между волосами проступает темная грубая кожа. Густота обволосенности, видимо, меняется по сезонам. Детеныши рождаются безволосыми. Кисти и стопы обволосены слабо, а на ладонях и подошвах волос совсем нет. Цвет волос имеет значительные возрастные и локальные вариации — черный, бурый, рыжий, палевый, серый, относительно часты альбиносы. Окраска не всегда одинакова на всех частях тела, отмечается также неравномерное поседение. На лице волос нет (в том числе, как правило, нет бороды и усов), отмечается лишь чрезвычайная густота бровей, иногда редкие волоски вокруг рта, на щеках. Кожа лица темная — от черной и серой до красно-бурой. На голове волосы обычно отличаются по цвету от волос на теле. Они также значительно длиннее, но иногда свалены, иногда ниспадают до плечей или лопаток у особей обоего пола. Половой диморфизм в отношении роста и волосяного покрова умеренный.

Голова, сравнительно с человеком, сдвинута вперед, поддерживается мощными затылочными мышцами. Соответственно шея выглядит короткой и широкой, а голова — прижатой к туловищу. Отмечается выступающий, удлинненный или шишковидный затылок. Лоб низкий, убегающий, надбровья и брови сильно выступающие (даже «как козырек»), соответственно глаза сидят глубоко. Резко проваленная переносица, нос обычно приплюснутый, с вздернутыми ноздрями, хотя в форме носа наблюдаются и вариации. Скулы широкие, выступающие; весьма выраженный прогнатизм; срезанная и мощная нижняя челюсть. Разрез рта шире, чем у человека. Слизистая оболочка губ обычно мало представ-

²⁵ Ср. А. З. Фейзуллаев, Архаическая ступня при патологических процессах в мозгу; ее генез и локализация, Баку, 1939; Н. А. Крышова, Об эволюционном значении положения стопы человека, в кн. «Сравнительная и возрастная физиология», Л., 1968.

²⁶ Сообщение Б. Ф. Поршнева «Информация о снимке следа неведомого гоминида» была сделана 13 апреля 1964 г. на Секции антропологии МОИП, см. «Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы. Отдел биологический», 1965, т. 70, вып. 3, Хроника.

²⁷ См. также «Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о снежном человеке», вып. 1—4, М., 1958—1959; нем. пер. «Der Schneemensch — Trugbild oder Wirklichkeit? Hrg. von Hans Petzsch», Wittenberg, 1961; итал. пер.: «L'uomo delle nevi. Presentati da Corrado Gini», «Genus», vol. XXI, № 1—4, Roma, 1965. Следующие три выпуска «Информационных материалов» остаются пока в рукописи, 8-й выпуск составляется.

²⁸ Выше упоминались некоторые труды, в частности работы зоологов В. А. Хахлова и Г. П. Дементьева, где были предложены предварительные описания видовых черт этих животных. Наше описание ни в чем существенном не расходится, но основано на неизмеримо большем материале и потому полнее и точнее.

лена. Зубы при обнажении вполне напоминают человеческие, иногда отмечается, что они крупнее, что более выделены клыки. Уши мало отличаются от человеческих, но отмечается более удлиненная мочка, иногда — несколько большая заостренность (волосатость?) верхнего края раковины. Глаза часто кажутся наблюдателям косыми; есть основания предполагать «третье веко». В общем облике лица выступают то более монголоидные, то более негроидные черты.

Посадка корпуса в общем прямая, но весь плечевой пояс сдвинут вперед, отчего тело выглядит сутулым, а руки — висящими впереди корпуса, особенно во время ходьбы, и поэтому более длинными, чем у человека; в стоячем же положении грудная клетка более выдвинута вперед. У самок очень развиты и очень низко висящие грудные железы, которые они при ходьбе и беге могут закидывать за плечи; вероятное назначение этого — возможность, не останавливаясь, кормить уцепившегося на спине за волосы или поддерживаемого рукой детеныша.

Ноги обычно чуть согнуты в коленях, как и руки — в локтях. Шаг слегка косолапый, покачивающийся, при одновременно качающихся руках. Диморфизм кисти и стопы несколько меньший, чем у человека: противопоставление первого пальца на кисти меньше, чем у человека, так что хватание часто производится набрасыванием всех пяти пальцев на предмет, а на стопе первый палец сохранил самостоятельность мускулатуры и движений, в том числе способность отведения и противопоставления, как и все пальцы обладают высокой степенью раздвигаемости, тыльно-подошвенными движениями, самостоятельной флексией и экстензией в суставах каждого пальца. Поэтому возможна походка на цыпочках, на неполной стопе, возможно вдавливание концевых фаланг в грунт в сдвинутом или раздвинутом положении. Для морфологии стопы характерно отсутствие продольного и поперечного свода. На пальцах ног и рук — ногти.

Локомоция многообразна. Реликтовый палеоантроп способен к чрезвычайно быстрому бегу, сравнимому со скоростью лошади, к скалолазанию, к лазанию по деревьям (за исключением, как кажется, взлезания на гладкую жердь, для чего требуется охват первым пальцем), к прыжкам, к плаванию, в том числе даже в очень быстром течении. Он хорошо движется по разному грунту, включая снег (хотя снег для него не типичен). Сидит на корточках и на ягодичах. Лежит на боку. Днем спит лицом вниз либо на животе, либо на коленях и локтях, закинув кисти за затылок. Физической силой значительно превосходит человека.

В возрасте размножения держится временными парами, или самцы, значительно более подвижные, мигрируют на огромных пространствах, а самки прикованы к локализованным районам, где выращивают потомство в раннем возрасте. Рожают одновременно одного-двух детей, весьма похожих на человеческих. Но постоянных логов нет, устраиваются лишь временные лежки, настилы, углубления. Подростки отделяются от матерей и находят особые экологические условия. Пожилые крупные особи после периода размножения держатся одиночками в наименее доступных горных и лесных местах.

Часто отмечается отвратительный, отталкивающий запах.

Вокализационный аппарат очень высоко развит. Различимы весьма разнообразные нечленораздельные звуки: громкий крик, с помощью которого особи находят друг друга на огромных расстояниях, особенно в сумерках и на рассвете, звуки вроде мычания, бормотания, шипения, свиста и т. п. Всякое подобие членораздельной речи отсутствует. Скопление в группы или стада отмечается крайне редко. Никаких орудий реликтовые палеоантропы не изготавливают, но могут бросать камни, перетаскивать их, складывать в кучи (заслон от ветра, запруда), разбивать друг о друга. Огня не добывают, но охотно приближаются к покинутому костру, согреваются золой. Пользуются палками, дубинами.

Пища — растительная и мясная. Выкапывают подземные части растений, едят различные побеги и листья, не говоря о всевозможных ягодах, плодах, орехах; где можно, обирают культурные насаждения — сады, бахчи, огороды, посевы кукурузы, подсолнуха, конопли. В ручьях и водоемах или на суше добывают лягушек, крабов, черепах, улиток, лягушачью икру, едят насекомых и червей, птенцов и яйца. Но еще специфичнее — добывание различных зверьков: пищух, сурков, сусликов, некоторых пород зайцев и других грызунов. Охотно едят падаль крупных животных. Но охотиться на них почти не умеют, если редко убивают, то только бескровно — переломом хребта. Похищают ягнят и овец из стад, поедают последы. По-видимому, ничто не препятствует поеданию и полному растаскиванию останков умерших себе подобных (вследствие чего их никогда не находят охотники).

Ведут преимущественно сумеречный и ночной образ жизни. Используют пещеры, иногда роют себе ямы. В северных областях зимнее время проводят в неглубоком сне с временными пробуждениями или даже в более глубокой спячке. Подготовкой к этому периоду служит осеннее ожирение.

Чуткость, зрение, слух, тактильное чувство, способность не производить ни малейшего шума, затаиваться, ориентировочно-обследовательская деятельность — все это выражено в самой высокой степени. Но, по-видимому, наиболее специфическим свойством нервной деятельности этих существ является феноменальная сила имитативности. Подражание человеку при случайных контактах носит подчас неодолимый, роковой, словно патологический характер. Подлинной виртуозности достигает подражание голосам зверей и птиц. Из других особенностей нервной деятельности можно отметить странную реакцию, напоминающую неудержимый смех.

В отношении человека поведение в общем не агрессивное. Однако в древности в иранских и других армиях такие существа использовались в качестве боевых животных — их умели доводить до страшной ярости на поле боя. Но описанные в новое время прирученные особи обычно смирны и покладисты. С домашними животными, в частности с собаками — отношения антагонизма, вражды. Лошади, коровы их боятся. Напротив, с дикими животными как с травоядными, так и с хищными, отношения весьма контактные.

Пока мы должны ограничиться этими штрихами. Здесь сделаны лишь более бесспорные констатации, а огромный ворох слабее подтвержденных наблюдений оставлен в стороне. Но и в таком виде предлагаемый сводный портрет дает известное представление об объекте наших исследований.

IV. Полевая работа

Десятилетний опыт полевой опросной работы показал нам, что, видимо, самая главная помеха в познании реликтовых палеоантропов — это специфическое отношение к ним поголовно у всех жителей обследуемых районов, включая самых образованных. Вот уже добрых два-три столетия как сначала духовенство, позже люди просвещенные и ученые толковывали, что их не существует: это — «суеверие», то есть вера «не в то, во что надо». Продукт дохристианской, языческой народной фантазии. Если ты его увидал в лесу или на болоте, на горе или у реки, не верь глазам своим.

Отметим тут любопытное различие между позицией христианства и мусульманства. Последнее не отрицает реального существования «нечисти» — вполне телесной и смертной. Материальное, плотское существование этих существ — наказание, ниспосланное Аллахом на шайтанов, униженных тем до статуса животных и людей. Если для христианина ин-

интересоваться ими — суеверие, то для мусульманина — скорее неприличие. Христианин, вступающий с ними в контакты, подкармливающий их, тем самым — язычник, колдун, а мусульманину это можно делать, но втихомолку, стыдясь гласности. Понятие «нечистоты» палеоантропов тут и там различно. Согласно огромной серии наблюдений, реликтовые палеоантропы отвратительно пахнут, нечисты. По одной из древнейших вавилонских версий легенды о всемирном потопе, Ной взял с собой «дикого человека» в особой клетке и лично его кормил. В дальнейшей разработке это уже «семь пар нечистых».

Все заставляет полагать, что очень многие видели и встречали в природе то, что скромность заставляет считать своей ошибкой и уж во всяком случае не оглашать во избежание насмешек.

Исследователи сталкиваются с этой трудностью на каждом шагу. Легко ли убедить людей, что эти сведения, рассказываемые разве что стариками, да и то шепотом, не противоречат науке, когда их воспитывали на том, что все это — нечистая сила. Снова и снова возникают эти помехи.

Могут быть предложены два способа их преодоления. Во-первых, можно вести разъяснительную работу, доказывая, что дикие волосатые бессловесные жители лесов — не лешие, болот — не водяные и т. д. Во-вторых, наоборот, можно попытаться исследовать и разъяснять, что представления о лешем, водяном и других персонажах такого рода в какой-то мере отразили биологическую реальность. Второй путь правильнее, ибо налицо шкала от полной нереальности, фантастичности образа до полной реальности, стоящей за тем же самым словом; между обеими крайностями — любые промежуточные смеси фантазии и реальности.

Вместе с тем мы подошли тут к основному, даже единственному возражению, с которым встречается описываемое научное направление. Оппоненты настойчиво повторяют, что снежный человек и его аналоги — это фольклор. Однако специалисты вовсе и не спорят с фольклористами. Да, есть фольклор, где признаки изучаемого нами вида животных еле проступают, в основном же образы и представления вымышлены. Но фольклористы почему-то поступают обратным образом: они энергично отрицают биологический факт, хотя, разумеется, это вовсе не входит в их компетенцию. Если мы говорим: есть и реальность и фольклор, они говорят: либо реальность, либо фольклор, а так как фольклор несомненно есть, значит реальности нет²⁹. Как сказано, нам не о чем спорить с фольклористами, так как мы не отрицаем ничего лежащего в их сфере. Отражение образа реликтовых палеоантропов в фольклоре, верованиях и мифах может, очевидно, составить предмет обширных исследований и открытий³⁰.

Все такого рода исследования важны не тем, конечно, что они добавили бы «доказательств» в пользу реликтовых палеоантропов, а тем, что они помогли бы снять своего рода пелену, застилающую путь современным полевым исследованиям и широкому притоку информации.

Экспедиционную работу, проделанную до сих пор, если не говорить о различных спорадических рекогносцировках, можно разделить на 4 группы.

1. Гималайско-непальские экспедиции. Первая специальная экспедиция по данной теме была отправлена в 1954 г. на средства английской

²⁹ А. З. Розенфельд, О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (В связи с легендой о «снежном человеке»), «Сов. этнография», 1959, № 4. См. также: Н. А. Кисляков, Снежный человек? Нет, легенда! «Литература и жизнь», 1959, 23 авг.; Э. М. Мурзаев, Современный миф о снежном человеке, «Природа», 1961, № 4.

³⁰ Ср. Б. Ф. Поршнев, Поиски обобщений в области истории религии. «Вопросы истории», 1965, № 7; Е. М. Штаерман, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961 (рец. Б. Ф. Поршнева на эту книгу см. в журн. «Вестник древней истории», 1963, № 1); Richard Bernheimer, Wild men in the Middle Ages, Cambridge, 1952.

газеты «Дейли мейл» во главе с журналистом Р. Иззардом³¹. Особенно существенно участие в экспедиции зоологов, в том числе Дж. Рассела. В 1956 и 1957 гг. в высокогорном Непале работала английская экспедиция Н. Харди и американская экспедиция, организованная и руководимая Т. Сликком, с первенствующей ролью опытного наблюдателя природы П. Бирна. На средства Т. Слика продолжались экспедиционные работы в 1958—1960 гг. В 1959 г. — японская экспедиция во главе с профессором анатомии Токийского университета Т. Огава. В 1960 г. — завершающая весь цикл авантюра во главе с Э. Хиллари, знаменитым альпинистом, павшим до простого жульничества с подделанным по его заказу «скальпом йе-ти»³². В 1961 г. правительство Непала, по-видимому, по настоянию ламаистской церкви, запретило дальнейшие экспедиции. Для всего этого цикла характерно отсутствие не только научной теории, но даже научной гипотезы о природе изучаемого объекта. Непальские склоны Гималаев, как теперь ясно, представляют собою лишь окраину ареала реликтовых палеоантропов и наименее благоприятный для их поисков район.

II. Памирская экспедиция. В 1958 г. Академия наук СССР организовала комиссию, во-первых, для сбора ориентирующей информации по проблеме «снежного человека», во-вторых, для организации экспедиции на Памир. Начальником экспедиции был ботаник проф. К. В. Станюкович. В качестве заместителя председателя комиссии я осуществлял на месте контроль за работой экспедиции. Здесь можно лишь кратко повторить вывод моей пространной докладной записки. Экспедиция фактически изучала не проблему снежного человека, а другие вопросы биогеографии и истории Памира, в составе ее не было ни одного зоолога-маммолога, ни антрополога или приматолога. Полевые дневники не представлены. Вместо научного отчета в печати появилось два исключаящих друг друга чисто литературных сочинения начальника и секретаря экспедиции³³.

III. Кавказские экспедиции. Выезды начались в 1959—1960 гг. (проф. А. А. Машковцев, член Географического общества С. М. Лукомский, этнограф Ю. И. Мережинский). С 1960 г. по настоящее время ежегодно выезжает в поле на несколько месяцев член Географического общества, врач и анатом Ж. И. Кофман³⁴. Ее исследования проходили сначала в Северном Азербайджане, а в дальнейшем сконцентрированы в Кабардино-Балкарии. Упорный, самоотверженный труд (без какого-либо финансирования) ставит результаты работ Ж. И. Кофман и ее сотрудников на первое место в мире в ряду прошлых и современных исследований. Другой район экспедиционной работы на Кавказе — Южный Азербайджан, где систематически ведется рекогносцировка под руководством проф. Н. И. Бурчак-Абрамовича.

IV. Калифорнийско-канадские экспедиции. С 1961 г. группа, субсидируемая Томом Сликком, перенесла свою деятельность из Непала в Северную Америку. П. Бирн достиг здесь известных результатов, преимущественно

³¹ Р. Иззард, По следам снежного человека, М., 1959 (Предисловие С. В. Обручева); Ч. Стопор, Шерпы и снежный человек, М., 1958; С. В. Обручев, Следы «снежного человека» в Гималаях, «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 87, 1955, вып. 1; его же, Новые материалы «о снежном человеке (йети)», «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 89, 1957, вып. 4; его же, Современное состояние вопроса о «снежном человеке», «Природа», 1959, № 10.

³² B. Heuvelmans, Comment j'ai percé le mystère des scaples du yéti, «Science et avenir», № 169, 1961, Mars; M. Burns, Report on a sample of skin and hair from the Khumjung Ieti scalp, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962.

³³ К. В. Станюкович, По следам удивительной загадки, М., 1965. (Предисловие С. В. Обручева); В. Л. Бианки, Про снежного человека, в кн.: «Приключения в горах», кн. 1, М., 1961.

³⁴ Ж. И. Кофман, Ответ профессору Авдееву, «Наука и религия», 1965, № 4; его же, Следы остаются..., там же, 1968, № 4.

щественно в изучении следов³⁵. В дальнейшем несколько групп вели рекогносцировочные работы, о недавнем успехе группы Паттерсона и Гимлина сказано выше.

Остается перечислить некоторые спорные вопросы дальнейшей методики исследований. С самого начала, на основе прежнего опыта, надо абсолютно исключить план: приехать на местность и в маршрутах встретить, заметить данное животное. Нет, оно осведомлено о человеке настолько, что случайно нам его не застигнуть. Обладает отличным чутьем и зрением, специально повышенной чуткостью на человека. Ведет сумеречно-ночной образ жизни. Не имеет постоянных лежек и троп. Чтобы сбить со следа, предпочитает ступать на твердое, может ходить пятясь, очень быстро бегают и ходит, изумительно затаивается, может долго голодать, приманку почти не берет. Но в некоторых районах есть люди, знающие прием приманивания и приручения. Основная дискуссия и касается вопроса, что предпочесть: опрос населения о редких, случайных для обеих сторон встречах в целях суммирования крупниц полезной информации, искать ли среди населения глубоко затаенных, редчайших умельцев (в том числе среди части шаманов, колдунов) или допрашивать преимущественно не людей, а саму природу.

V. Послесловие

Статья была уже набрана, когда поступили новые вести из США. Два специалиста, американец А. Сэндерсон и бельгиец Б. Хёвельманс, получили сообщение, что некий Ф. Гансен показывает в этой стране за деньги замороженного «доисторического человека», предположительно происходящего из Восточной Азии. Отчет о предварительном осмотре этого препарата опубликован в бельгийском журнале³⁶. Удовлетворительно видный в глыбе льда труп, по мнению А. Сэндерсона и Б. Хёвельманса, был заморожен в рефрижераторе вскоре после умерщвления меткими выстрелами в глаза, по-видимому, несколько лет тому назад. Особь — мужского пола, ростом 180 см., лежит на спине, голова сильно запрокинута, вследствие чего форму черепа нельзя определить. Кроме лица, ладоней, подошв и гениталий, все тело покрыто темнобурыми волосами 7—10 см длины. Шея настолько коротка, что голова как бы втянута в плечи. Пропорции кистей и стоп заметно отклоняются от нормы современного человека, руки несколько длиннее, ноги — короче нормы. Туловище бочкообразно, т. е. лишено сужения в талии. Предварительный (до вскрытия) диагноз Б. Хёвельманса: неандерталец.

³⁵ Peter Byrne, Being some notes, in brief, on the general findings in connection with the California Big-foot, «Genus», vol. XVIII, № 1—4, 1962. Цифровая новинка: J. Green, On the Track of the Sasquatch. Agassiz, 1968.

³⁶ «Bulletin de l'Institut royal des sciences naturelles de Belgique», t. 45, № 4, 1969.

К 60-ЛЕТИЮ

АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВИЧА ОКЛАДНИКОВА

Выдающемуся советскому археологу, историку и этнографу, действительному члену Академии наук СССР, директору Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР Алексею Павловичу Окладникову исполнилось 60 лет.

Алексей Павлович еще студентом педагогического техникума начал заниматься археологическими изысканиями и в 1926 г. опубликовал в краеведческом сборнике Иркутского университета свою первую работу о неолитических стоянках на Верхней Лене. С тех пор он не прерывает археологических исследований. С 1932 по 1934 гг. А. П. Окладников возглавлял археологическую экспедицию, обследовавшую берега Ангары. В 1935 г. он работал в долине р. Амур. Экспедиционные сезоны 1936, 1937, 1939 и 1940 гг. были посвящены исследованиям в Прибайкалье. Открытое им здесь палеолитическое поселение Буреть принесло ему широкую известность. Раскопками в Бурети были обнаружены образцы палеолитического искусства, остатки жилищ и орудия труда, позволяющие реконструировать образ жизни древних насельников Сибири.

В 1939 г. Алексей Павлович участвовал в археологической экспедиции, изучавшей древности Узбекистана. Открытое и исследованное им поселение мустьерского времени Тешик-Таш с захоронением неандертальца явилось большим событием в науке. Исследователи получили редкий материал, освещающий становление человека на территории нашей страны. С 1940 по 1945 гг. А. П. Окладников руководил работами Ленской историко-археологической экспедиции, обследовавшей долину р. Лены с истоков до устья, на протяжении 4500 км. Продолжением этого цикла работ явились в 1945 г. археологические исследования на Таймыре (остатки лагеря русских мореходов XVII в.) и раскопки неолитических памятников в низовьях р. Хатанги, а в 1946 г. археологическое обследование долины р. Колымы, раскопки на Охотском побережье и в бухте Сарычева, на берегу Ледовитого океана. В результате впервые появились достоверные данные, рисующие древние культуры и раннюю историю северных областей Азии.

С 1947 по 1952 г. крупные археологические работы под руководством А. П. Окладникова были произведены Бурят-Монгольской археологической экспедицией на территории Забайкалья и Прибайкалья. Открытые этой экспедицией многочисленные памятники позволили выделить здесь ряд последовательно сменявшихся культурно-исторических этапов и наметить неолитические культурные области. В эти же годы Алексей Павлович продолжал археологические работы в Туркмении и Таджикистане, а в 1949 г. в Монгольской Народной Республике. В 1953 г. он возглавил Ангарскую археологическую экспедицию (1953—1959 гг.) и Дальневосточную, работающую до настоящего времени, а с 1955 г.— Братскую (1955—1959 гг.). В 1953—1959 гг. А. П. Окладников неоднократно выезжал в среднеазиатские республики для руководства отрядами, изучавшими памятники каменного века.

В 1960-х годах Алексей Павлович сосредоточил свои исследования на районах Дальнего Востока и Центральной Азии. Особый размах приобрели исследования возглавляемой им советско-монгольской археологической экспедиции, работающей до настоящего времени.

Огромный полевой археологический материал в сочетании с данными этнографии, фольклора, языка, антропологии, архивными источниками (для поздних эпох) позволил А. П. Окладникову создать фундаментальные труды, освещающие заселение и освоение человеком Восточной Сибири и Дальнего Востока и раскрывающие сложную оригинальную историю многочисленных народов этой обширной территории. К этим трудам относятся «История Якутской АССР», т. I, «Якутия до присоединения к Русскому государству» (М.—Л., 1955); «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (ч. I, II, М., 1950; ч. III, М., 1955); «Ленские древности. Материалы по древней истории Якутии» (вып. I, 1945; вып. II, 1946; вып. III, 1950); «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959); «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока» (М.—Л., 1963) и др. Названные работы имеют и большое методологическое значение. В них А. П. Окладников продемонстрировал метод сочетания данных смежных дис-

циплин для освещения проблем этногенеза, истории культуры, показал насколько продуктивно использование фольклора как исторического источника.

Исследования Алексея Павловича не замыкаются рамками Сибири, Средней Азии и Монголии. Его перу принадлежат работы о древней истории народов Юго-Восточной Азии, о связях древних культур Европы и Азии, разделы, посвященные каменному, бронзовому и железному векам в обобщающих трудах советских археологов, историков и этнографов — «Всемирная история», «История СССР», «История Сибири», «Народы Сибири» и др.

Значительное место в исследовательской деятельности А. П. Окладникова занимает изучение кардинальных проблем первобытности, таких как становление человека и общества, происхождение искусства, возникновение религиозных представлений и формирование древних культов, роль отдельных открытий.

Большая серия работ посвящена А. П. Окладниковым наскальным изображениям Сибири и Монголии — «Ленские писаницы» (М.—Л., 1959), «Шишкинские писаницы — памятник древней культуры Прибайкалья» (Иркутск, 1959), «Петроглифы Ангары» (М.—Л., 1965) и др.

Большое место в кругу разнообразных научных интересов А. П. Окладникова занимают собственно этнографические проблемы. Особое внимание исследователя привлекала проблема происхождения якутского народа. Как известно, об этногенезе якутов и оценке их общественного строя в XVII в. в литературе высказано немало разноречивых мнений. А. П. Окладников, на основе богатого материала, добытого раскопками, а также этнографических и фольклорных данных, показал преобладающую роль южных тюркских элементов в формировании древней якутской народности. Убедительно аргументировано им положение о влиянии на общественный строй якутов их южных соседей. Предки якутов, переселенцы на Среднюю Лену из Прибайкалья, еще там были втянуты в систему ранних феодальных отношений Центральной Азии.

Внимание широкой общественности привлекли исследования Алексея Павловича о первых русских землепроходцах и полярных мореходах («Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра», М.—Л., 1948; «Пенда — забытый русский землепроходец XVII в.», «Летопись Севера», 1949, т. I). Следует отметить работы А. П. Окладникова по истории археологического и этнографического изучения Сибири.

А. П. Окладников — крупный организатор советской исторической науки. Он один из активных участников трудов по истории отдельных республик Средней Азии и Сибири. Под его редакцией готовится к печати пятитомная «История Сибири». Очень велик вклад Алексея Павловича в подготовку научных кадров археологов, этнографов и историков.

А. П. Окладников — участник многих международных конгрессов, конференций, симпозиумов.

Многолетняя энергичная деятельность А. П. Окладникова высоко оценена советской общественностью. Он заслуженный деятель науки РСФСР и Якутской АССР, лауреат Государственной премии, награжден орденом Ленина.

Коллектив Института этнографии желает Алексею Павловичу Окладникову новых творческих успехов.

И. С. Гурвич

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЮНЕСКО ПО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ

С 27 сентября по 5 октября 1968 года в г. Душанбе проходила Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху, ставшая крупным событием в мировой ориенталистике.

По инициативе СССР ЮНЕСКО приняло новый проект по изучению цивилизаций народов Центральной Азии (Средняя Азия, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран). Конференция по проблемам кушанской истории была осуществлена в рамках проекта ЮНЕСКО. Организаторами ее были Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, Академия наук СССР и Академия наук Таджикской ССР.

В конференции приняли участие около 250 делегатов из 18 стран: Афганистана, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германской Демократической Республики, Индии, Ирана, Италии, Монгольской Народной Республики, Пакистана, Польши, СССР, Соединенных Штатов Америки, Турции, Франции, Федеративной Республики Германии, Швейцарии, Японии. Среди делегатов были специалисты по истории, археологии, лингвистике, эпиграфике, истории искусства, нумизматике и др.

От Советского Союза в работе конференции приняли участие ученые из различных научных центров республик Средней Азии и Казахстана, Азербайджана, Москвы, Ленинграда, Киева, Тарту и других городов.

На конференции было заслушано около 100 докладов, по которым развернулась оживленная дискуссия.

В отличие от предшествующих международных конференций по проблемам кушанской истории, проходивших в 1913 и 1960 гг. в Лондоне и посвященных лишь кушанской хронологии, конференция в Душанбе охватила все основные проблемы кушанской эпохи, над которыми работают специалисты в различных научных центрах Азии, Европы и Америки.

Работа конференции открылась докладом председателя Комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО Б. Г. Гафурова на тему: «Кушанская эпоха и мировая цивилизация». Далее работа велась на пленарных заседаниях, посвященных отдельным проблемам: I. Итоги изучения и общие проблемы кушанской эпохи; II. Проблемы этногенеза; III. Проблемы кушанской хронологии; IV. Проблемы языка и письменности; V. История Кушанского государства и его границы; VI. История кушанского государства. Культура и социально-политический строй; VII. История Кушанского государства. Проблема культурных связей; VIII. Вопросы идеологии и религии; IX. Искусство кушанской эпохи и X. Кушанское наследие в раннесредневековом искусстве.

Конференция показала несомненный прогресс в разработке многих аспектов кушанской истории. Темы заслушанных докладов были весьма разнообразны.

По всем проблемам состоялась дискуссия, в ходе которой наибольшие разногласия выявились в вопросах о кушанской хронологии и о границах Кушанского государства. Много существенных разногласий проявилось и при обсуждении проблем этногенеза.

Вновь выдвигаемая и обстоятельно обоснованная Е. В. Зеймалем точка зрения Д. Р. Бхандарка о начальной дате Канишки — 278 г. н. э.¹ была поддержана в докладе В. Г. Луконина. Анализируя взаимоотношения Кушанского царства и Сасанидского государства по письменным памятникам и кушано-сасанидским монетам, В. Г. Луконин приходит к выводу, что датировать падение Кушанского царства можно 70 годами IV в.; это не противоречит наиболее позднему варианту кушанской

¹ К конференции Издательство «Наука» (Главная редакция восточной литературы) выпустило отдельным изданием работу Е. В. Зеймала «Кушанская хронология (Материалы по проблеме)».

абсолютной хронологии (гипотеза Д. Р. Бхандаркара — Е. В. Зеймалья). В поддержку поздней хронологии высказалась, на основании археологических материалов, Т. И. Зеймалья в докладе «Позднекушанские слои в Южном Таджикистане».

Остальные докладчики, как впрочем и все выступавшие в дискуссии, не поддержали эту точку зрения и высказали ряд критических замечаний в адрес основных положений Е. В. Зеймалья (Д. Сиркар, Г. Гумбах, Р. Фрай и др.). Но тем не менее следует отметить, что настоящая конференция отличалась от предыдущих отказом подавляющего большинства исследователей от традиционной даты начала правления Канишки — 78 г. н. э. Последнюю точку зрения определенно поддержали в дискуссии лишь К. Эноки, Д. Сиркар, А. Дани. Эта точка зрения нашла отражение и в ряде докладов по другим проблемам, где авторы специально не касались вопросов хронологии.

Большинство исследователей, выступивших с докладами по проблеме кушанской хронологии или принявших участие в оживленной дискуссии по этому вопросу, высказались за отнесение начальной даты правления Канишки ко II в. н. э. (чаще всего к середине этого века). Г. Гумбах и Б. А. Литвинский поддержали несколько более поздние даты, выдвинутые Р. Гёблем (30-е годы III в. для начальной даты Канишки). Б. А. Литвинский считает возможной даже еще более позднюю дату.

Б. И. Вайнберг в своем выступлении остановилась на новых археологических материалах из Хорезма, которые показывают, что во второй половине III — начале IV вв. н. э. в Хорезме обращались кушанские монеты без надчеканов (Канишки, Хувинши и Васудевы); это не дает возможности привлекать материалы из Хорезма для подтверждения традиционной даты Канишки — 78 г. н. э.

В резолюции конференции было отмечено, что решение проблемы хронологии окажется реально возможным лишь после появления новых данных и соединения усилий исследователей различных аспектов кушанской проблемы.

В ряде докладов (Д. Сиркар, М. Е. Массон, Н. Г. Горбунова) были подвергнуты критике принятые рядом исследователей точки зрения о северных (Хорезм, Согд, Чач, Фергана) и восточных границах Кушанского государства. В связи с этим Н. Г. Горбунова и выступавшие в дискуссии подчеркнули отсутствие (без письменных источников) объективных критериев для решения вопроса о том, входила ли та или иная область в состав государства кушан.

В докладах, посвященных проблеме этногенеза, большое место занимали археологические материалы.

В докладе А. М. Мандельштам а получили обобщение интересные данные, полученные в результате раскопок ряда курганных могильников в Северной Бактрии. Исследователь полагает, что датировка могильников «позволяет с уверенностью считать их принадлежащими именно тем кочевникам, которые в последней трети II в. до н. э. уничтожили Греко-Бактрийское царство»; отмечает он и связь их с областями к северу и северо-востоку от Средней Азии. А. М. Мандельштам высказал предположение о том, что одну из причин быстрого подъема государства кушан следует искать в политике кочевников, прочно обосновавшихся на территории Бактрии и в более северных областях (окраины Согда и др.); они использовали свое господствующее положение в земледельческих оазисах, но не подрывали их хозяйственную деятельность.

О. В. Обельченко на основании исследования курганов Бухарского оазиса высказал мнение об участии в разгроме Греко-Бактрии и сложении Кушанского государства скифо-сарматских племен, обитавших на огромной территории от Урала до Алтая и от Нижнего Поволжья до Сыр-Дарьи.

Б. А. Литвинский и некоторые другие из выступавших в дискуссии подчеркнули, что археологические материалы курганных могильников сами по себе еще не дают оснований для определения их этнической принадлежности.

Ю. А. Зуев в своем докладе вновь обратился к известным китайским источникам в связи с проблемой этногенеза кушан. Докладчик сказал о совмещении в китайских хрониках в связи с изложением истории больших и малых юэцзи данных о различных, возможно, не связанных между собою этнических группах. Больших юэцзи Ю. А. Зуев считает среднеазиатским народом и ставит под сомнение сведения об их миграции из Ганьсус.

Широкой дискуссии подвергся вопрос о языке и письменности создателей Кушанского государства. В докладе В. А. Лившица дальнейшую разработку получила точка зрения о бактрийском языке как языке кушан и тезис о местном характере кушанского этноса.

Обсуждение вопросов религии и идеологии показало несомненный прогресс в изучении этих аспектов кушанской проблемы. Новые открытия, сделанные в странах Центральной Азии, позволили по-новому рассматривать ряд явлений в идеологической области.

Весьма интересным было обсуждение проблемы кушанского искусства. Докладчики и выступавшие в дискуссии показали, что последние годы явились новым, принципиально важным этапом в понимании сложных процессов возникновения и развития кушанского искусства. Открытия, сделанные в Афганистане, Средней Азии, Индии и Пакистане, заставляют пересмотреть старые точки зрения на кушанское искусство, как на буддийское или греко-буддийское. Сейчас новые материалы, среди которых большое место принадлежит памятникам искусства из Халчаяна (Южный Узбекистан,

раскопки Г. А. Пугаченковой), показывают наличие ряда местных самобытных художественных школ, в которых большую роль играло светское искусство.

Значительное внимание на конференции было уделено вопросам политической истории Кушанского государства. Ученые привлекали самые разнообразные материалы для освещения различных проблем государства кушан и анализа социально-экономических явлений их общества.

Культурные связи в кушанскую эпоху как на западных, так и на восточных границах царства, освещались довольно широко и привлекли внимание исследователей многих стран мира. Была отмечена важность углубленного изучения этой проблемы и привлечения более широкого круга материалов.

Плодотворная научная дискуссия завершилась обсуждением вопросов международного сотрудничества. Был намечен ряд направлений дальнейших исследований. Это прежде всего исследование места культуры Кушанского государства в истории мировой цивилизации и вклада отдельных народов в сложение культуры кушанской эпохи. Была отмечена необходимость дальнейшего изучения различных вопросов истории и культуры народов Центральной Азии в кушанскую эпоху. В связи с этим конференция обратилась в Секретариат ЮНЕСКО с просьбой о продлении на два года проекта ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии и приняла ряд организационных решений. Была создана представительная международная редакционная коллегия для подготовки издания трудов по этой тематике и прежде всего монографии «История и цивилизация Центральной Азии в кушанскую эпоху». Участники конференции отметили, что этот труд должен обобщить материалы, накопившиеся в различных странах, и отразить современный уровень изучения предмета. Монография также должна в известной степени способствовать распространению знаний о культуре народов Центральной Азии.

Было обсуждено предложение о создании Международного консультативного комитета по изучению кушанской эпохи; состав комитета и его статут был определен в резолюции.

Одобрение конференции получили предложение о создании международного журнала по тематике, которую охватывает проект ЮНЕСКО, а также предложения, касающиеся международных программ изучения кушанской эпохи. Было создано несколько исследовательских групп, в которые вошли крупнейшие ученые различных стран Центральной Азии, Европы, Америки и Азии: 1. Археологические исследования и подготовка археологической карты Центральной Азии в кушанскую эпоху. 2. Корпус кушанских и кушано-сасанидских монет. 3. Социальный и экономический строй Кушанского государства. 4. Кушанское искусство. 5. Религия и идеология кушанской эпохи. 6. Кушанская эпиграфика.

Во время работы конференции была открыта выставка «Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху», на которой были представлены наиболее интересные и выразительные материалы из Средней Азии этого времени. На выставке экспонировались монеты, образцы торевтики, скульптура, живопись и другие памятники искусства, эпиграфические материалы и ряд уникальных археологических комплексов. Участники конференции и жители Душанбе могли познакомиться как с широко известными памятниками, так и с новейшими еще не опубликованными материалами, полученными при раскопках в последнее время. Выставка пользовалась большим успехом и была высоко оценена зарубежными специалистами.

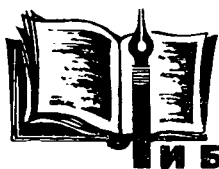
29 сентября Таджикская Академия наук организовала поездку участников конференции на места археологических раскопок: на Аджина-тепе и Кафир-калу.

6 и 7 октября участники конференции совершили поездку в Самарканд, где ознакомились с раскопками на городище Афрасиаб и с памятниками города, а также в Пенджикент.

Успешной работе конференции способствовало издание отдельными брошюрами ряда работ советских исследователей. В издательстве «Наука» вышли тезисы докладов и сообщений советских ученых, уже упоминавшаяся работа Е. В. Зеймалю с обширной английской аннотацией, а на английском языке — вступительный доклад Б. Г. Гафурова (B. Gafurov, Kushan Civilization and World Culture) и обзоры о Средней Азии в кушанский период (B. V. Stavisky, G. M. Bongard-Levin, Central Asia in the Kushan period (Archaeological studies by Soviet scholars)), об истории буддизма в Средней Азии (B. A. Litvinsky. Outline history of buddhism in Central Asia). Издательство «Советский художник» выпустило каталог выставки, где отдельным разделам предпосланы небольшие вступительные статьи ряда исследователей. Большой интерес у участников конференции, особенно зарубежных, вызвала аннотированная библиография «Советская археология Средней Азии и кушанская проблема» (составители: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова) в двух выпусках с аннотациями на русском и английском языках (издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы).

Широкий обмен мнениями, происходивший на конференции, непосредственное знакомство зарубежных исследователей с результатами археологических исследований в Средней Азии, проводившихся в последние годы и давших новый интересный материал по истории и культуре Средней Азии в кушанскую эпоху, вне всякого сомнения будут способствовать успешному решению многих спорных проблем, над которыми работают ученые различных стран.

Б. И. Вайнберг

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ш. Б. НОГМОВЫМ КАБАРДИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Вот уже 100 лет широко распространено мнение об исключительной ценности кабардинского фольклора в качестве исторического источника для воссоздания забытых страниц далекого прошлого не только кабардинцев, но также древней Руси, антов, хазар, гуннов, сарматов и пр. При этом сторонники этого взгляда не задумываются над вопросом: почему на Северном Кавказе именно кабардинский исторический фольклор выделяется необычной архаичностью? Найти удовлетворительный ответ на этот вопрос просто невозможно.

Мысль об исключительной ценности для историков кабардинского фольклора впервые высказал кабардинец Шора Бекмурзин Ногмов, который в первой половине XIX в. написал историю своего народа на основании преданий и исторических песен¹. Он принадлежал к числу тех адыгских (т. е. адыгейских и кабардинских) деятелей культуры 1830—1840-х годов, которые в свободное от службы время занимались составлением на русском языке историко-этнографических, лингвистических и художественных произведений об адыгах. Среди них был писатель Султан Казы-Гирей, о литературных способностях которого с похвалой отзывались А. С. Пушкин и В. Г. Белинский. Тогда же выступил в печати другой адыгский писатель — Султан Адиль-Гирей. Во время службы Ш. Б. Ногмова в лейб-гвардии его непосредственным начальником являлся крупный адыгейский этнограф и талантливый писатель Султан Хан-Гирей. В 1844 г. в Петербургскую академию наук была представлена рукопись «Истории несчастных чиракес», которую составил кабардинский князь Александр Мисостов. Он изложил в ней собственную концепцию истории кабардинцев и адыгейцев, отличную от концепции Ш. Б. Ногмова.

Однако литературному наследию современников Ш. Б. Ногмова не повезло. Оно, как правило, не переиздавалось, а упомянутое произведение А. Мисостова и главный труд Султана Хан-Гирея («Записки о черкесах») до сих пор не увидели света. Хотя «История» Ш. Б. Ногмова в научном отношении намного уступает неизданному сочинению Султана Хан-Гирея, она к настоящему времени выдержала пять изданий и, кроме того, переведена на кабардинский и немецкий языки. Это объясняется широкой популярностью «Истории» Ш. Б. Ногмова среди историков, археологов, этнографов, историков литературы и фольклористов. В настоящее время имеется большое число статей и брошюр, посвященных Ш. Б. Ногмову, в которых неизменно подчеркиваются заслуги этого энтузиаста на поприще просвещения, но не делаются попытки дать объективную оценку его узкой источниковедческой базы и весьма несовершенной исследовательской методики. Это обстоятельство не только мешает правильно определить место Ш. Б. Ногмова среди других адыгских историков и этнографов того времени, но и способствует живучести устаревших представлений в области истории и фольклористики.

Многие ученые с большим доверием относятся ко всему, что содержится в книге Ш. Б. Ногмова, и нередко ставят ее в один ряд с такими первоисточниками, как древнерусские летописи. В XIX в. к числу таких ученых принадлежали, например, М. П. Погодин², П. Г. Бутков³, А. А. Куник⁴ и ряд других менее известных авторов. Но ошибки Ш. Б. Ногмова не преодолены, к сожалению, и в наши дни. Именно они лежат в основе фантастических построений А. Ж. Кафоева, выдаваемых им за последнее слово

¹ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Нальчик, 1958.

² «Предания адыгейцев не бесполезны для историков России», «Москвитянин», 1850, ч. 1, кн. 2, № 2, отд. 3, стр. 41.

³ П. Г. Бутков, Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе, Газ. «Северная пчела», 1850, № 99.

⁴ А. Куник, Известия ал-Бухри и других авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб., 1878, стр. 147.

науки⁵. С отдельными ошибками Ш. Б. Ногмова, приходится встречаться в трудах многих советских этнографов, археологов, фольклористов, историков и литературоведов⁶.

Считаю нужным предупредить читателей, что пишущий эти строки далек от отрицания заслуг Ш. Б. Ногмова, но не останавливается на них лишь потому, что они уже достаточно освещены в литературе. Положительная оценка работы Ш. Б. Ногмова содержится, между прочим, и в небольшой заметке, которую напечатал автор⁷. Сейчас гораздо актуальнее обратить внимание исследователей на необходимость покончить с некритическим использованием изъезженных доводов историка-любителя первой половины XIX в.

К разбору некоторых из этих доводов мы и перейдем.

Ш. Б. Ногмов, пишет, что кабардинцы, будто бы помнят киммерийцев и называют их «кимиргенами»⁸. Нетрудно догадаться, что здесь имеет место опечатка: Кимирген вместо кимиргей, т. е. клэмыргуй, которое является старой формой названия одного из прикубанских (адыгейских) племен XVII—XIX вв., известного русским под именем темиргоевцев.

Нередко утверждают, будто кабардинский фольклор сохраняет память о сарматах. Поводом для этого недоразумения послужило следующее место у Ш. Б. Ногмова: «Еще оставалось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и поэтому носят название шармат. Здесь кстати приведу одну старинную, сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких сношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят: «ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?»⁹. Заметим, что слово «шармат» или «шеремет» было известно не только кабардинцам. Вспомним хотя бы украинскую фамилию Шеремет и русскую Шереметьев. В основе этих имен лежит тюркское слово «шеремет», имеющее следующие значения: «живость, горячность лошади»¹⁰; «имеющий скорый, легкий шаг» (о лошади); «грубый, вспыльчивый, невежливый»¹¹. Можно ли после этого утверждать, что кабардинцы сохранили память о сарматах?

Ш. Б. Ногмов считал, что в кабардинском фольклоре сохранилось имя «Косирих», которое будто бы означает «кесарь». Но «Косирих» является у Ш. Б. Ногмова, судя по всему, плодом лингвистического конструирования. Он говорит, что среди древних героев народ хранит память о «Созироко или Косирих», о котором «существует множество преданий», в том числе, что «Созироко рожден в камне» или же «вырезан из чрева умершей матери» и «вообще же он слывет побочным сыном»¹². Легко догадаться, что речь идет не о римских императорах, а о Сосрыктуэ, самом популярном герое нартического эпоса, причем неизвестно, чтобы его называли «Косирихом». Можно допустить, что последнее имя Ш. Б. Ногмов взял не из фольклора. Он пишет, что «слово кесарих (т. е. косирих).—Л. Л.) значит на нашем языке «выпорок из материн», что напоминает имя Юлия Цезаря и прозвище, данное ему по образу рождения»¹³. Показательно, что в цитатах из эпоса, которые Ш. Б. Ногмов приводит по-кабардински, вместо «Косириха» стоит «Созироко», а в переводах этих цитат это имя заменяется словом «кесарь». Таким образом, нельзя утверждать, что кабардинский фольклор сохраняет память о «кесарях».

Ш. Б. Ногмов утверждал, что в кабардинских песнях сохранились «известия о нашествии и сношениях с Атиллой, которого по свойству нашего языка предание именуется Адилем». Для доказательства, что кабардинцы служили в войсках Атиллы, Ш. Б. Ногмов цитировал исторические песни. В одной из них сказано: «Отборная наша конница отправилась к Атилле с охотой». В другой говорится: «По большим горам, как блестя-

⁵ А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники, Нальчик, 1963. Критический разбор этой книги см. в рецензии, опубликованной нами в журнале «Сов. археология», 1968, № 3.

⁶ «История русской литературы», т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 270; Г. А. Кокиев, Шора Бекмурзин Ногмов — выдающийся кабардинский ученый и просветитель, Нальчик, 1944; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 360—361; Е. П. Алексеева, Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов), «Труды Черкесского научно-исследовательского института», вып. II, Черкесск, 1954, стр. 222, 223, 227, 231, 232, 253; Очерки истории Адыгеев, т. I, Майкоп, 1957, стр. 68, 69, 72; Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания, былины, летописи, М., 1963, стр. 18—22; И. В. Тресков, Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963, стр. 218; История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, М., 1967, стр. 46, 96, 97.

⁷ Л. И. Лавров, Пионер черкесского просвещения (К 140-летию со дня рождения Ш. Ногмы), газ. «Красная Черкессия», 23 марта 1941 г., № 69.

⁸ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 72.

⁹ Там же, стр. 71.

¹⁰ Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 666.

¹¹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, вып. 4, СПб., 1908, стр. 1006.

¹² Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 92, 93.

¹³ Там же, стр. 93.

щие звезды, стекаются к Атилле воины наши»¹⁴. Но «Адыл» или «Индыл» — это не имя исторической личности, а бытовавшее у кабардинцев и адыгейцев название р. Волги¹⁵.

Б. А. Рыбаков в поисках гуннских следов пошел дальше Ш. Б. Ногмова. Он считает, что кабардинцы сохранили память о гуннском племени утургуров, имя которых он видит в кабардинском этническом названии «тургут»¹⁶. Но оно у кабардинцев означает не гуннов, а ныне существующих калмыков, и происходит от «торгут» или «торгуот» — самоназвания одной этнической группы этого народа¹⁷.

Непонятное слово «гут» в забытой ныне песне, по мнению Ш. Б. Ногмова¹⁸ и его последователей, означает «готы». Вывод этот сделан лишь на основании созвучия слов, но и оно в действительности не слишком большое, так как кабардинский термин звучит не «гут», а «гьут»¹⁹, хотя в кабардинском языке имеется звук «г».

Ш. Б. Ногмов «обнаружил» в фольклоре воспоминание и о византийском императоре Юстиниане. Он утверждал, что «по сказанию старцев, Юстин или Юстук был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витезем». Отсюда напрашивается предположение, что фольклорный герой, принятый Ш. Б. Ногмовым за Юстиниана, был на самом деле адыгом. По словам Ш. Б. Ногмова, кабардинский народ «клялся юстиниановым столом и юстиниановым троном». Юстиниана значит «Юстинов стол»; шот Юстук — «Юстинианово седалище». Однако, во-первых, «шэт Юстыкьу» — неправильное выражение, так как по-кабардински должно быть «Юстынкьу и шэт (или шэнт), т. е. «Юстукон стул». Во-вторых, «шот Юстук» созвучно имени легендарного Шушъаштэгъу, которому шапсуги приписывают введение языческо-христианских верований, существовавших у них до принятия ими ислама. Ш. Б. Ногмов мог принять этого героя за Юстиниана, при котором на Кавказе активно распространяли христианство. В-третьих, слово «Иэнэ» в выражении «Юстин и Иэнэ» означает маленький и низенький обеденный столик, который для кабардинца несовместим с понятием «трона». В-четвертых, выражение «Юстин и Иэнэ» или, в написании Ш. Б. Ногмова, «Юстиниана» представляется искусственным, так как кроме Ш. Б. Ногмова его в Кабарде никто не слышал, и оно подозрительно совпадает с настоящим именем византийского императора. Вряд ли допустим ошибку, предполагая, что здесь налицо попытка объяснить это греческое имя средствами кабардинского языка.

Еще менее правдоподобно представление о том, что кабардинцы будто бы сохранили память о средневековом народе анты. Основанием для этой версии послужило следующее сообщение Ш. Б. Ногмова о термине «адыгэ», которым называют себя адыгейцы и кабардинцы: «Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово... антихе». Кроме того, корень «ант» Ш. Б. Ногмов пытался отыскивать там, где его нет, и с этой целью прибегал к искусственному конструированию разных терминов, вроде «нар-ант» из «нарт» и др.²⁰ Однако неправдоподобно, чтобы кабардинцы и адыгейцы без каких-либо видимых причин вдруг стали бы называть себя именем другого народа, от которого они политически не зависели, никогда не жили с ним по соседству и не имели с ним общего происхождения. Ведь анты обитали за пределами Кавказа и, по признанию большинства ученых, были славянами. Термин «адыгэ» генетически связан с этническими наименованиями, существовавшими на Кавказе еще в античное время²¹, и поэтому не мог быть привнесен в средние века. Главное же заключается в том, что в Кабарде и Адыгее ни до, ни после Ш. Б. Ногмова никому не удавалось зафиксировать термин «антихе».

В. К. (Б. А.) Гарданов уже отмечал «известные натяжки» у Ш. Б. Ногмова при отождествлении им псевдофольклорного Лавристана с антиским вождем Лавритой или иначе Добритом. Перенос «места действия хорошо известных в истории событий из края, обозначенного историками, на Кавказ», Ш. Б. Ногмов, по справедливому замечанию В. К. Гарданова, исходил лишь «из созвучия имен и формального сходства в описании аналогичных по характеру событий»²². К этому нужно добавить, что имени Лавристан в кабардинском фольклоре никто, кроме Ш. Б. Ногмова²³, не находил и, судя по всему, оно образовано от Лоу (так именовалась самая крупная княжеская фамилия у абазин, игравшая немаловажную роль в истории Кабарды). В этом отношении показательно, что Лавристан, по Ш. Б. Ногмову, «похоронен под Бештовой горой»²⁴, т. е.

¹⁴ Там же, стр. 97.

¹⁵ Ср. с тем же значением: карачаево-балкарское Итил-суу, осетинское Идыл, чеченское Идал, кумыкское Андал, калмыцкое Инджил, хазарское Итиль.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 19.

¹⁷ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период, М., 1967, стр. 448.

¹⁸ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 95—98.

¹⁹ Ш. Б. Ногмов, Адыге народым и тхьдэ, Налшык, 1958, стр. 93.

²⁰ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 67.

²¹ Л. Г. Лопатинский, Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XII, Тифлис, 1891, стр. 1; Л. И. Лавров, Из поездки в Черноморскую Шапсугию Сов. этнография, 1936, № 4—5, стр. 132.

²² Б. А. (В. К.) Гарданов, «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова, В кн.: «Ш. Б. Ногмов», Указ. раб., стр. 40.

²³ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 99—105.

²⁴ Там же, стр. 104.

там, где в XVIII в. находились владения Лоу. Сובлазнительно рассматривать название «Лавристан» как составное «Лоур и стан» и переводить его как «стан (лагерь, стойбище, страна или край) Лоу», но, по законам современного кабардинского языка, это выражение должно выглядеть «Лоум и стан», хотя в текстах Ш. Б. Ногмова встречаются подобные примеры замены определенного показателя «м», свойственного эргативному падежу, на «р» — показатель именительного падежа²⁵. Во всяком случае имя Лавристан могло быть образовано от механического соединения двух соседних в песне слов «Лоур» и «стан».

Нельзя согласиться с попыткой Б. А. Рыбакова сопоставить Маремихо, сына Идара²⁶, упоминаемого Ш. Б. Ногмовым²⁷, с антским послом VI в. Мезамиром, сыном Идариса. Это неправильно уже хотя бы потому, что Ш. Б. Ногмов имел в виду сына того Идара, который был дедом Марии Темрюковны, жены Ивана Грозного. Значит, Маремихо должен был приходиться дядей Марии Темрюковны и, тем самым, жить на тысячу лет позже Мезамира. К сказанному прибавлю, что среди пяти сыновей Идара не было носившего имени Маремихо²⁸, и сообщение Ш. Б. Ногмова, таким образом, вообще основано на недоброкачественной информации.

Ш. Б. Ногмов утверждал, что и антский князь Бож, и кабардинский фольклорный герой Баксан — одно и то же. Но об истинном значении имени Баксан в книге Ш. Б. Ногмова говорить почти невозможно, так как кабардинский текст соответствующей песни не сохранился, а перевод ее носит следы значительных искажений. О характере последних дают некоторое представление следующие слова Ш. Б. Ногмова в отношении известного Этокского памятника: «Народ называет этот памятник «Дуукоха ясин» (Дауо и кьуэхэм я сынш, т. е. «памятник сыновей Дауо». — Л. Л.) вместо «Дауко Баксан», т. е. Дауов сын Баксан»²⁹. Такое вольное обращение с реально существовавшим названием понадобилось Ш. Б. Ногмову, чтобы привести его в соответствие со своей идеей. Личное имя Баксан нигде, кроме книги Ш. Б. Ногмова, не отмечено. Может быть, Ш. Б. Ногмов пользовался таким вариантом песни, в котором кабардинская река Бахъсэн (по-русски Баксан) превратилась в человека? Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что песня о Баксане не имеет отношения к борьбе антского князя Бож с готами в IV в., так как на это в песне нет никаких реальных намеков, а против этого говорят не только отсутствие настоящего созвучия между именами Баксан и Бож, но и более поздняя дата Этокского памятника, которому посвящена песня о Баксане.

Отождествление фольклорного героя Байкъан'а с аварским (обрским) ханом Баяном опирается на кабардинскую песню, перевод которой помещен в книге Ш. Б. Ногмова³⁰. Г. Ф. Турчанинов отметил, что перевод этот «очень далек от подлинника»³¹. В песне идет речь о какой-то битве в «адыгской земле», во время которой погиб конь Байкъан-хъана. Каких-либо намеков на авар песня не содержит. Трудно обнаружить и созвучие в именах Байкъан и Баян. Ш. Б. Ногмов отнес к Байкъан'у еще одну песню, перевод которой у Ш. Б. Ногмова, по справедливому мнению Г. Ф. Турчанинова, тоже «довольно далекий от подлинника»³². Эта вторая песня описывает сражение кабардинцев в Куртатинском ущелье (в Осетии) с «ктызылбаш'ами»³³, т. е. персами, и ее легко приурочить ко вторжению в Осетию шаха Аббаса I в 1614 г. Таким образом, песни о Байкъан'е не имеют отношения к средневековым аварам.

Более чем рискованно следовать за Ш. Б. Ногмовым в сопоставлении неизвестных теперь слов «хаза» или «каза» с хазарами³⁴, так как для этого нет никаких оснований, кроме очень сомнительного созвучия.

Акад. Б. А. Рыбаков считает, что под именем Алегики в кабардинском фольклоре скрывается русский тмугараканский князь Олег Святославич (XI в.)³⁵. Б. А. Рыбаков ссылается при этом на русский перевод двух кабардинских песен в сочинении Ш. Б. Ногмова. В первой из них говорится, что адыгский князь Алегики долго и тщетно ждет помощи от соплеменников, которые должны были выручить его из плена. В песне не сказано, кто именно захватил в плен этого князя, но там имеются такие слова: «Князь Алегики, зачинщик войны, негодует в Саркале на адыгов». Вторая песня воспевае князя Безруко, который совместно с «татарским ханом» совершил удачное нападение на Саркалу. Нехитрые тексты обеих песен сопровождаются у Ш. Б. Ногмова его собственным пояснением, что речь в них идет об адыго-хазарской войне³⁶.

Нетрудно догадаться, что вывод Ш. Б. Ногмова основан на сопоставлении Саркалы с хазарским городом Саркел, хотя содержание песен противоречит этому выво-

²⁵ Ш. Б. Ногма. Филологические труды, т. 1, Нальчик, 1956, стр. 51 и др.

²⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. раб., стр. 20.

²⁷ Ш. Б. Ногмов. Указ. раб., стр. 124.

²⁸ Родословные кабардинских князей, составленные в XVII в., см. в кн.: С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, М., 1889, стр. 1, 3.

²⁹ Ш. Б. Ногмов. Указ. раб., стр. 95.

³⁰ Там же, стр. 100.

³¹ Ш. Б. Ногма. Указ. раб., стр. 50.

³² Там же, стр. 53.

³³ Ш. Б. Ногмов. Указ. раб., стр. 101, 102.

³⁴ Там же, стр. 71.

³⁵ Б. А. Рыбаков. Указ. раб., стр. 20, 22.

³⁶ Ш. Б. Ногмов. Указ. раб., стр. 115—119.

ду. Во-первых, упоминание «татарского хана» указывает не на хазарское, а на более позднее время. Во-вторых, один исторический князь Бэлатыкху Бэзрыкху жил в XVII в., а другой его тезка — на рубеже XVIII—XIX вв. В-третьих, имя Алыгыкху или Алыджыкху, не имеющее отношения к тмутараканскому князю, было достаточно распространено в Кабарде в более позднее время; например, в XVII—XVIII вв. были известны кабардинские князья Алегука Сунчалеевич, Алегука Шегануков и Алегука Атажукин³⁷. В-четвертых, достоверность названия Саркала более чем сомнительна. По поводу второй песни сам Ш. Б. Ногмов пишет, что Безруко ходил походом «против Аскалы или Саркалы». Возникает вопрос: откуда взялась Аскала, когда в переводах песен значится только Саркала? Означает ли это, что в песнях встречались два разных названия для одного и того же географического пункта? В таком случае требовалось бы доказать, что варианты с Саркалой более достоверны. Но, может быть, Аскала, не случайно поставленная первой, является реально существующим фольклорным термином, а Саркала — искусственной реконструкцией, принадлежащей Ш. Б. Ногмову? Что дело обстоит именно так, доказывает кабардинский текст первой песни, опубликованный Г. Ф. Турчаниновым³⁸. Текст этот обнаружен в бумагах А. М. Шёгрена и был записан непосредственно от Ш. Б. Ногмова. Можно не сомневаться, что именно этот текст лежит в основе русского перевода первой песни в книге Ш. Б. Ногмова. Г. Ф. Турчанинов отметил, что переводы, сделанные Ш. Б. Ногмовым, «весьма далеки от подлинника»³⁹. В частности, оказалось, что в кабардинском тексте вместо Саркалы присутствует Аскълэ. Столь неожиданное открытие заставило З. Ш. Кардангушева, переводившего книгу Ш. Б. Ногмова на кабардинский язык, заменить в первой песне слова Саркълэ на Аскълэ⁴⁰.

Что же такое Аскълэ или буквально «крепость Ас»? Это хорошо известное адыгейское и кабардинское название турецкой крепости Азов. Таким образом, оказывается, что обе песни, отнесенные Ш. Б. Ногмовым к хазарским временам, воспевают более поздние события, имевшие место примерно в XVII в., когда Азов получил широкую известность и когда действительно существовали упомянутые в песнях крымско-татарские ханы, темиргоевский князь Бэлатыкху Бэзрыкху и два видных кабардинских князя по имени Алыгыкхуэ (сыновья Сунчалеева и Шеганука). Значит, и сопоставление Алыгыкхуэ с Олегом теряет какие бы то ни было основания.

«Тмутараканский цикл» кабардинских «преданий» в книге Ш. Б. Ногмова⁴¹ приобрел особенно большую популярность, хотя при ближайшем рассмотрении оказывается, что он не имеет отношения к историческому Тмутаракани и касожскому князю Редее. Ш. Б. Ногмов соединил воедино три совершенно разные вещи: сказание о единоборстве, припев свадебной песни и поговорку, в которой упоминается Тамтаракъэй. Мотив единоборства, широко распространенный в фольклоре многих народов, представлен у кабардинцев сказанием о поединке женщины-богатырши Ляшын с калмыцким богатырем или (в других вариантах) с каким-то иноземным ханом. Ш. Б. Ногмов превратил богатыршу в мужчину и заменил имя Ляшын на Ридадя, которое воссоздал из основы припева свадебной песни «оу ридадэ», столь же непонятного поюшим, как и русские «ри-да-да» или «ой, люли, люли». М. Марков в 1899 г. показал, что припев этот не является специфической особенностью кабардинского песенного творчества, так как он в разных вариантах известен не только русским, но и многим народам Сибири, и поэту, писал М. Марков, «здесь не может быть и речи о каком-либо Редее»⁴². В 1891 г. В. Ф. Миллер назвал рассказ Ш. Б. Ногмова о Редее «подозрительным преданием»⁴³. В 1911 г. Н. С. Трубецкой после критического разбора «Тмутараканского цикла» пришел к заключению, что «подлинным является только припев «оу ридадэ», а весь рассказ сочинен самим Ногмовым» и что «у адыгов нет никаких сказаний о Редее»⁴⁴. Даже такой защитник «Тмутараканского цикла», как Л. Г. Лопатинский, в 1921 г. вынужден был признать, что кабардинский свадебный припев не содержит имени Редее⁴⁵. К такому же выводу пришли и составители сборника «Кабардинский фольклор», изданного в 1936 г.⁴⁶ Специально занимавшийся исследованием «Тмутараканского цикла» сказаний Г. Ф. Турчанинов писал в 1947 г., что нужно «совершенно покончить с

³⁷ Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв., т. I, II, М., 1957. По указателю.

³⁸ Ш. Б. Н о г м а, Указ. раб., стр. 55.

³⁹ Ш. Б. Н о г м а, Указ. раб., стр. 56.

⁴⁰ Ш. Б. Н э г у м э, Указ. раб., стр. 115.

⁴¹ Ш. Б. Н о г м о в, Указ. раб., стр. 119—122.

⁴² М. Марков, Заметка о припеве «у-редеди-да-редедя», «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 345, 346.

⁴³ В. Миллер, Рецензия на «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XII, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 277, 1891, сентябрь, стр. 206.

⁴⁴ Н. С. Трубецкой, Редедя на Кавказе, «Этнографическое обозрение», 1911, № 1—2.

⁴⁵ Л. Г. Лопатинский, Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов, «Известия Бакинского гос. университета», № 1, второй полумот, Баку, 1921.

⁴⁶ «Кабардинский фольклор», Изд. «Academia», 1936, стр. 587, 588.

легендой о сохранности среди черкесов (в том числе и кабардинцев) предания о единоборстве Редеди в какой-либо, даже самой отдаленной форме»⁴⁷.

Что касается поговорки «Тамтаракай ухъу», т. е. «Будь ты Тамтаракаем», то она не может служить доказательством тесного общения кабардинцев с Тмутараканью, так как оно исходит лишь из звукового сходства терминов, а загадочный Тамтаракай или Тамтаракай встречается в поговорках не только кабардинцев, но и других народов, в том числе и не имевших непосредственной связи с исторической Тмутараканью. Ш. Б. Ногмов писал, что и у татар есть выражение «Тамтаракай бал», имеющее значение, аналогичное кабардинскому варианту⁴⁸. Одна из кабардинских здравниц содержит упоминание какого-то озера Тамтарка⁴⁹, а в осетинском фольклоре говорится о «равнине Таракай»⁵⁰. У кумыков встречается аналогичное кабардинскому и татарскому выражение «Тамтаракай болсун», т. е. «Будь ты Тамтараком». Это выражение встречается даже в Средней Азии, что уже явно противоречит желанию считать кабардинский вариант загадочной поговорки памятником тмутараканско-кабардинских связей.

Итак, все то в книге Ш. Б. Ногмова, что казалось замечательным открытием, на деле выглядит лишь нагромождением ошибок, и чем скорее наука освободится от них, тем лучше.

Л. И. Лавров

⁴⁷ Г. Ф. Турчанинов, *Летописный Редедя и черкесское «редадэ»*, «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. II, Нальчик, 1947.

⁴⁸ Ш. Б. Ногмов, *Указ. раб.*, стр. 121.

⁴⁹ «Кабардинский фольклор», стр. 80.

⁵⁰ В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, М.—Л., 1949, стр. 47.

НАРОДЫ СССР

К. В. Чистов. *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.* Издательство «Наука», М., 1967, 340 стр.

Данная книга — плод многолетних разысканий К. В. Чистова. Некоторые из вошедших в нее материалов были опубликованы автором ранее в кратком изложении¹. Теперь перед нами его труд — цельная, обширная монография. Предмет исследований К. В. Чистова не нов. В книге использована огромная литература, посвященная тем же вопросам, которые интересуют автора (имеется почти 1000 сносок). И тем не менее книга совершенно нова как по методу изучения материалов, так и по выводам. В отличие от множества монографий и мелких работ, в которых изолированно рассматриваются отдельные эпизоды в истории социальных утопий и связанные с ними соответствующие рассказы, автор изучает весь ход развития этого вида фольклора, от его истоков в XVII в. до его угасания во второй половине XIX в. Весь фольклорный материал исследуется в теснейшей связи с конкретной историей и с ее же помощью объясняется. Книга делится на две главы, названные «Легенды о возвращающемся избавителе» (стр. 24—236) и «Легенды о далеких землях» (стр. 237—346). На первый взгляд может показаться, что между этими двумя видами фольклора нет прямой связи. Однако это не так. В первой главе рассматриваются попытки активной борьбы крестьян против социального угнетения (восстания под предводительством самозванцев), во второй — попытки ухода или бегства крестьян от царско-помещичьей власти. «Два вида русских народных социально-утопических легенд... отражают две основные формы антифеодальной борьбы русского крестьянства — открытую политическую борьбу (восстание) и „уход“ — бегство в резервные районы, не освоенные еще феодальным государством» (стр. 327). Изложение — строго хронологическое, максимально аналитическое и вместе с тем детализованное. Можно с уверенностью сказать, что в книге рассмотрены все известные в русской истории XVII—XIX вв. самозванцы. Их было чрезвычайно много. Например, в 30-х — 50-х гг. XVIII в. было около полутора десятков самозванцев, причем шесть из них называли себя именем Алексея Петровича (стр. 124). Автору известны и все материалы о самозванцах. Это характеризует стиль и характер

¹ См.: К. В. Чистов, *Легенда о Беловодье*, «Труды Карельского филиала АН СССР», т. 35, Петрозаводск, 1962, стр. 116—181; его же, *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.*, «История, фольклор и искусство славянских народов. Доклады советской делегации», V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963), М., 1963, стр. 483—510; его же, *Легенды об избавителе* и проблема повторяемости фольклорных сюжетов, «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965, стр. 36—59.

исследования К. В. Чистова. Такой широкий и углубленный охват материалов позволил автору увидеть то, что не мог видеть ни один из его предшественников: поразительную повторяемость, а следовательно, закономерность, проявляющуюся как в общих составных частях рассказов, так и в деталях. Сравнивая легенды о «возвращающихся избавителях» (т. е. о самозванцах), К. В. Чистов как опытный и искушенный фольклорист, точно устанавливает одинаковые составные части их и имеющиеся варианты каждого из изучаемых элементов или составных частей. Он пишет: «В основе известных нам легенд о «возвращающихся царях-избавителях» лежит весьма устойчивая сюжетная схема, и варьирование легенд происходит в значительной мере за счет варьирования или выключения отдельных мотивов» (стр. 30). В дальнейшем максимально подробно, со всеми возможными вариациями каждой из составных частей фиксируется общий сюжетный ход каждой из этих легенд. Схема исследуется в начале книги, но она — итог широкого и максимально скрупулезного исследования легенд. Видя эту схему, читатель опасается, что содержание книги сведется к подгонке под нее сюжетов. Однако этого не происходит. Схема представляет собой как бы скелет, но изучается собственно не он, а живая плоть повествования, которая его облекает и которая составляет основной предмет исследования. Привлекается огромное количество самых разнообразных источников: «Связь легенд об «избавителях» с народными движениями, — пишет автор, — определяет характер источников, которыми мы будем пользоваться: с одной стороны, документы, созданные участниками или руководителями движений (типа «прелестных писем» С. Т. Разина, Е. И. Пугачева и его полководников и т. п.), с другой — указы, манифесты, грамоты, послания, донесения, расспросные листы (позже — протоколы допросов), художественные произведения или воспоминания, созданные противниками движения, лицами, принадлежавшими к правительственным или официальным кругам, а также иностранцами, побывавшими в России» (стр. 26). Эти документы, тщательно и правильно прочитанные, вскрывают глубокую трагедию, пережитую народом тех времен.

Несколько иной характер имеет вторая глава. Как и в первой главе, описания в ней всегда предельно глубоки и детализованы. Прекрасное знание источников позволяет автору и здесь рисовать максимально полную и вместе с тем чрезвычайно колоритную картину. Бесстрастное перо исследователя показывает, что доведенные до нищеты и отчаяния крестьяне, иногда десятки тысяч крестьян на основании нелепых, но закономерно возникающих слухов, отвечающих их смутным стремлениям к вольному труду в условиях социальной справедливости, снимаются с мест и устремляются в неведомые земли. Эти попытки людей, которых нарочито держат в невежестве и темноте, обычно оканчиваются трагически. Против таких переселенцев высылаются войска, и крестьяне возвращаются обратно, причем многие погибают. Побудительная причина, заставлявшая людей покидать обжитые места в поисках фантастических земель обилия и свободы, всегда одна, но формы выражения ее разнообразны. Здесь нет такой закономерности, какая выявляется в первой главе. Выход в казачество, стихийные попытки заселения необитаемых земель (Сибирь), выход за пределы Русского государства (стихийное переселение в Турцию) — все это разные формы проявления одной исторической закономерности, изучаемой максимально подробно и пристально.

Неудачным следует признать применение слова «легенда». Вопросы научной терминологии очень важны. Латинское *legenda* представляет собой герундий множественного числа от глагола *legere* — «читать», означавший чтение вслух во время монастырских трапез, т. е. благочестивые рассказы о святых и подвижниках. Слово это в точности соответствует старинному русскому слову «четьи», применявшемуся в русском монастырском обиходе. В дальнейшем это слово множественного числа стало восприниматься как слово единственного числа. Исконное его значение слышится в таких заглавиях, как «Легенда о Юлиане Милостивом» И. С. Тургенева или «Легенда о совестном Даниле» Н. С. Лескова. Содержание слова все более расширилось и получило значение рассказа о людях, совершивших необычайные подвиги, в том числе и о героях в современном понимании этого слова. К текстам и судебным и прочим материалам, исследуемым К. В. Чистовым (о самозванцах, о фантастических далеких землях), этот термин не подходит. Автор имеет дело с рассказами, передававшимися в виде слухов, не имеющих художественной формы. Слухи, исследуемые в книге К. В. Чистова, сопровождающие крестьянские движения, полны величайшего интереса для историка и фольклориста, но это не легенды. Можно заметить, что в вопросе о жанрах и их специфике у автора вообще нет полной ясности. Сближение изучаемых материалов со сказками (стр. 161, 321, 328 и др.) не убедительно. Не убедительны также такие предположения, как например на стр. 313: «Поэтический образ страны благополучия, расположенной на острове, известен фольклору многих народов и генетически восходит, вероятно, к представлению об острове, на который переселяются души умерших предков, либо первоначально к представлению о параллельном существовании двух, трех и более миров, которые эпизодически сообщаются друг с другом». К русским материалам такие догадки неприменимы. Представления о далеких, но будто бы реальных краях земледельческого благополучия вырастают всякий раз заново, когда в них возникает потребность, что прекрасно доказано автором всем содержанием его книги. Здесь он сам себе противоречит. К счастью, подобных необоснованных предположений в книге мало.

В заключение необходимо сказать, что книга весьма содержательна и несомненно представляет собой выдающееся достижение советской исторической науки и фольклористики. Автор увидел закономерности там, где его предшественники видели разрозненные факты. Сделанные им открытия представляют собой значительный вклад как в изучение истории, так и в изучение фольклора.

В. Я. Пропп

В. К. Гарданов. *Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.)*. Издательство «Наука», М., 1967, 331 стр.

Рецензируемая книга известного кавказоведа В. К. Гарданова представляет большой интерес как для этнографов, так и для историков.

Автор посвятил свое исследование адыгским народам, составлявшим в XVIII — первой половине XIX в. одну из наиболее крупных этнических групп Северного Кавказа и входящим ныне в три автономных государственных образования. Хронологические рамки исследования обосновываются автором тем, что, с одной стороны, изучение периода XVIII — первой половины XIX в. обеспечено большим количеством разнообразных источников, с другой — тем, что общественный строй адыгов еще не подвергся в это время сильному влиянию России. Последнее обстоятельство позволило В. К. Гарданову показать все своеобразие протекавших у адыгов сложных социально-экономических процессов, влиявших и на общественный строй других народов Северного Кавказа. Возможность наблюдать развитие у адыгов феодальных отношений на конкретном историческом материале обуславливает социологическое значение выбранной автором темы, важной для изучения общих вопросов генезиса феодализма.

В. К. Гарданов основывает свое исследование на огромном круге разнообразнейших источников, бывших предметом его многолетних разысканий. Это прежде всего архивные документы фондов русских центральных и местных учреждений. Особое место среди источников, привлеченных автором, занимает обычное право адыгских народов, знатком норм которого он является. В. К. Гарданов не только подверг глубокому анализу те сборники адатов, которые были составлены по распоряжениям русского правительства в первой половине XIX в., но изучил также их применение в судебной практике, что позволило ему сделать ряд тонких наблюдений. Широко привлечены как опубликованные, так и неопубликованные описательные труды иностранных и русских авторов. Впервые в исторической литературе детально использован недавно найденный и еще ожидающий издания замечательный труд адыга Хан-Гирея «Записки о Черкесии» 1836 г.

Всестороннее знание литературы — дореволюционной и советской — позволило В. К. Гарданову сосредоточить свое внимание на вопросах, недостаточно изученных и дискуссионных. К ним он справедливо отнес следующие: расселение, племенной состав и численность адыгов в изучаемый период; соотношение различных отраслей их хозяйства; формы землевладения и социально-классовая структура; роль дофеодальных институтов в феодальном адыгском обществе. Исследованию перечисленных вопросов автор и посвятил насыщенные содержанием четыре главы книги. Выводы всегда основаны на богатом конкретном материале и его теоретическом анализе и в большинстве случаев представляются убедительными. Вместе с тем некоторые вопросы нуждаются в дополнительных разысканиях, к которым побуждает само содержание книги. К ним прежде всего относится тема первой главы: «Территория и численность адыгов», являющейся в известной степени вводной.

Страницы книги, посвященные занятию адыгами территорий, — историко-географический этюд, ценный для создания соответствующей исторической карты. В. К. Гарданов оговаривает, что пользуется преимущественно подробными сведениями первой половины XIX в., которые позволили ему сделать выводы о происшедшем к этому времени слиянии ряда этнических групп (условно — «племен») в более крупные и о значительном увеличении численности так называемых «демократических» племен за счет крестьян, бежавших к ним от феодальной эксплуатации с территории «аристократических» племен. В разделе о численности адыгов автор скрупулезно сопоставляет показания источников, сводя их в две таблицы (стр. 32 и 42).

Преимущественное внимание автора к источникам первой половины XIX в. ставит перед будущими исследователями задачу изучить изменения, происходившие на протяжении предшествующих веков в расселении и численности адыгов. Здесь кавказоведам настоятельно нужна помощь тюркологов. Еще в 1961 г. Институтом народов Азии АН СССР опубликован первый выпуск сочинения турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби; выход в свет второго выпуска, относящегося к его путешествиям по Северному Кавказу, задерживается. Остается пока вне поля зрения исследователей и карта Северного Кавказа, приложенная к константинопольскому изданию 1732 г. «Джихан-Нума», труда другого турецкого автора XVII в. — Катиб Челеби; И. Ю. Крачковский датирует карту первыми десятилетиями XVIII в.

При определении численности различных адыгских этнических групп автор привлекает данные о количестве дворов и их населенности, приходя к выводу, что наиболее

вероятной цифрой для адыгского населения 1830-х — 1840-х гг. является 500 тыс. человек обоего пола; средней нормой обитателей адыгского двора автор считает 5—8 человек. Понятно, что для определения численности адыгов вопросы о количестве и населенности дворов имеют решающее значение. Но здесь далеко не все ясно. Входят ли во все использованные автором подсчеты дворы феодалов с их многочисленным населением? Учитываются ли лагунапыты (разряд крепостных крестьян у кабардинцев), жившие своими домами, но во дворах феодалов? Включает ли автор в приведенную им цифру населения унаутов — рабов, не имевших своих дворов? Вопрос о населенности адыгского двора в первой половине XIX в. нуждается в дополнительном изучении.

В главе о хозяйственном строе адыгов большой интерес представляет новый и хорошо обоснованный вывод автора о преобладающем значении у горных племен земледелия, а на равнине — скотоводства, бывшего здесь, по мысли автора, экономически наиболее целесообразным видом хозяйственной деятельности в социально-экономических условиях того времени. Обширный конкретный материал, привлеченный В. К. Гардановым, убеждает, что он прав в полемике с рядом предшествующих авторов. Менее разработаны разделы, посвященные домашней промышленности и ремеслам и особенно торговле.

Для последнего раздела, как и для определения численности скота у адыгов, автор пользуется известным трудом французского консула в Крыму в 50-х годах XVIII в. Ш. Пейсонеля (Ch. Peyssonel). Несмотря на большое значение этой книги для изучения истории адыгских народов, она до сих пор не подвергалась сколько-нибудь серьезному историко-научному анализу.

Первая задача, которая встанет перед будущими исследователями труда Ш. Пейсонеля, — перевод на современные меры турецких и крымских мер веса (квинтал, ок и др.). Широко распространенное в литературе отождествление квинтала в труде Пейсонеля с центнером в современном его значении завышает приведенные Пейсонелем сведения. Вторая историко-научная задача — проверка цифр Пейсонеля, данных не в весовых единицах, а в числе штук товара. Цифры, относящиеся к изделиям адыгской домашней промышленности, если принять их без критической оценки, свидетельствуют о наличии у адыгов товарного производства и во всяком случае противоречат определениям В. К. Гарданова, который правильно, на мой взгляд, характеризует хозяйство адыгов как натуральное (стр. 112) и говорит о «почти полной оторванности крестьянской семьи от рынка» (стр. 133).

Развитию торговли адыгов с Россией и непоследовательной политике русского правительства в этом вопросе автор уделяет стр. 114—122, не ставя своей задачей подробное исследование данной темы. Изучение обширного фонда Кизлярской крепости и кизлярской таможни остается задачей будущего и затруднено неоднократной перебрской этого ценного фонда, хранящегося в настоящее время в Центральном гос. архиве Дагестанской АССР в Махач-Кала. Перспективным представляется и исследование по материалам астраханской таможни корней русско-адыгской торговли, уходящих в XVII в. (для XVII в. — в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, для XVIII в. — в Гос. архиве Астраханской области).

Глава третья — «Система адыгского феодализма» — обобщает многолетние исследования автора и раскрывает своеобразие феодальных отношений у адыгских народов.

Один из сложных вопросов изучения адыгского феодализма — выяснение характера феодальной собственности на землю, не получившей четкого юридического оформления. На обширном конкретном материале В. К. Гарданов показал распространенный у адыгов «фамильный» принцип феодального владения, обычный как в княжеских семьях, так и у уорков высших степеней, и постепенное его вытеснение частно-семейным принципом с наследованием по отцовской линии. Начало борьбы этих двух принципов автор относит к первой половине XVIII в. (стр. 144) и прослеживает ее развитие как на примерах судебных дел с применением норм обычного права, так и на мастерском анализе двух списков землевладельцев Кабарды — 1839 и 1846 годов (стр. 144—147). Замечу, что некоторые явления, отнесенные автором к XVIII в., известны по источникам XVII в.

Другие разделы главы посвящены характеристике класса феодалов, класса крестьянства и отражавшей классовое деление системы композиций.

Детально рассматривает В. К. Гарданов иерархическое деление адыгского феодального класса. Ярко показаны закрепленные нормами обычного права prerogative адыгских князей, их взаимоотношения с вассалами — уорками и феодально-зависимым крестьянством. Впервые дана с такой наглядностью картина княжеских набегов и междоусобий, свидетельствующая о том, что «адыгские князья не только не способствовали экономическому и политическому развитию страны, но были ему прямой помехой» (стр. 179). Содержательны страницы, посвященные княжеским вассалам — уоркам. Автор сравнивает положение уорков двух высших степеней с положением бояр-вотчинников на Руси. Интересно объяснение термина «козлары» русских источников XVII в. от кабардинского термина «кодз», «коц». В. К. Гарданов прав, ссылаясь на известия итальянца Интериано как на доказательство наличия у адыгов феодальных отношений уже в XV в. Приходится, однако, признать, что из-за скудости источников начальные этапы складывания феодальных отношений у адыгов остаются малоизученными, и едва ли можно надеяться на разгадку происхождения адыгских князей (пши), уорков высших степеней (тлакотлешей и деженуго).

В разделе о крестьянстве автор уделяет много внимания тфокотлам и выяснению путей их превращения из свободных общинников в феодально-зависимых, а иногда и крепостных крестьян. Источники XVIII и первой половины XIX в., записи адатов, судебные дела дают автору богатый материал. Незавершенность этого процесса является, по мнению автора, одной из важнейших особенностей горского феодализма, его «относительно недостаточной развитости». Пробелом, вызывающим необходимость дополнительных исследований, надо признать отсутствие специального раздела об унаутах-рабах, положение которых не могло не влиять на положение крепостных крестьян.

Как известно, авторы, наблюдавшие адыгов в первой половине XIX в., делили их племена на «демократические» и «аристократические». В. К. Гарданов показывает условность первого определения. Он обосновывает положение о том, что у племен абадзехов, шапсугов и натухайцев также существовали феодальные отношения, хотя и менее развитые, чем у так называемых «аристократических» племен, и что так называемый «демократический переворот» конца XVIII в. не уничтожил радикально господства феодалов и вызвал новую своеобразную форму феодализации, выдвинув верхушку крестьянства — старшин. Причины уходящих вглубь различий в общественном строе отдельных адыгских этнических групп остаются недостаточно выясненными.

Последняя глава — «Некоторые особенности классовой борьбы и общественно-политического строя» — имеет выдающееся значение для раскрытия особенностей адыгского и шире — горского — феодализма. Автор с исчерпывающей убедительностью показывает, как нормы обычного права и сложившиеся в еще дофеодальный период архаические институты прикрывали феодальную эксплуатацию. Гостеприимство, куначество, патронат теряли архаические черты и использовались феодалами для увеличения числа зависимых людей. Еще в более ранней статье «Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в.» («Сов. этнография», 1960, № 5) В. К. Гарданов развил эту концепцию на материале, относящемся к ряду северокавказских народов. В рецензируемой книге он расширил и углубил свою аргументацию применительно к адыгскому общественному строю.

В разделе об адыгских братствах автор, наоборот, показывает, как архаический институт братств, в древнем своем значении родственных союзов, превращался в организационную форму классовой борьбы крестьянства против феодалов. Вопрос о «братствах», почти совсем не изученный, получает в книге В. К. Гарданова совершенно новое и интереснейшее освещение.

Изучая проявления классовой борьбы в адыгском обществе, автор ищет ее корни в XVII в. Он анализирует известия трех авторов — Д. Белля, Н. Л. Каменева и Н. Витзена. Последний передал в своем труде 1692 г. рассказ из книги «анонимного английского писателя», изданной во французском переводе в Париже в 1679 г. Рассказ этот — о восстании «чиркассов» против «крупной и мелкой знати» — В. К. Гарданов относит к причерноморским и прикубанским адыгам.

Поиски источника пересказанного Витзеном сообщения привели к результатам, вызывающим сомнение в правильности такого толкования источника. Витзен очень неточно пересказал текст о «чиркассах» из французского (тоже не вполне точного) перевода де Барра (Des Barres) изданной в Лондоне в 1671 г. книги Самюэля Коллинса, состоявшего в 1660-х годах в течение девяти лет врачом при царе Алексее Михайловиче¹. Посвященная «чиркассам» X глава этой книги носит явные черты компилятивности, привнесенные, возможно, не Коллинсом, а теми «учеными и искусными» людьми, которые подготовили посмертное издание незавершенной Коллинсом рукописи. Хотя в книге Коллинса нет указания Витзена на Борисфен и берег Меотийского моря как места жительства «чиркассов», отнесение известия о восстании против знати и дворянства (nobility and gentry) к прикубанским и причерноморским адыгам весьма сомнительно. Склоняюсь к мнению П. Киреевского, который, публикуя русский перевод сочинения Коллинса, отнес сообщения главы о черкасах к малороссиянам². Если Киреевский прав, восстанием чиркасов, у которых солдаты называются «козаками» (cossachs), английский автор, следуя каким-то польским источникам, назвал борьбу украинского казачества против господства поляков.

Раздел о дуальной организации у адыгов несомненно привлечет внимание специалистов-этнографов и получит их компетентную оценку. Позволю себе заметить, что если поиски следов дуальной организации в адыгских генеалогических легендах и в играх убедительны, то возможность проследить ее пережитки в структуре адыгского общества вплоть до середины XIX в. представляется спорной.

Книга В. К. Гарданова, обобщая его труды, является новым крупным вкладом в советское кавказоведение. Как и всякое большое исследование, она несомненно даст толчок дальнейшему изучению ряда вопросов истории адыгских народов.

Е. Н. Кушева

¹ «The present state of Russia in a letter to a friend at London, written by an eminent person, residing at the great Tzars court at Mosco for the space of nine years», London, 1671, chapt. X.

² В «Чтениях Об-ва истории и древностей российских», 1846, № 1. То же мнение высказывает В. Граф (W. Graf) в комментариях к нем. переводу книги Коллинса (см. «Slawisch-Baltische Quellen und Forschungen», Hf. 4, Leipzig, 1929, S. 82).

Il folklore. Tradizioni, vita e arti popolari. Testo a cura di Paolo Toschi. Milano, 1967.

Рецензируемая книга вышла в свет как XI завершающий том серии «Познай Италию», издаваемой в течение десяти лет (с 1957 по 1967 гг.) Итальянским туристическим клубом. Она рассчитана на широкий круг читателей, но не менее ценна и для специалистов-этнографов, интересующихся народными традициями, бытом и культурой итальянцев. Работа представляет собой, пожалуй, первую в Италии книгу, в которой дается сравнительно полный обзор этнографии страны. Монография разбита на десять глав, восемь из которых принадлежат перу крупнейшего итальянского этнографа Паоло Тоски, профессора кафедры истории народных традиций при Римском университете.

Книге предпослано краткое предисловие президента Итальянского туристического клуба Ф. Реджори. Первое, на что в нем обращает внимание читатель, это определение и анализ понятия «фольклор»: для Реджори (как и для многих других западноевропейских ученых) термин «фольклор» охватывает все виды народного искусства, все элементы материальной культуры, традиции, обычаи, верования, сказки, магию, народные песни, поговорки, традиционные игры, ритуалы и праздники, которые сопутствуют наиболее существенным формам жизнедеятельности людей.

Более детальный анализ термина «фольклор» дается во «Введении», написанном П. Тоски. Он отмечает, что этот термин, внесенный в 1846 г. в науку У. Дж. Томсом, не всюду был принят. Так, немцы до сих пор пользуются собственным термином «Volkskunde». В Италии же примерно в тот же период были приняты термины «demopsicologia», «demologia» и особенно «tradizioni popolari». В настоящее время этот итальянский термин употребляется наряду с международным, каковым Тоски считает «фольклор». Автор в целом соглашается с содержанием, которое вкладывал в этот термин Томс. Иными словами, он, как и многие другие зарубежные исследователи, включает в это понятие не только устное народное творчество, а все разделы этнографии.

Во «Введении» Тоски подчеркивает связь между терминами «народный» и «национальный». Он поясняет, что есть некоторые компоненты «народных» традиций, которые по существу являются достоянием не тех или иных слоев «нации» (которые вместе взятые и называются «народом»), но всей «нации» в целом. Таковы, например, некоторые обряды, связанные с рождением, свадьбой, похоронами, кое-какие предрассудки, поговорки и пр.

Во «Введении» находим также очень краткий анализ развития этнографических исследований в Италии в XIX в.

В I главе («Черты итальянских народных традиций», стр. 11—14) Тоски указывает, что в Италии можно встретить обычаи, обряды и верования, как возникшие лишь несколько веков назад, так и восходящие к глубокой древности. В них сохранились элементы тех форм античной и средневековой общественной жизни и культуры, которые сами давно уже сошли с арены истории. Народ, как пишет Тоски, обладает паразитической способностью приспосабливаться к новым формам жизни, но вместе с тем он сам приспосабливает многие феномены старого уклада к новым условиям. Для иллюстрации этого положения автор приводит много примеров (игры, обряды, танцы, поэтическое творчество, праздники и др.). На стр. 13 Тоски особенно подчеркивает влияние взаимоотношений различных классов общества на формирование этих феноменов.

Глава II («Цикл человеческой жизни», стр. 15—26) посвящена анализу и краткому описанию верований и обрядов, связанных с рождением детей, обручением, свадьбой и похоронами. Иногда автор приводит обычаи или обряды, распространенные по всей стране, чаще же фиксирует лишь местные особенности того или иного обряда или указывает на его сохранение в различных областях.

С большим интересом читается глава III («Праздники и обряды годового цикла», стр. 27—44). Излагая фактический материал, автор стремится подкрепить им две свои главные мысли по поводу народных праздников, высказанные им в начале главы: «Мы повторяем в разных видах праздники, которые имели в древности тот же смысл...» и «Эти праздники состоят из ритуальных форм, направленных на удаление зла, накопившегося в предшествующий период, и на призывание добра на тот период, который начинается с этого дня...» (стр. 27).

В главе множество примеров, поясняющих эти мысли Тоски. Приведем лишь некоторые, наиболее интересные из них. Пережитки древнего обряда устранения всего старого и плохого Тоски видит в бытующем еще в наши дни новогоднем обычае выбрасывать в полночь из окон старую мебель, негодную посуду и прочий хлам. Другой новогодний обычай — дарить друг другу подарки («strenne») — автор считает прямым продолжением древнеримского обычая, называвшегося *streniarum commercium* (стр. 27).

В христианском католическом празднике *Candelora* (Сретение, 2 февраля), отмечаемом в официальной литургии как очищение Марии через сорок дней после родов, кульминационный момент состоит в благословении больших свечей (*ceri*). Тоски пишет, что этот праздник приобрел большую торжественность в Риме еще в VII в. В этот день обычно устраивалась длинная процессия со свечами, так называемая *cereogium luminibus conuulsans*. Автор считает, что этот праздник заменил языческий праздник *луперкалий*, тоже носивший очистительный характер.

В народных метеорологических предсказаниях Канделора знаменует поворот от зимы к весне. И во всей Европе, пишет Тоски, распространено поверье: в этот день медведь вылезает из берлоги посмотреть, какая погода. Если облачная, он тремя прыжками возвещает о конце зимы, если ясная, возвращается в берлогу, предвидя еще сорок дней холода. С этим древним поверьем автор связывает один из народных среднетенских обычаев, бытующий еще в некоторых долинах Пьемонта. Вечером накануне праздника деревенские парни пытаются обманом заставить выйти из дома какого-нибудь гостя или важного человека. А когда тот окажется на улице, окружают его и кричат, что вышел медведь.

Многие древние праздники и обычаи языческого мира, имевшие смысл обрядов начала годового цикла, слились, по мнению Тоски, в Карнавале. Сюда, например, переместился древний бурный праздник Сатурналий, отмечавшийся в Риме в день зимнего солнцестояния. Автор пишет, что и сам главный персонаж этого праздника — Карнавал — не кто иной, как преемник царя Сатурналий. И, как последний, приняв роль бога Сатурна и царя пиршества, в конце веселого праздника приносился в жертву, так и в наши дни Карнавал после участия во всех проявлениях веселья и пиршества отдается под суд, приговаривается к смертной казни и сжигается. Тоски рассматривает эти действия как один из обрядов устранения зла в начале года (стр. 31). Карнавальное веселье он считает пережитком древнего обряда, вызывающего благополучие (стр. 33).

IV глава («Сельское жилище и населенные пункты», стр. 45—52) написана итальянским географом, доцентом Палермского университета Ф. Бонасера. Она состоит из двух разделов — «Сельские поселения и их распространение» и «Эстетика и структура сельского жилища Италии». Наибольший интерес представляет второй раздел. Автор дает свою классификацию традиционного итальянского жилища. Хотя Бонасера нигде не говорит о своем критерии выделения определенных типов жилища, но по его описаниям домов того или иного типа, а также по фотографиям и планам построек, иллюстрирующим эту главу, можно догадаться, что он выделяет свои типы и подтипы сельского жилища страны по внутренней планировке и по связи жилых и хозяйственных помещений в доме.

Бонасера делит традиционное жилище Италии на пять главных типов, которые, в свою очередь, подразделяет на мелкие типы. Главным типам автор дает следующие названия: 1) итальянские формы, 2) альпийские жилища, 3) средиземноморские формы, 4) особые формы и 5) временные жилища.

К итальянским формам Бонасера относит три типа жилища. Первый он называет *la casa unitaria* («единый дом»). Он состоит из единой двухэтажной каменной постройки. Два ската его малонаклонной крыши покрыты черепицей. На верхний этаж ведет чаще всего внешняя каменная лестница. Бонасера указывает, что в таких домах жилое помещение (*abitazione*) и хозяйственное помещение (*rustico*) или примыкают друг к другу, или помещаются на разных этажах («рустик» на нижнем этаже, «абитационе» — на верхнем). В кухне над квадратным или круглым очагом располагается вытяжной колокол. Автор сообщает некоторые подробности о хозяйственных помещениях этого дома, а также кратко характеризует различные его варианты. Из его описаний явствует, что этим типом в его классификации обозначен тип дома, который другие итальянские этнографы называют итальянским или латинским. Сам Бонасера в одном месте называет его почти так же — *la casa italica di tipo unitario* (итальянский дом единого типа).

Большое место автор отводит характеристике второго подтипа среди «итальянских форм». Он называет этот подтип *la dimora rurale a «corte»* — сельское жилище с «двором». Жилые и хозяйственные постройки в жилище этого типа располагаются так, что образуют замкнутый четырехугольник.

В качестве второго крупного типа жилища автор описывает хорошо известный в европейской этнографической литературе альпийский дом. Бонасера дает краткую характеристику самого дома и некоторых хозяйственных построек, расположенных поблизости. Это — двух- или трехэтажное здание, иногда целиком каменное, иногда из камня строят лишь нижний его этаж, верхний же представляет собой сруб. Этажи сообщаются друг с другом посредством деревянной лестницы, обычно внутренней. Часто вокруг всего второго этажа альпийского дома проходят балконы или закрытые галереи. Главным элементом жилища этого типа Бонасера считает так называемую «стубу» (*la stube*), располагающуюся обычно на нижнем этаже. Он характеризует ее как комнату, о которой больше всего заботятся и в которой вокруг большой печи (*stufa*) стоят скамейки и столы.

Третий выделенный им крупный тип итальянского жилища автор назвал «средиземноморские формы» (*forme mediterranee*). Описанию этого типа жилища, распространенного лишь в Апулии и на некоторых малых островах, он отводит очень мало места. Это каменный одноэтажный дом, квадратный в плане, чаще всего состоящий из единственного помещения (без окон) с камином посередине. Иногда помещений несколько. Отличительной особенностью домов этого типа, очевидно, следует считать их оригинальную крышу: она может быть террасной (т. е. плоская кровля разных помещений располагается на разных уровнях), купольной или конусовидной. Судя по описанию Бонасеры, это, наверное, тип жилища, известный в литературе под названием левантинского дома и встречающийся во многих странах Средиземноморья, от Испании до Сирии и Ливана. По-видимому, это довольно древняя форма европейского

сельского жилища. Жаль, что европейские этнографы ей редко уделяют внимание. Досадно, что и Бонасера посвящает характеристике таких домов лишь несколько строк.

Как «особые формы» жилища Итали автор главы описывает так называемую венецианскую «казону» (casone), апулийский «трулло» (trullo), хижины и примитивные постройки и, наконец, жилища, вырытые в пещерах.

У главы книги («Земледельческая и пастушеская жизнь», стр. 53—56) дает читателю гораздо меньше, чем казалось бы, обещает ее заглавие. Здесь описываются лишь основные виды крестьянских повозок, некоторые орудия труда и кое-какие обряды, связанные с сельскохозяйственным календарем. Скороговоркой написана VI глава («Морская народная жизнь», стр. 57—60), где коротко сообщается о некоторых обычаях итальянских рыбаков.

С интересом читается VII глава (стр. 61—66), посвященная характеристике итальянской народной поэзии, пословиц, народной музыки, танцев и драматических форм.

С большим знанием дела написана VIII глава («Народное искусство», стр. 71—78), где очень подробно характеризуется изобразительное творчество итальянского народа. Некоторое недоумение вызывает, однако, принцип разбивки этой главы на параграфы. Их девять: 1. Искусство пастухов. 2. Крестьянское искусство. 3. Мебель. 4. Ткани. 5. Вышивки. 6. Керамика. 7. Обработанные металлы. 8. Народное религиозное искусство. 9. Народные эстампы. Здесь два первые параграфа значительно шире, чем все остальные и выделены по принципу того, кто занимается определенными видами ремесла (пастухи, крестьяне), а остальные семь параграфов — на основании того, что производят народные мастера. Такой принцип распределения исследуемого материала не совсем удачен, да и он не выдержан до конца. Из первого параграфа узнаем, что итальянские пастухи в свободное время занимаются главным образом художественной обработкой дерева и кости. Но здесь же Тоски говорит о ремесле плетения на Сицилии и Сардинии. Насколько известно автору рецензии, на итальянских островах плетением мелких предметов из камыша, рафи и другого местного сырья занимаются не пастухи, а профессиональные ремесленники в небольших городах. В параграф «Крестьянское искусство» Тоски включает только описание сельских повозок нескольких областей страны, причем в основном он отмечает лишь региональные особенности в форме и декоре.

Несколько удивляет непропорциональность внимания, уделяемого автором тем или иным отраслям народного искусства. Так, об упомянутом выше художественном плетении в книге имеется всего одна фраза и три фотографии плетеных изделий с очень скупymi надписями под ними. Читатель не получает сведений о том, кто в Италии занимается плетением, как давно возникло в стране это художественное ремесло, какова техника плетения и орнаментации корзин и других предметов. Единственную фразу Тоски отвел и искусству резьбы по дереву в Валь Гардене. А ведь это район, получивший благодаря своим мастерам, вырезающим крупные скульптуры, европейскую известность. Странно и то, что эта фраза помещена автором в параграф «Мебель».

Если не обращать внимания на эти недостатки, следует сказать, что в параграфах, посвященных характеристике отдельных видов итальянского народного изобразительного искусства, Тоски проявляет прекрасное знание исследуемого предмета и знакомит читателей с интереснейшим материалом.

IX глава («Итальянская народная одежда», стр. 79—85) написана доцентом истории народных традиций Университета в Кальяри Ф. Альциатором. В двух местах он столь ярко определяет «сегодняшнюю ситуацию» бытования традиционной одежды, что их стоит привести целиком. «За исключением небольших консервативных пространств,— пишет автор,— итальянский народный костюм не существует больше как каждодневная реальность, но продолжает жить только обманчивой и прерывистой жизнью на сельских праздниках и манифестациях при более или менее искусственном руководстве, в туристических целях и для муниципального честолюбия» (стр. 79). И дальше: «После второй мировой войны продолжался процесс, начатый уже в первые годы века, и практически существование народной одежды уже подходит к концу. Пережитки, ограниченные небольшими консервативными зонами, не позволяют больше говорить в настоящее время о народной одежде для каждой отдельной области. В общем это переодевание от случая к случаю. Народная одежда существует в иконографии, в материалах музеев, коллекций и в литературной традиции» (стр. 82). Поэтому, заявляет автор, об итальянском народном костюме можно вести речь лишь в историческом плане.

Он критикует тенденцию непременно стараться увидеть в традиционном костюме черты, восходящие к глубокой древности. В общих чертах, как пишет Альциатор, так называемые народные костюмы намного новее, чем полагают. Традиционные костюмы, которыми любят на ярмарках, процессиях и церковных представлениях всей Европы, являются, по мнению автора, результатом развития компонентов, появившихся главным образом во второй половине XVIII в. Правда, замечает потом Альциатор, не вся одежда возникла в указанное время. Отдельные элементы народного костюма, еще бытующие в некоторых итальянских областях, восходят к глубокой древности. Такова сардская безрукавная куртка — «маструка», шитая из шкуры мехом наружу, упоминание о которой имеется уже у Цицерона. Древнее происхождение, несомненно, имеют и «чочи» — обувь, сделанная из одного куска кожи и завязывающаяся ремнями, наподобие сандалий древних римлян (от которых она, наверное, и происходит). В некоторых районах Сардинии (а также в Швеции и на Балканах) в мужском народном

костюме сохраняется короткая юбочка из черной дмотканной шерсти, называемая «рагас». Такие юбочки носили римские legionеры. Древнего происхождения также мешкообразный мужской головной убор «беретта», распространенный во многих районах Средиземноморья.

По особенностям одежды автор делит Италию на несколько зон. Он не претендует на исчерпывающую характеристику региональных различий костюма, говоря, что на это понадобился бы целый том. Альциатор в весьма сжатой форме дает наиболее характерные черты народного костюма 13 выделенных им самим зон.

Книга заканчивается X главой, написанной Тоски. Она называется «Мир магии и предрассудков» и включает в себя параграфы: «Народная медицина», «Маги и колдуны», «Амулеты и талисманы, дурной глаз», «Знаки и предвидения», «Фольклор природы».

Книга в целом дает, бесспорно, квалифицированную информацию о различных сторонах народной жизни Италии. Однако нельзя не отметить чрезмерную дескриптивность и традиционность описания этой жизни. Описание хозяйственной и творческой жизни народа дано совершенно оторванно от бурной истории, социальных сдвигов и перемен в итальянской общественной жизни. Социальный анализ как застойности, консервативности, так и изменчивости тех или иных обычаев, праздников, стилей в художественном творчестве по существу отсутствует. Все явления народного быта рассматриваются оторванно от социальной структуры существующего итальянского общества. В книге нет также социально-психологического объяснения тех или иных явлений в жизни народа, не рассматривают авторы и ее связи с демографическими факторами, игравшими и играющими в настоящее время большую роль в итальянской жизни. Подчас создается впечатление, что «народная жизнь» протекает как бы вне времени и истории и, не изменяясь, лишь сосуществует с другой, подлинной и изменяющейся общественной и политической жизнью и историей итальянского народа.

К этим замечаниям принуждает и название серии, в которой вышла эта книга — «Conosci l'Italia» — «Познай Италию». Конечно, книга дает очень много для познания различных сторон народной жизни. Однако картина этой жизни была бы значительно более полной и правдивой, если бы была показана ее неразрывная связь с полной остротой противоречиями и контрастами общественной и духовной жизнью Италии, с ее социальной и классовой структурой.

Н. А. Красновская

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Страны и народы Востока. Выпуск V — Индия — страна и народ. Под общей редакцией акад. В. В. Струве и члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. М., 1967, 270 стр.

Этот сборник — своеобразный итог работы Восточной комиссии Географического общества СССР в области изучения Индии. Тринадцать лет деятельности комиссии (она создана в декабре 1955 г.) были подчинены основной цели — объединить усилия ученых, чьи интересы связаны с исследованием стран Азии и Африки, способствовать широким контактам представителей разных отраслей востоковедческой и географической науки.

Членами Восточной комиссии стали за эти годы сотрудники многих научных и учебных учреждений — Института народов Азии, Института этнографии, Института географии АН СССР, Ленинградского и Московского университетов, Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, Государственного Эрмитажа, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Воронежского университета и др.

Формы деятельности Восточной комиссии разнообразны. Прежде всего это научные заседания, на которых заслушиваются доклады и сообщения, ведутся дискуссии, происходит обмен мнениями и информацией. Кроме того, это поездки в изучаемые страны, участие в международных конгрессах и съездах, установление научных контактов с зарубежными коллегами. Наконец, это научно-популяризаторская и достаточно активная издательская деятельность.

Индологическая проблематика с самого начала существования комиссии заняла одно из ведущих мест в программе ее деятельности; уже самое первое заседание было посвящено индологической тематике — на нем был заслушан доклад А. В. Королева «Русские и советские писатели и художники об Индии».

Почти на 50 научных заседаниях Восточной комиссии, целиком или частично посвященных Индии, было представлено большое число докладов по самым разным отраслям науки. Тут были доклады по проблемам экономического районирования страны, реорганизации штатов, роли железных дорог в размещении производительных сил Индии и т. д. Большое место заняли доклады и сообщения по этнографии, демогра-

фии и географии населения Индии. Рассматривались также вопросы, связанные с положением индийцев за рубежом, а также с индийским культурным влиянием на соседние страны.

Члены Восточной комиссии и ее гости неоднократно делились живыми впечатлениями от своих поездок в Индию.

Большое внимание, наряду с современными проблемами, уделялось изучению истории Индии. Многочисленные доклады были посвящены русским путешественникам в Индию.

Восточная комиссия ведет также большую мемориальную работу по увековечиванию памяти и научных заслуг крупнейших деятелей русского востоковедения.

Характер, объем и направление работы, которая велась Восточной комиссией по индийскому ареалу, детально обрисованы в статье И. В. Сахарова «Восточная комиссия Географического общества СССР и ее работа по изучению Индии», которая удачно открывает рецензируемый сборник.

Большинство статей сборника по своей тематике связано с современной жизнью индийского общества.

Важнейшей современной проблеме — государственной структуре и национальным отношениям в Республике Индии — посвящена статья М. М. Сайфулина и Л. П. Ульяновой «Некоторые особенности индийской федерации на современном этапе». Рассматривая основные особенности индийской федерации, авторы отмечают ее сложный характер, прослеживают две противоречивые тенденции — к централизации, с одной стороны, и к децентрализации — с другой. Они убедительно свидетельствуют, что федеративная форма государственного строя в Индии определилась как удобный государственно-правовой инструмент. Они заключают, что федерация в Индии характеризуется определенными элементами демократизма, хотя интересы индийского народа требуют ее дальнейшего совершенствования.

Национальные различия сильнее всего сказываются на экономической, политической и культурной жизни Индии. Одному из частных вопросов этой проблемы посвящена статья И. В. Сахарова «О специфике национального состава населения Западной Бенгалии», в которой рассматривается соотношение этнических групп и социальной стратификации общества.

Процесс урбанизации — один из животрепещущих вопросов современности, занимающих ученых — представителей разных наук: экономистов, социологов, этнографов, историков культуры. «Показатели уровня урбанизации приобретают синтетическое значение, поскольку они вбирают в себя и отражают, как в фокусе, многие демографические, экономические, политические, культурные и исторические, особенности страны», — пишет Л. И. Бонифатьева, автор статьи «К вопросу об определении уровня урбанизации Индии». Опираясь на соотношение абсолютных и относительных показателей урбанизации, автор делает вывод, что вопрос об уровне урбанизации Индии сложен и не может быть решен однозначно. Хотя такой важнейший показатель, как доля городских жителей в населении страны, свидетельствует о низком относительном уровне урбанизации, другие показатели (абсолютная численность городского населения, удельный вес крупных городов во всем городском населении и др.) ставят Индию в один ряд с наиболее урбанизованными странами мира.

Основательная, насыщенная фактическим материалом статья Г. В. Сдасюк «Индустриализация и формирование экономических районов в Индии», содержащая характеристику развития и соотношения различных отраслей промышленности, тенденции размещения развивающейся тяжелой промышленности, рост промышленно-энергетических комплексов. Автор делает вывод, что в современной Индии явно определились тенденции нового типа экономического развития, хотя это сложный и противоречивый процесс.

В современной Индии очень остро стоит проблема адиваси — малых народностей и племен, сочетающая в себе два основных аспекта — социально-экономический и национальный. На эту тему мы находим в сборнике две статьи: Б. П. Супруновича «Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии» и С. А. Маретиной «Малые народы Ассама (этнический состав)». В первой работе широко обрисована проблема в целом, дана ее история и состояние на сегодняшний день, оцениваются усилия индийского правительства и общественности Индии в решении таких задач, как подъем жизненного уровня адиваси, защита их от эксплуатации и т. д. Статья С. А. Маретиной посвящена многочисленным племенам и народностям горных районов Ассама, связанным по происхождению с Восточной Азией. Автор дает характеристику основных особенностей их хозяйственно-культурного типа, социальной организации и духовного уклада, содержащих много оригинального.

Полевой этнографический материал лег в основу статьи Н. Р. Гусевой «Секты в сикхизме», в которой собраны сведения, до сих пор почти неизвестные советским индологам. Ключом к решению проблемы сект в сикхизме является, по мнению автора, то обстоятельство, что религиозные движения, а равным образом и возникновение сект внутри какой-нибудь одной религии связаны в целом ряде случаев с определенной этнической средой, которая питает эти движения или поддерживает развитие сект. К сожалению, описаны секты несколько неравноценно: если ниханги, намдхари, ниранкари, удаси охарактеризованы подробно, полно и ярко, то сведения об хандали, мина, нирмала и сева-пантхи скупы и отрывочны.

Информационная статья М. К. Кудрявцева «Антропологическая служба Индии», написанная на основании личного знакомства с этой службой и ее региональными станциями, содержит основательную характеристику организации, методов работы и научных кадров антропологии в широком смысле (включающей этнографию и социологию), которой в Индии придается важное государственное значение. Автор особо отмечает, что коллектив Антропологической службы состоит из высококвалифицированных, преданных своему делу энтузиастов.

Вопросу о внешних миграциях населения Индии посвящена статья И. П. Труфанова, в которой освещаются особенности внешних миграционных движений индийского населения, анализируется современное положение индийских мигрантов в различных странах. В советской научной литературе этот вопрос до сих пор не был разработан в достаточной мере, а между тем в настоящее время в ряде стран индийцы составляют значительную часть населения, в некоторых странах стоит проблема гражданства индийцев. При решении этой проблемы необходим трезвый подход и всесторонний учет интересов как самих индийцев, так и стран, в которых они проживают.

К статье И. П. Труфанова тематически примыкает рецензия А. Д. Дридзе на книгу М. Класа — первое монографическое исследование, посвященное индийской части населения Тринидада.

Интересной проблемой — изучению роли Индии в истории и культуре близких стран и народов — посвящена в сборнике статья Ю. В. Маретина «По поводу индийских влияний в байалийской культуре».

Статья А. Н. Зелинского озаглавлена «Академик Ф. И. Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан». Статье предпослана содержательная биографическая справка о замечательном представителе русской индологической науки. Однако статья А. Н. Зелинского — нечто большее, чем просто мемориальный материал или оценка трудов Ф. И. Щербатского по названной теме.

Кушаны уже более столетия привлекали внимание исследователей, а в последнее время в мировой науке интерес к истории этого народа особенно усилился. В частности, не может быть оставлена в стороне история философско-религиозной мысли у кушан, так как именно при кушанах сформировалось новое направление буддизма (махаяна), превратившая его в мировую религию.

Автор статьи ставит своей целью выяснить, какие же процессы привели к коренному изменению буддийской концепции в начале нашей эры и какова роль кушан в этих переменах.

Опираясь на идеи Ф. И. Щербатского, увидевшего сущность перемены буддийской теории в совершенно новой интерпретации центрального понятия буддизма — «нирваны», А. Н. Зелинский делает вывод о том, что в культурном отношении эпоха кушан явилась переломным моментом для судеб буддизма.

Помимо упомянутой уже рецензии А. Д. Дридзе, сборник содержит еще очерк-рецензию В. В. Петрова «От древней Раджпутаны к современному Раджастану». Возможно, имеет смысл сделать библиографическую часть подобных сборников более систематической. В частности, многие индологи с удовольствием увидели бы на страницах подобных сборников продолжение «Библиографии Индии», как нельзя более уместной в страноведческом издании.

Перед ними первый региональный сборник Восточной комиссии Географического общества. При развитости индологической науки в нашей стране и при большой спецификации ее отраслей потребность в такого рода изданиях очевидна. Географическое общество, с его давними традициями комплексного изучения стран мира, сотрудничества специалистов в области географии, истории, этнографии, экономики и культуры, имеет превосходную базу для кооперирования научных сил и организации такого типа изданий. Достоинства страноведческого сборника заключаются именно в комплексном освещении различных проблем по отдельной взятой стране.

Закljučая обзор нового издания, хочется высказать несколько общих замечаний. Прежде всего можно пожелать, чтобы подобные страноведческие издания стали регулярными.

По-видимому, следует также продолжать публикацию хроникальной справки об индологических заседаниях Восточной комиссии.

Совершенно необходимы резюме на английском языке к статьям, а также и перевод хроники.

Наконец, нельзя закончить статью, не отметив, что многие статьи сборника написаны прекрасным живым языком, ярко выражающим индивидуальность авторов (особенно хочется упомянуть очерк В. В. Петрова, статью М. К. Кудрявцева «Доктор Верре Элвин», статьи А. Н. Зелинского).

Несомненно, что все индологи будут глубоко признательны организаторам издания — председателю Восточной комиссии члену-корреспонденту АН СССР Д. А. Олдерогге и секретарю комиссии И. В. Сахарову, ответственному редактору выпуска.

Н. Г. Краснодембская

J. A. Fishman, V. C. Nahirni, J. E. Hofman, R. G. Hayden e. a. *Language loyalty in the United States. The maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups.* London — the Hague — Paris, 1966, 478 p.

Самые плодотворные направления современной науки развиваются на стыке отдельных научных дисциплин. Эта мысль стала уже общезвестной и даже, пожалуй, общепринятой. В пограничных областях возникают комплексы наук и комплексные научные исследования. Примеры этого множатся, один из них — книга Дж. Фишмана и других «Верность родным языкам в Соединенных Штатах». Ее можно назвать трудом в области социалингвистики, можно было бы отнести ее и к области этносоциологии, пожалуй, и к этнической психологии. Тема книги, как она сформулирована в подзаголовке, — «сохранение и поддержание неанглийских родных языков американскими этническими и религиозными группами». Содержание ее много шире. Оно охватывает этнические процессы в США — и не только потому, что языковой вопрос — важнейшая часть этой области, но и потому, что в рецензируемой книге господствует широкий подход к изучаемым явлениям.

Книга основана на социологических обследованиях, которые были в 1962 г. изложены в 4-томном mimeографированном издании. Рецензируемый том — конденсат этого труда, отдельные результаты которого изложены в ряде журнальных статей¹. Исследовательская база его — главным образом анкетный опрос целого ряда национальных организаций и групп и материалы переписей всего американского населения. Авторы произвели перекрестный анализ и сложные подсчеты полученных данных и на основании этого составили многочисленные таблицы и графики, помещенные в книге. Однако теоретические обобщения, которым в этом томе уделено много места, выходят за пределы этих данных и зачастую исходят не только из них. Широта и серьезность этих обобщений делают их значимыми для языков и этнических процессов всей земли.

Отдельные главы книги принадлежат разным авторам, большая часть написана Дж. Фишманом — одним или в соавторстве. Во введении формулируется задача всего труда — изучить «культурно-языковое самосохранение» американских иммигрантов, которому уделялось значительно меньше внимания, чем изучению их американизации в США. При этом Дж. Фишман указывает, что авторы разных глав не имели «единой теоретической модели». Написанная им же 1-я глава — об исторических и социальных связях предпринятого исследования — также имеет лишь вводный характер, но в ней намечен и ряд общих идей, развитых затем в книге. В этой главе излагается предложенная крупным американским скандинавистом Э. Хаугеном классификация языков США по трем группам: 1) языки коренного населения — индейские, 2) колониальные языки, 3) иммигрантские языки. Из колониальных языков английский укоренился в качестве общенационального. Три языка из той же категории — русский, шведский и голландский — не сохранились и вновь появились в США уже как иммигрантские, указывает автор. Можно, однако, отметить, что среди коренного населения Алески сохранились, по данным специалистов, весьма заметные следы русского языка. Массовую иммиграцию в США Дж. Фишман датирует только с 80-х годов XIX в., игнорируя иммиграцию середины прошлого столетия.

Во 2-й главе подробно рассматривается отношение разных иммигрантских поколений к родному языку. Демографический анализ дается главным образом по материалам переписей, причем указывается на необходимость критического к ним отношения, например учета социальной мобильности опрошиваемых (речь идет главным образом о втором иммигрантском поколении) и престижа данного языка как в соответствующей иммигрантской группе, так и во всем американском обществе. Так, от 1910 до 1920 г. число иммигрантских детей, объявивших своим родным языком русский, выросло почти вдесятеро. Авторы главы справедливо объясняют это восторженным отношением к русской революции.

Интересны приводимые в этой главе новейшие данные: в 1960 г. почти 11% жителей США объявили родным какой-нибудь неанглийский язык. Наиболее распространенными из таких языков оказались итальянский, испанский, немецкий, польский, французский и идиш.

В следующих двух главах разбираются данные о прессе национальных меньшинств и о радиопередачах на языках, иных, чем английский. Количество газет на таких языках резко сократилось за последние десятилетия, причем все больше газет, сохранившихся у этнических групп, перешло, частично или полностью, на английский язык. С 30-х годов в быт входят иноязычные радиопередачи, которые среди наименее грамотных и наиболее бедных групп намного популярнее газет. Так, на юго-западе страны действуют радиостанции, вещающие на испанском языке, относительно много часов выделяют для радиопередач на испанском языке и общие станции. Но с 50-х годов те-

¹ Напр., V. C. Nahirni and J. A. Fishman, *American immigrant groups; ethnic identification and the problem of generations*, «The Sociological Review», Keele, Staffordshire, Nov. 1965, pp. 311—326.

левиение вытесняет в США радиовещание и, соответственно, его иноязычные передачи.

Глава 5-я посвящена национальным школам у разных этнических групп. Положение и роль иммигрантских языков рассматриваются по разным видам этих школ — дневным, вечерним, воскресным, в зависимости от состава учащихся и учителей и т. д. Очевидно, что и здесь положение иммигрантских языков постепенно слабеет. Сама национальная школа, по мнению авторов, является орудием разложения иммигрантских групп. Прежде всего потому, что для большинства иммигрантов рубежа XIX и XX вв. школа явилась американским нововведением — в Европе они ее не знали. Следует отметить, что значительная часть таких школ находится под влиянием церкви.

В 6-й главе та же языковая динамика разбирается по национальным церковным приходам разных вероисповеданий. Господствующим языком богослужения повсюду становится английский. Больше всего это относится к католическим приходам, меньше — к православным, униатским, где служба ведется на языке, более или менее близком к языку прихожан, а также к лютеранским и вообще протестантским религиозным организациям, которые с самого своего возникновения в Европе имели национальный характер.

Далее в специальной главе анализируется роль иммигрантских организаций и их лидеров в судьбе иммигрантских языков. Еще в большей степени, чем школа, эти организации — явление, сформированное по американским образцам, в Европе свойственное только городской культуре. Первоначально характерные для них функции сохранения национальной культуры в дальнейшем вытесняются деятельностью, преследующей самосохранение и саморазвитие организации, что, по мысли авторов, характерно для всяких организационных структур. И лидеры их, вербующиеся ныне из иммигрантских детей, становятся уже не культурными, а лишь организационными деятелями своих групп.

В 8-й главе делается попытка наметить типологию иммигрантских популяций в языковом отношении. Материал для нее был подобран путем бесед в пяти иммигрантских группах: двух испаноязычных, двух украинских и одной франко-канадской. Интересно, что на вопрос о желательности сохранения соответствующих этнических групп наименьшее число положительных ответов было получено в обеих испаноязычных группах — у жителей тexasского города Сан-Антонио и у нью-йоркских пуэрториканцев. Автор главы объясняет это тем, что обособленное существование этнической группы связывалось у опрашиваемых с сегрегацией.

Следующие четыре главы уделены сравнительному изучению четырех национальных групп США — немецкой, франко-канадской, мексиканской и украинской. Глава о франко-канадцах — самая слабая во всей книге. Она поверхностна и изобилует общими местами. Автор статьи о немцах находит, что они культивировали свой язык более ревностно, чем, например, итальянцы, и объясняет это тем, что в свое время немцы были в США единственной крупной иммигрантской иноязычной группой. Теперь же из детей немецкого происхождения не более 50 тыс. пользуется немецким языком как родным. «Таким образом, немецкий язык, по-видимому, обречен на угасание» (стр. 248). Первые его носители прибыли еще в колониальную Америку, массовая же иммиграция немцев происходила в средние десятилетия XIX в. Можно предположить, что путь этой группы в самых общих чертах проходит и другими группами. Что касается франко-канадцев, например, то их дети поступают в церковноприходские франкоязычные школы, не говоря, а подчас и не понимая по-французски.

13-я глава, написанная видным социологом Н. Глейзером, представляет собой обзор всех предыдущих. Там, в частности, дается перечень условий, влияющих на языковую ассимиляцию. По мнению Глейзера, их пять: время прибытия иммигрантов, их расселение, социальная структура иммигрантских групп, их религия и, наконец, «степень идеологической мобилизации группы» на сохранение родного языка (стр. 365). Подобные перечни условий ассимиляции, более подробные и более краткие, даны и другими авторами в других местах книги с существенными вариациями.

В следующей главе Дж. Фишман излагает практическую, рекомендательную часть книги. Здесь он исходит, как заявляет сам, из собственных взглядов и установок, а не из исследовательских данных. И действительно, эта глава, одна из наименее интересных, представляет собой скорее перечень не очень последовательных пожеланий, чем научный анализ. Главное из них — сохранить неанглийские языки США как национальное богатство, как средство подъема культуры и международных связей.

Далее идет большая итоговая теоретическая статья того же автора.

Том завершается двумя приложениями. В первом излагается методика сбора материала и анализируются данные переписей по рубрике «родной язык». Оригинальные материалы были получены посредством рассылки анкет, бесед по определенной программе, полевых наблюдений, анализа изданий, выпускаемых разными национальными организациями и т. д. Полученные ответы кодировались. Во втором приложении Дж. Фишман дает методологический анализ темы, подводит итоги ее изучения в мировой, преимущественно языковедческой, литературе и намечает перспективы исследования.

Каковы же теоретические выводы этого основательного и богатого мыслями труда? Попытаемся выяснить некоторые из них. Хотя практическая цель всего авторского коллектива — способствовать сохранению иммигрантских национальных языков, оценка объективного положения в этой области недвусмысленна. Во всех этнических группах

происходит «англификация», только разными темпами. Несмотря на все различия между этими группами, их языковое развитие определяется воздействием на них американского национализма. Потеря этнического своеобразие и аккультурация — определяющие процессы американской истории. Желаемое не принимается в книге за действительное. Самое большое, на что выражается надежда, это двуязычие.

Однако влечет ли за собой утрата языка — одного из главных компонентов и показателей этнической культуры — утрату, как выражается автор, этничности? Дж. Фишман отвергает тезис о прямой зависимости между солидарностью этнической группы (вплоть до национализма) и сохранением языка группы и опровергает соответствующие положения, выдвигавшиеся в 30-х гг. немецкими авторами гитлеровской ориентации, которые приписывали двуязычию «расовое» и даже личное вырождение (стр. 432). По его мнению, сохранение этнической группы — нечто гораздо более прочное, чем сохранение ее языка. «Вообще, этничность и сохранение культуры представляются явлениями, гораздо более устойчивыми, чем сохранение языка» (стр. 399). Двуязычие начинает развиваться у иммигрантов очень рано, а этническая солидарность и групповые связи действуют даже при полной утрате родного языка. Но при этом язык, которым перестали пользоваться, может быть идеализирован и стать символом группы. Для характеристики подобного состояния Дж. Фишман вводит понятие «маргинальная (иначе говоря, побочная, вторичная) этничность». Такая этничность приспособлена к американской обстановке и, следовательно, должна рассматриваться не только как остаточное явление, но и как новообразование. «В Америке, как и в других странах сегодняшнего мира, — пишет Дж. Фишман, — обстоятельства приводят скорее к модернизации этничности, чем к ее полному вытеснению» (стр. 404—405).

Но что же такое этничность? Дж. Фишман понимает ее как комплекс исконных, традиционных, даже неосознанных черт, связей, чувств, в атмосфере которых жили иммигранты в Европе и которую они пытаются перенести за океан. На родине же они находились на низком уровне общественного развития, были крестьянами патриархальной, замкнутой, неподвижной европейской деревни. Такая односторонняя точка зрения на иммиграцию (неверная и в характеристике европейской деревни) выдвигалась крупным американским иммигрантоведом О. Хэндином и имеет широкое хождение. Мирощущение (скорее, чем мировоззрение) и строй жизни крестьян этого типа Дж. Фишман и называет этничностью. Но если так понимать этничность, то американская нация окажется лишенной этнических черт. И действительно, Дж. Фишман постоянно противопоставляет иммигрантов «дэтнизированным» американцам, американское общество, да и весь наш век оказываются «супратническими», т. е. надэтническими. В согласии с видным буржуазным социологом Гансом Коном², он объявляет американскую нацию скрепленной идеологическим единством и лишенной этнической основы. Эта точка зрения, имеющая долгую историю в американской общественной мысли и связанная с тесной американской исключительности, не может быть признана основательной.

Между тем, если толковать термин «этничность» шире, как комплекс черт, свойственных каждой этнической общности на той или иной стадии ее эволюции и общественного развития вообще, включая в этот комплекс этническое самосознание и этническую солидарность, — то это понятие следует, пожалуй, включить в понятийный аппарат этнографии и социологии. В таком случае можно будет говорить об этничности наций — и давно сложившихся, и еще молодых. К числу последних относится и американская нация.

Один из самых интересных и новых взглядов данного исследования — теория иммигрантских поколений³. Полемизируя с известным в американской литературе взглядом выдающегося иммигрантоведа М. Л. Хансена, по которому дети иммигрантов отрываются от этнических традиций, а внуки к этим традициям возвращаются, Дж. Фишман находит, что «эрозия» этничности происходит в продолжение трех поколений (стр. 343). При этом этничность не просто постепенно теряется — она изменяет свою природу, становится все более «маргинальной». Изменение это также не однородное, а противоречивое, диалектического свойства. Первое поколение, считает Дж. Фишман, живет в атмосфере нетронутой, как будто бы, этничности. Но так как оно в ней живет, то она не может не развиваться, следовательно изменяется. Чрезмерная приверженность первого поколения к этничности оборачивается для многих представителей второго поколения яростным отрицанием ее, которое лишь свидетельствует о том, как глубоко они ее сознают. Американизированное третье поколение характеризуется избирательной и идеологизированной этничностью, а язык дедов, к которому, как и к некоторым другим этническим чертам, оно вновь проявляет интерес, изучается им как иностранный. «Так дэтнизация и реэтнизация следует друг за другом, быть может, циклами снижающейся интенсивности» (стр. 410). Процессы подобного рода происходят и в одном и том же поколении в зависимости от возраста людей. Так, сыновья иммигрантов в детстве владеют «этническим языком» лучше, чем во взрослом состоянии. Противоречива и сама иммигрантская семья: родители передают детям этническую культуру, но дети, общаясь друг с другом и с родителями, вносят в семью элементы ассимиляции.

² Н. Ко hn, American nationalism, New York, 1957, p. 9.

³ Она изложена также в упомянутой выше статье Дж. Фишмана и В. Нагирного в «Sociological Review».

Интересно ставится в томе вопрос о церкви. Хранительница этнических традиций и языка, ревниво оберегавшая свою паству от посторонних влияний на первых порах ее жизни в Америке, церковь в дальнейшем, исходя из собственных же интересов, становится мощным ассимилирующим фактором. Это связано с растущим двуязычием прихжан, особенно с появлением второго поколения, и наиболее ярко выражено в деятельности католической церкви. С ее вселенским характером и англоязычными ирландскими кадрами она стала второй по значению (после государственных школ) ассимилирующей силой в США.

Разработка проблем двуязычия, вообще и в разных жизненных ситуациях, в засимости от общественной обстановки и социальных связей, которая намечается в томе, представляет немалый интерес и для наших этнографов и лингвистов, которые также занимаются двуязычием, разумеется, в иных условиях.

Из других важных вопросов ассимиляции, поднимаемых в рецензируемой книге, можно также выделить тему о роли города. Дж. Фишман отмечает, что нет лучшего средства для ослабления специфических этнических черт, чем многоязычный крупный американский город. Однако в последней, методологической главе он считает нужным оспорить это, по его же словам, «одно из самых разумных и лучше всего документированных обобщений» (стр. 443—444). Именно в городах, пишет Фишман, развиваются сознательные и организованные движения этнической солидарности, которым, согласно своим склонностям, Дж. Фишман придает большое значение в деле сохранения этнических языков. Городская жизнь действительно способствует переменам, пишет он, но они могут происходить в разных направлениях, и возможен даже возврат к языку предков. Поставленный Фишманом вопрос, при кажущейся простоте, крайне сложен. Решение его зависит и от размера поселения, и от степени концентрации в нем данной этнической группы, и от количества национальностей и т. д. и связано с общей проблемой урбанизации. Он имеет значение не только для иноязычных этнических меньшинств, но, скажем, и для негров.

В этом вопросе, как и во многих других, Дж. Фишман и его соавторы избегают однозначных решений, которые не могут отразить противоречивость жизни и сложность ее постижения. Диалектичность, порою парадоксальность анализа составляет преимущество этой чрезвычайно богатой содержанием книги. Разумеется, оно не могло быть исчерпано в рецензии. И, разумеется, далеко не все в этом труде представляется убедительным, но специалисты целого ряда смежных гуманитарных дисциплин, вооруженные марксистским методом, смогут извлечь много полезного из этой фундаментальной работы.

Ш. А. Богина

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ВИТОВ

[1923—1968]

Преждевременная смерть прервала деятельность Михаила Владимировича Витова — историка, этнографа и антрополога. М. В. Витов был не только талантливым исследователем в этих трех областях знания, но, и в этом его основная заслуга, удачно сочетал их в своей работе.

Поступив в 1942 г. на исторический факультет МГУ, Михаил Владимирович начал специализироваться по кафедре археологии, но затем перешел на этнографию. Еще будучи студентом, он участвует в среднеазиатских экспедициях Института этнографии, где получает подготовку также как полевой работник в основных разделах этнической антропологии. В 1952 г. М. В. Витов защищает кандидатскую диссертацию по теме «Поселения Заонежья в XVI—XVII вв. как предмет этнографического изучения».

В 1950-х гг. Михаил Владимирович активно сотрудничает в Прибалтийской комплексной экспедиции. Он принимает деятельное участие в разработке и публикации ее антропологических материалов и становится, таким образом, одним из известных исследователей в области этнической антропологии.

Здесь созревают планы его дальнейшей деятельности, выразившейся в осуществлении двух обширных предприятий — обследования русского Севера и Русской земли.

Работая на кафедре этнографии МГУ, М. В. Витов осуществил обширные историко-этнографические, этнографические и антропологические исследования на севере европейской России от финляндской границы и Чудского озера до Прикамья и бассейна Печоры.

Используя свои полевые этнографические наблюдения, но главным образом на основании письменных источников, М. В. Витов опубликовал книгу «Историко-географические очерки Заонежья в XVI—XVII вв.» и несколько статей на эту тему. Книга получила благоприятную оценку в печати.

В результате работы в северных экспедициях (1953—1957 гг.) на карту было нанесено свыше 70 пунктов, в которых собраны по единой программе сведения о физическом типе населения и его традиционной культуре. Статистический и картографический методы собирания материала были применены не только к антропологическим данным, где это обычно, но и к этнографическим.

В статье «Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера» М. В. Витов кратко упоминает и о своих этнографических материалах. Видно, что они представляют собой этнографическую энциклопедию нашего Севера. Но основная ценность этой статьи состоит в том, что автору удалось убедительно показать значение антропологических данных для изучения исторических событий не только древнейших эпох, но и сравнительно близких к нам, уже освещенных письменными источниками.

После завершения работ на Севере М. В. Витов задумал и почти полностью осуществил обследование Русской земли. Большая часть ранее собранных по единому плану антропологических и этнографических данных ограничивалась границами расселения того или иного из трех восточнославянских народов. Сопоставление данных о

разных народах, которое и должно дать ответ на основные вопросы их этногенеза и исторической этнографии, приходилось делать на основе результатов работ, организованных по разным программам. М. В. Витов поставил себе целью изучение современного населения Русской земли в тех границах, в которых она рисуется на заре нашей письменной истории, т. е. захватывая части всех трех народов: русского, украинского и белорусского. В ходе этой работы было обследовано по единым антропологическим и этнографическим программам свыше 60 групп. Эти данные обладают исключительной ценностью вследствие их высокой сравнимости. В общих чертах известно, что все три восточнославянских народа очень близки между собой. Можно догадываться на основе некоторых фрагментарных данных, что отдельные группы одного из этих народов антропологически ближе к отдельным группам другого, чем к другим группам того же народа. Возможно, что подобное заключение может быть сделано и по отношению к тем или иным этнографическим особенностям. Тщательное исследование и уточнение наблюдений этого рода внесет существенный вклад в разработку проблем русской исторической этнографии.

Сам по себе принцип комплексного подхода к изучению проблем этногенеза не является, конечно, новостью. Однако, как правило, исследователь в какой-либо области знания, ссылаясь на выводы специалистов в других областях, сопоставляет только конечные результаты. Работы М. В. Витова идут значительно дальше. Сопоставление данных должно, по его идее, производиться на всем протяжении работы, начиная с выбора пунктов исследования. Этой стороне дела он придавал особо важное значение и уделял ей много внимания.

Лишь ничтожная часть материалов по русскому Северу опубликована. Мы не сможем сделать их общим достоянием на том уровне, на котором это сделал бы сам Михаил Владимирович. Но в наших силах спасти от забвения многое. Это несколько легче сделать по отношению к антропологическим данным, труднее, но все же пока возможно, по отношению к данным этнографическим.

В еще большей мере это относится к материалам о населении Русской земли. О них нет даже информации в печати. Между тем закончена их статистическая разработка, составлены таблицы. Не дать большей части работ М. В. Витова исчезнуть бесследно, сохранить их для науки — в этом теперь наша задача и наш долг.

Велика тяжесть утраты. Но таков уж удел живых; не только скорбя об ушедшем товарище, но и идя по намеченному им пути, сохраним мы память о нем.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА ВИТОВА

1. Поселения Заонежья в XVI—XVII вв., «Кр. сообщения ИЭ АН СССР», т. 19, 1953.
2. О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3 (статья переведена в журн. «Cesky lid», 1955).
3. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение, «Сов. этнография», 1955, № 2.
4. Антропологические типы современного населения Прибалтики. «Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики», 1955.
5. Приемы составления карт поселений XV—XVI вв. по данным писцовых книг. «Проблемы источниковедения», в. V, 1956.
6. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища. «Вестник МГУ», 1958, № 4.
7. Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения, «Кр. сообщения ИЭ АН СССР», т. 29, 1958.
8. Антропологическая характеристика современного населения восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской экспедиции», т. I, М., 1959.
9. Этническая антропология Восточной Прибалтики, М., 1959 (совместно с К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксаровым).
10. Историко-географические очерки Заонежья в XVI—XVII вв. Изд. МГУ, М., 1962.
11. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). изд. «Наука», М., 1964.
12. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. «История СССР», 1964, № 6.
13. Некоторые вопросы этнолого-картографирования, «Проблемы лингво- и этнографии», М., 1964.
14. «След» и «посиденье» в обонежской топонимии XV—XVIII вв., «Вопросы географии», вып. 70, М., 1966.
15. Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. как исторический источник, «Вопросы языкознания», 1967, № 4.
16. География боярщины на новгородском Севере в XV в., сб. «Славяне и Русь», М., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Окладников (Новосибирск), Д. Л. Бродянский (Владивосток). Дальневосточный очаг древнего земледелия	3
М. Г. Рабинович (Москва). Древний ландшафт и жилище (О двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье)	15
П. А. Трояков (Абакан). Промысловая и магическая функция сказывания сказок у хакасов	24
Н. И. Донина (Москва). О некоторых эпохальных изменениях в строении зубной системы человека (на примере средневековых восточнославянских и русских краниологических серий)	35
А. А. Бернова (Москва). Современные этнические процессы на Малых Зондских островах	48

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов (Москва). Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования)	60
--	----

Народы мира

Информационные материалы

П. И. Пучков (Москва). Науру — новое независимое государство Океании	73
--	----

Сообщения

Н. Г. Борозна (Москва). Некоторые черты традиционной свадебной обрядности узбеков-дурменов южных районов Таджикистана и Узбекистана	80
И. С. Гурвич (Москва). Была ли известна юкагирам экзогамия?	87
Г. Н. Курилов (Ленинград). О терминах родства и свойства тундренных юкагиров	92
М. Я. Мельц (Ленинград). Неосуществленный фольклорно-библиографический замысел П. К. Симони	97
Н. В. Кочешков (Владивосток). Искусство резьбы по дереву в современной Монголии	103
Р. М. Касимова (Баку). О соотношении морфологического типа населения и распространения «бешника» в Азербайджане	112

Поиски, факты, гипотезы

Б. Ф. Поршнев (Москва). Проблема реликтовых палеоантропов	115
---	-----

Хроника

И. С. Гурвич (Москва). К 60-летию Алексея Павловича Окладникова	131
---	-----

Научная жизнь

Б. И. Вайнберг (Москва). Международная конференция ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху	133
--	-----

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Л. И. Лавров (Ленинград). Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора	136
---	-----

Народы СССР

- В. Я. Пропп (Ленинград). *К. В. Чистов*. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. 171
- Е. Н. Кушева (Москва). *В. К. Гарданов*. Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.) 143

Народы зарубежной Европы

- Н. А. Красновская (Москва). *Il Folklore. Tradizioni, vita e arti popolari* 146

Народы зарубежной Азии

- Н. Г. Краснодембская (Ленинград). *Страны и народы Востока*, вып. V—*Индия—страна и народ* 149

Народы Америки

- Ш. А. Богина (Москва). *J. A. Fishman, V. C. Nahirni, J. E. Hofman, R. G. Hayden e. a.* Language loyalty in the United States 152
- Михаил Владимирович Витов 156

На первой странице обложки: *Гнедой конь* (из серии скульптур, иллюстрирующих поэму Лхамсурэна «Гнедой конь»). Скульптура С: Сэнгээ (Улан-Батор).

SOMMAIRE

- A. P. Okladnikov (Novossibirsk), D. L. Brodianski (Vladivostok). Le foyer de l'agriculture préhistorique d'Extrême-Orient 3
- M. G. Rabinovitch (Moscou). Paysage ancien et l'habitation (Sur deux types de l'habitat ancien russe de la région entre la Volga et l'Oka) 15
- P. A. Troïakov (Abakan). La fonction magique et de chasse de la récitation des contes chez les Khakasses 24
- N. I. Donina (Moscou). De quelques changements par époques de la structure du système dental de l'Homme (d'après les séries craniologiques slaves médiévales de l'Est et russes) 35
- A. A. Bernova (Moscou). Processus ethniques actuels sur les îles de la Petite Sonde 48
- Discussions et Deliberations**
- V. I. Kozlov (Moscou). Processus ethniques actuels en l'U.R.S.S. (de la méthodologie de l'étude) 60
- Peuples du monde**
- Matériaux d'information**
- P. I. Poutchkov (Moscou). Nauru, nouvel Etat indépendant de l'Océanie 73
- Communications**
- N. G. Borozna (Moscou). Rituel de noces traditionnel des Ouzbeks dits «dourmén» des cercles du sud de Tadjikistan et d'Ouzbékistan 80
- I. S. Gourvitch (Moscou). L'exogamie, était-elle connue aux Youkaghirs? 87
- G. N. Kourilov (Léningrad). Les termes de parenté et de parenté par alliance chez les Youkaghirs de toundra 92
- M. Ya. Meltz (Léningrad). Un projet folklorique-bibliographique nonréalisé de P. K. Simoni 97
- N. V. Kotchéchkov (Vladivostok). L'art de sculpture en bois en Mongolie moderne 103
- R. M. Kassimova (Bakou). De la corrélation entre le type morphologique de la population et la diffusion du «béchik» en Azerbaïdjan 112
- Recherches, faits, hypotheses**
- B. F. Porchnev (Moscou). Le problème des paléanthropes reliquats 115

Chroniques

- I. S. Gourvitch (Moscou). Pour le 60-e anniversaire de Aléxéi Pavlovitch Okladnikov 131

Vie scientifique

- B. I. Vaïnberg (Moscou). Conférence internationale de l'UNESCO sur l'histoire, l'archéologie et la culture de l'Asie Centrale à l'époque des Kouchans . . . 133

Critique et bibliographie

Articles et aperçus critiques

- L. I. Lavrov (Léningrad). De l'interprétation du folklore Kabardien par Ch. B. Nógmov 136

Peuples de l'U.R.S.S.

- V. Ya. Propp (Léningrad). K. V. Tchistov. Les légendes populaires socioutopiques russes des XVIIe—XIXe siècles 141
Ye. N. Kouchéva. (Moscou). V. K. Gardanov. La structure sociale des peuples Adyghéens aux XVIII—I-re moitié du XIX ss. 143

Peuples de l'Europe étrangère

- N. A. Krasnovskaya (Moscou). *Il Folklore. Tradizioni, vita e arti popolari* . . 146

Peuples de l'Asie étrangère

- N. G. Krasnodembskaya (Léningrad). *Pays et peuples de l'Orient*, fasc. V («L'Inde—le pays et le peuple») 149

Peuples de l'Amérique

- Ch. A. Boguina (Moscou). J. A. Fishman, V. C. Nahirni, J. E. Hofman, R. B. Hayden e. a. Language loyalty in the United States 152
Mikhaïl Vladimirovitch Vitov 156

Sur la couverture: Cheval alézan (une de la série de sculptures illustrant le poème de Lkhamsouren «Cheval alézan». Sculpture par S. Sènghèe (Oulan-Bator).

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 16/I-1969 г. Т-05709. Подписано к печати 9/IV-1969 г. Тираж 2200 экз.
Зак. 5521. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,0. Бум. л. 5. Уч.-изд. листов 16,7.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10